

**ПЯТИГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ АССОЦИАЦИЯ КОНСТИТУЦИОНАЛИСТОВ
РОССИИ
АССОЦИАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ (АЮРО)
РОСТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ (РИНХ)
ИНСТИТУТ МАГИСТРАТУРЫ
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫХ ПРОБЛЕМ**

ПРАВО И ИНФОРМАЦИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Материалы VI Международной научно-практической конференции

23 марта 2023 года

**г. Пятигорск
2023 г.**

УДК 34(082)
ББК67.3я43
А 43

Печатается по решению
редакционно-издательского
совета ФГБОУ ВО «Пятигорский
государственный университет»

Научный редактор:

Л.А. Тхабисимова, доктор юридических наук, профессор.

Рецензенты: *Астафичев Павел Александрович, доктор юридических наук, профессор;*
Зражевская Татьяна Дмитриевна, доктор юридических наук, профессор.

Редакционная коллегия:

Авакьян Сурен Адиебекович, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, руководитель Межрегиональной ассоциации конституционалистов России, Заслуженный юрист РФ, Заслуженный деятель науки РФ, профессор, доктор юридических наук;

Чанышев Александр Сергеевич, председатель Правления Ассоциации юридического образования, проректор по молодежной политике Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук;

Иванова Елена Александровна, доктор экономических наук, профессор кафедры «Экономики региона, отраслей и предприятий», директор Института магистратуры Ростовского государственного экономического университета (РГЭУ «РИНХ»)

Заврумов Заур Асланович, проректор по научной работе и развитию интеллектуального потенциала Пятигорского государственного университета, доктор филологических наук, доцент.

ПРАВО И ИНФОРМАЦИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ: Материалы VI Международной научно-практической конференции; Пятигорск, 23 марта 2023 г. / науч. ред. Л.А. Тхабисимова. – Пятигорск: ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», 2023. – 258 с.

В сборнике опубликованы материалы VI Международной научно-практической конференции «Право и информация: вопросы теории и практики». В вошедших в сборник статьях и научных сообщениях освещаются актуальные теоретические и прикладные вопросы совершенствования информационного, конституционного, административного, гражданского, уголовного и иного законодательства и юридической практики, связанные с отношениями в сфере информации и информатизации. Отдельный блок статей посвящен проблемам теории и истории государства и права.

Работы, содержащиеся в сборнике, носят межотраслевой характер и будут интересны преподавателям, аспирантам юридических и исторических факультетов, а также практикующим юристам.

ISBN 978-5-4220-1447-7

© Коллектив авторов, 2023
© ФГБОУ ВО «ПГУ», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ № 1 «СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН»

1. **Акопян Л.А.** Обеспечение гендерной квоты в избирательном праве (на примере Республики Армения).....7
2. **Антонова Н.А.** Комплексное развитие территории муниципального образования: правовая и организационная основа.....11
3. **Берлявский Л.Г.** Конституционное право стран ближнего и среднего востока: проблемы изучения.....15
4. **Городецкая Е.А.** О перспективных практиках повышения электоральной и социальной активности молодежи на примере Приднестровья.....20
5. **Демичев Д.М.** Правительство Республики Беларусь в формировании информационного общества.....24
6. **Дидык Э.М.** О защите прав адвоката в Конституционном Суде Российской Федерации.....30
7. **Дидык Э.М.** Публичный характер адвокатской деятельности как средство обеспечения конституционного права на квалифицированную юридическую помощь.....33
8. **Дроздова А.М.** О взаимоотношениях государства и личности.....39
9. **Жегалова А.А.** Значение актов конституционного правосудия в формировании муниципально-правовой культуры в России.....42
10. **Костян И.И.** Теоретико-правовые основы понимания культуры.....45
11. **Магомедов М.Б., Ахмедов М.А., Насрудинов Н.Б.** Некоторые вопросы формирования и развития института конституционно-правового статуса личности для иностранцев на территории Российской Федерации.....49
12. **Скрипник А.В., Скрипник Л.А.** К вопросу о понимании государственного суверенитета в период глобализации.....55
13. **Тхабисимова Л.А., Иваненко Т.А.** Конституционно-правовые гарантии территориальной целостности Российской Федерации.....59
14. **Червинская А.П.** Обеспечение конституционной законности как форма взаимодействия палат Федерального Собрания Российской Федерации с Президентом Российской Федерации.....62

СЕКЦИЯ № 2

«АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»

15. Пахомова Е.В. Признание следователем лица потерпевшим по уголовному делу при отсутствии сведений о нем.....67
16. Разаков Р.Ч-М, Касумов Р.М., Абдуразаков З.А. Органы власти и управления сельской общины в Дагестане.....71

СЕКЦИЯ № 3

«СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА»

17. Акименко М.А., Берберова Е.Г. О некоторых аспектах противодействия транснациональному рекрутированию в экстремистские и террористические организации через сеть интернет.....76
18. Бабошина Е.В. Международные аспекты обеспечения энергетической безопасности Российской Федерации.....80
19. Бурьянов С.А., Бурьянов М.С. О необходимости международного правового закрепления глобальных цифровых прав человека.....84
20. Валяровский Ф.И. Цифровая безопасность государства в 21 веке.....88
21. Гусейнова И.С. Сравнительный анализ формирования центральных органов государственного управления России и Кыргызской Республики.....91
22. Затулякина К.В. Проблема загруженности судей и аппарата удов общей юрисдикции как причина низкого качества правосудия.....97
23. Кубатко А.Н. Разнообразие видов и форм совершения хищения: аспекты судебной и правоприменительной практики в сфере правоохранительной деятельности в России.....99
24. Османова М.Н. СССР и ЮНЕСКО: опыт взаимодействия в сфере охраны всемирного культурного наследия.....104
25. Савинов А.А. Правовое регулирование оценки качества электронных государственных услуг в Республике Беларусь.....109
26. Фальшина Н.А. Трансформация социальных связей под воздействием цифровых технологий в зарубежных государствах (на примере Китая).....115

СЕКЦИЯ № 4

«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА»

27. Акименко М.А. О некоторых криминологических аспектах проявления кибертерроризма с использованием сети интернет.....120

28. **Амиянц К.А., Мордовина А.А.** Использование криптовалюты как предмета взятки.....123
29. **Клычев Р.А.** Современные проблемы дифференциации уголовной ответственности.....127
30. **Попов А.П., Попова И.А.** Конфиденциальные следственные действия в уголовно-процессуальном законодательстве: компаративистский взгляд.....133
31. **Чочуева З.А.** Об обстоятельствах, смягчающих уголовное наказание.....137
32. **Шимкин В.Н.** Баллистическая экспертиза в расследовании уголовных дел.....140

СЕКЦИЯ № 5

«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ»

33. **Бойко Н.А.** Участники отношений в области обеспечения конфиденциальности информации.....143
34. **Вильгоненко И.М.** Роль и значение информации ограниченного доступа.....147
35. **Вильгоненко И.М., Слепенко Ю.Н.** Основания возникновения и развития обеспечения конфиденциальности информации.....151
36. **Кремнева Е.В.** Актуальные направления исковой работы прокуроров по признанию информации запрещенной к распространению.....156
37. **Кубатко С.А.** Аспекты правового регулирования информационных систем, эксплуатируемых с использованием сети «интернет».....160
38. **Решетняк С.Р.** Актуальные вопросы регулирования процедуры создания субъекта предпринимательской деятельности в условиях цифровизации и противодействия «теневой экономики».....164
39. **Симонова И.С.** Актуальные вопросы деятельности органов прокуратуры по признанию экстремистскими информационных материалов, распространяемых посредством сети «Интернет».....168

Трибуна Молодого Ученого

40. **Акопян З.В., Акопян В.З.** Причины переноса уездного центра из села Прасковеев в город Святой Крест Ставропольской губернии.....173
41. **Акопян З.В.** Административный центр Трухменского приставства Ставропольской губернии в XIX – начале XX вв.....177
42. **Исаева Б.М.** Актуальные проблемы реализации конституционного права граждан на информацию.....183

- 43. Немов В.А., Абаева Е.А.** Новые формы работы с обращениями граждан в эпоху цифровизации (на примере деятельности Государственной Думы Федерального Собрания РФ).....186
- 44. Носков Е.Е.** Пробелы гражданско-правового регулирования информационных систем в Российской Федерации.....191
- 45. Терентьев Д.С., Осипова М. В.** Защита интеллектуальных прав в арбитражном суде.....194
- 46. Тимофеев А.В., Осипова М.В.** К вопросу о правовой охране географического указания и НМПТ в России.....199

СЕКЦИЯ № 1
«СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА
РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН»

Л.А. Акопян,
кандидат юридических наук, доцент,
преподаватель кафедры юриспруденции
Академии государственного управления РА
lilialaw@mail.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГЕНДЕРНОЙ КВОТЫ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРАВЕ (НА
ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ)

Аннотация. Статья посвящена правовому регулированию гендерной квоты в избирательном законодательстве Республики Армения и механизмам ее обеспечения. Автор, в частности, обращается к проблемам обеспечения гендерной квоты в рамках муниципальных выборов. На основе анализа законодательства и сложившейся практики автор приходит к выводу о том, что нет оснований говорить о реализации гендерной квоты, закрепленной в избирательном праве, если законодательством не заложены такие механизмы, которые гарантировали бы предрекаемый этой квотой либо близкий к нему результат. Иначе закрепление гендерной квоты становится самоцелью.

Ключевые слова: гендерная квота, пропорциональная избирательная система, мажоритарная избирательная система, избирательное право, право избираться, избирательный список, участвующая в выборах партия, муниципальный совет, член муниципального совета, муниципальные выборы.

L.A. Hakobyan
Associate Professor of Public Administration
Academy of the RA,
Phd in Law

ENSURING THE GENDER QUOTA IN THE ELECTORAL LAW
(ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF ARMENIA)

Abstract: The article is dedicated to the legal regulations of the gender quota in the electoral legislation of the Republic of Armenia and to the mechanisms for ensuring it. The author, particularly, addresses to the problems of ensuring the gender quota in the frame of municipal elections. Based on the analysis of legislation and established practice the author comes to the conclusion that there is no reason to talk about the implementation of the gender quota enshrined in the electoral law, if the legislation does not provide such kind of mechanisms, which would guarantee the result predicted by this quota or close to it. Otherwise, fixing the gender quota becomes an end in itself.

Keywords: gender quota, proportional electoral system, majoritarian electoral system electoral law, right to be elected, electoral list, political party running in the elections, municipal council, member of municipal council, municipal elections.

Местное самоуправление, как один из признаков демократического государства, было внедрено в Республике Армения в рамках принятия Конституции РА в 1995 году. В процессе формирования органов местного самоуправления проявляется принцип демократического характера организации органов местного самоуправления. Проведение периодических свободных выборов в муниципалитетах составляет основу непосредственной демократии в сфере местного самоуправления. Значение

муниципальных выборов определяется тем, что всегда посредством их образуются представительные органы и в установленном законом случаях избираются также иные органы (должностные лица) местного самоуправления [¹, с. 99-173]. Законодательно было закреплено, что представительный и исполнительный органы местного самоуправления избираются путем прямых выборов по мажоритарной системе относительного большинства.

Мажоритарная избирательная система в рамках муниципальных выборов просуществовала весьма долго и применяется и ныне (всего в нескольких муниципалитетах). И лишь с 2008 года в Армении стало возможным применение пропорциональной избирательной системы в рамках муниципальных выборов и проведение косвенных выборов главы муниципалитета, когда был принят Закон РА «О внесении изменений и дополнений в Избирательный кодекс РА» от 26 декабря 2008 года. До внесения в Избирательный кодекс указанных изменений муниципальные выборы в РА проводились исключительно по мажоритарной избирательной системе и исключительно в рамках прямых выборов, независимо от избираемого органа.

В рамках действующего Избирательного кодекса, принятого в 2016 году, произошли существенные изменения по вопросам организации и проведения выборов органов местного самоуправления. Принятию Избирательного кодекса 2016 года предшествовала конституционная реформа, в рамках которой были приняты конституционные поправки 2015 года.

Действующий Избирательный кодекс определяет, что выборы органов местного самоуправления проводятся по мажоритарной и пропорциональной избирательным системам. Критерием для определения применяемой во время муниципальных выборов избирательной системы служит численность избирателей в муниципалитете, где проводятся выборы. Таким критерием обозначено число 4 000 избирателей [2]. По данным на январь 2023 года из 70 муниципалитетов Армении в 9 муниципалитетах муниципальный совет и глава муниципалитета избираются путем прямых выборов по мажоритарной системе относительного большинства, в остальных муниципалитетах путем прямых выборов избирается лишь муниципальный совет и применяется пропорциональная избирательная система. Практически повсеместный переход на пропорциональную избирательную систему в рамках муниципальных выборов [³, с. 209-255] дал широкие возможности для применения всевозможных квот, в том числе и для гендерной. Не обращаясь к дискуссионному вопросу о природе «позитивной дискриминации» вообще [⁴], хотелось бы отметить, что впервые гендерная квота в избирательном законодательстве Армении была закреплена первым Избирательным кодексом РА [⁵], принятым в 1999 году, и касалась избирательных списков партий,

---

¹ Подробнее об этом см.: Акопян Л., Согомоян А., Рафаелян В. А Демократия и выборы. Деятельность органов местного самоуправления в Республике Армения / Л. Акопян, А. Согомоян, В. Рафаелян.- Ер.: Изд.-во «Айрапет», 2022.- 256 с.; Нудненко Л.А. Непосредственная демократия в системе местного самоуправления России: теоретические основы. М.: Прогресс, 2004. - 252 с. и др.

² Статьей 13 Конституционного закона РА «О внесении изменений и дополнений в Конституционный закон РА «Избирательный кодекс Республики Армения»» от 18 июня 2020 года ЗР-333-Н Избирательный кодекс РА был дополнен новым разделом 4.1, посвященным выборам органов местного самоуправления.

³ Подробнее см.: Акопян Л. А., Варагян Л. А., Асатрян А. М., Политико-правовое значение изменений конституционного закона Республики Армения «Избирательный кодекс Республики Армения» / Л.А. Акопян, Л.А. Варагян, А.М. Асатрян.- Ер.: Изд. «Айрапет», 2021. - 256 с.

⁴ Levade Anne, Positive Discrimination and the Principle of Equality in French Law// In Pouvoirs Volume 111, Issue 4, 2004, p. 55-71// Translated from the French by Cadenza Academic Translations / Source: https://www.cairn-int.info/article-E_POUV_111_0055--positive-discrimination-and-the-principl.htm; Филатова М.А. Современные вопросы позитивной дискриминации в контексте практики конституционных судов. Источник: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/75285-sovremennye-voprosy-pozitivnoj-diskriminacii-kontekste-praktiki-konstitucionnykh> и др.

⁵ Избирательный кодекс РА ЗР-284, принят 5 февраля 1999 года. Источник: www.arlis.am (дата обращения: 20.03.2023г.)

выдвигаемых по пропорциональной избирательной системе в рамках парламентских выборов (на тот момент парламент избирался по смешанной избирательной системе). Действующий до принятия Избирательного кодекса 1999 года Закон РА «О выборах депутатов Национального Собрания» от 1995 года не предусматривал каких-либо особых норм, стимулирующих участие женщин в избирательных процессах.

Действующий Избирательный кодекс при формировании состава парламента и муниципального совета законодательно устанавливает гендерную квоту, в рамках которой наличие представителей одного пола по каждой партии не должно превышать 70%. При этом Избирательный кодекс требует, чтобы в избирательном списке партии (блока партий) и каждой из партий, включенных в блок, начиная с первого номера, число представителей каждого пола, выраженное в тройках любым целым числом (1-3, 1-6, 1-9 и продолжая таким образом до окончания списка), не должно превышать 70 процентов (часть 4 статьи 83 и 4-ый абзац части 2 статьи 130 Избирательного кодекса РА) [6]. Данная норма является гарантией изначального обеспечения сбалансированного по гендерному признаку избирательного списка партий (партийных блоков). Однако крайне важно, чтобы при получении мандатов партия обеспечивала такой же сбалансированный гендерный состав и во фракциях (в составе избранных членов парламента и муниципального совета). При формировании первого состава и парламента и муниципального совета гендерная квота законодательно установлена в пределах 30%, а если после формирования первого состава возникает необходимость в изменениях персонального состава парламента либо муниципального совета, эта же квота законодательно установлена в рамках 25%.

Закрепление такой разницы в гендерной квоте при формировании первоначального и последующих составов представительных органов не совсем оправдано. Однако бóльшую озабоченность вызывает отсутствие гарантий на обеспечение имеющейся, законодательно уже установленной гендерной квоты. Очевидно, что закрепление любой квоты в рамках избирательных процессов, в том числе и гендерной, происходит в русле так называемой «позитивной дискриминации», что, несомненно, является «отклонением» от «чистой» пропорциональности, которое способно повлиять на представительную природу власти, формируемой путем прямых выборов. Однако гендерная квота относится к числу «допустимых отклонений» от чистой пропорциональности (как и многие применяемые современными демократическими государствами иные квоты). Называя вещи своими именами, следует признать, что «допустимые отклонения» тоже искажают пропорциональность в рамках пропорциональной избирательной квоты. Если основываться на принципе «цель оправдывает средства», тогда в этой ситуации крайне важно при выборе такого средства, как искажение пропорциональности путем внедрения гендерной квоты, обеспечить цель – наличие сбалансированного гендерного состава парламента и муниципальных советов.

В правоприменительной практике Армении часты случаи, когда после окончания распределения мандатов между партиями и партийными блоками кандидаты женского пола подают заявления о самоотводе, и их места в дальнейшем занимают кандидаты мужского пола. Следовательно, нет оснований говорить о реализации гендерной квоты, закрепленной в избирательном праве, так как законодательством не заложены такие механизмы, которые гарантировали бы предрекаемый этой квотой либо близкий к нему результат. Особенно ярко выражен этот процесс в рамках именно муниципальных выборов.

Тем не менее, несмотря на то что полного обеспечения установленного законом гендерного представительства достичь не получается, однако в рамках пропорциональной избирательной системы вовлечение женщин в избирательные процессы осуществляется эффективнее. Так, по сравнению с муниципальными советами, сформированными по мажоритарной избирательной системе, где невозможно устанавливать гендерные квоты и где соотношение мужчин и женщин по последним данным составляет 518 мужчин и 9

женщин – руководителей муниципалитетов, 3774 мужчин и 490 женщин избранных членов муниципальных советов [6], что составляет 88,5% мужчин к 11,5% женщин, в муниципальных советах, сформированных по пропорциональной избирательной системе, женщин больше на более чем 20%.

Казалось бы, одним из достоинств пропорциональной избирательной системы с закрытыми списками является возможность в рамках позитивной дискриминации устанавливать гендерную квоту, но оказалось, что гарантий обеспечения этой квоты хватает максимум до момента формирования совета (в лучшем случае). Так, по итогам муниципальных выборов 2021 года соотношение мужчин и женщин в представительных органах было 68% на 32%. Но если проследить за динамикой изменений личностного состава советов, то с уверенностью можно констатировать, что изначально заданное представительство женщин только уменьшается (на момент формирования советов женщины составляли 32%, а по данным на декабрь 2022 года – уже 30% от общего числа членов муниципальных советов).

С уверенностью можно констатировать, что если не достигнута цель, то оправдать выбранные средства достаточно сложно. Осознанно соглашаясь на возможное искажение пропорциональности, которая способна в конечном итоге повлиять на качество представительства и, соответственно, представительную природу избранной муниципальной власти, необходимо иметь, как минимум, тот результат, на который нацелены вышеизложенные правовые регулирования. Иначе закрепление гендерной квоты становится самоцелью.

С этой точки зрения необходимо законодательно закрепить такие правовые гарантии, которые способны обеспечить реализацию уже имеющей гендерной квоты. Так, например, стоило бы предусмотреть правовое регулирование, при котором при отсутствии законодательно установленного гендерного баланса и отсутствии в избирательном списке партии (партийного блока) женщин мандат оставался бы вакантным. При таком правовом регулировании обеспечение 70-процентной гендерной квоты нам кажется вполне реальным.

Обобщая, считаем нужным отметить, что наличие непродуманных регулирований, отсутствие конкретных механизмов реализации закрепленных положений весьма усложняет их применение, а это, в свою очередь, создает почву для возможных вольностей со стороны участников избирательного процесса и правоприменителя, что в данном случае, несомненно, ведет не только к необеспечению гендерного баланса в составе муниципальных советов в Армении, но и к снижению уровня доверия к избирательным процессам в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Избирательный кодекс РА ЗР-284 от 5 февраля 1999 года ЗР-284. Источник: www.arlis.am (дата обращения: 20.03.2023г.)
2. Конституционный закон РА «Избирательный кодекс Республики Армения» от 25 мая 2016 года ЗР-54-Н. Источник: www.arlis.am (дата обращения: 20.03.2023г.)
3. Конституционный закон РА «О внесении изменений и дополнений в Конституционный закон РА «Избирательный кодекс Республики Армения»» от 18 июня 2020 года ЗР-333-Н. Источник: www.arlis.am (дата обращения: 20.03.2023г.)
4. Акопян Л. А., Варагян Л. А., Асатрян А. М., Политико-правовое значение изменений конституционного закона Республики Армения «Избирательный кодекс Республики Армения» / Л.А. Акопян, Л.А. Варагян, А.М. Асатрян.- Ер.: Изд. «Айрапет», 2021. - 256 с.

---

⁶ Данные представлены по итогам муниципальных выборов 2016 года.

5. Акопян Л., Согомоян А., Рафаелян В. А Демократия и выборы. Деятельность органов местного самоуправления в Республике Армения / Л. Акопян, А. Согомоян, В. Рафаелян.- Ер.: Изд.-во «Айрапет», 2022.- 256 с.
6. Тхабисимова, Л. А. Конституционные принципы развития федерализма в России / Л. А. Тхабисимова // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 24. – С. 14-16. – EDN IJCHKN.
7. Нудненко Л.А., Непосредственная демократия в системе местного самоуправления России: теоретические основы. М.: Прогресс, 2004. - 252 с.
8. Филатова М.А. Современные вопросы позитивной дискриминации в контексте практики конституционных судов. Источник: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/75285-sovremennye-voprosy-pozitivnoj-diskriminacii-kontekste-praktiki-konstitucionnykh> (дата обращения: 6.04.2023г.)
9. Головченко, И. Ф. Зарубежный опыт институционализации избирательных преступлений / И. Ф. Головченко // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 4. – С. 355-358. – EDN NUBTGZ.
10. Levade Anne, Positive Discrimination and the Principle of Equality in French Law// In Pouvoirs Volume 111, Issue 4, 2004, p. 55-71// Translated from the French by Cadenza Academic Translations / Source: https://www.cairn-int.info/article-E_POUV_111_0055--positive-discrimination-and-the-principl.htm (дата обращения: 1.04.2023г.)

Н.А. Антонова

доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой конституционного,
административного и таможенного права
ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»

КОМПЛЕКСНОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИИ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПРАВОВАЯ И ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ОСНОВА

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы правового регулирования развития территорий муниципальных образований через призму изменяющего законодательства, регулирующего механизм осуществления местного самоуправления в Российской Федерации на современном этапе. Отмечается возрастающая актуальность развития муниципального права, проведения научных исследований, связанных с определением понятия «развитие территории муниципального образования», «комплексного развития». Поднимаются вопросы, связанные с ассиметричным правовым регулированием развития разных типов муниципальных образований.

Ключевые слова: местное самоуправление, комплексное развитие территории, градостроительные полномочия органов местного самоуправления.

N.A. Antonova

Head of the Department of Constitutional,
administrative and Customs Law, Tver State University,
Doctor of Law, associate Professor

INTEGRATED DEVELOPMENT OF THE TERRITORY OF THE MUNICIPALITY: LEGAL AND ORGANIZATIONAL BASIS

The article examines the issues of legal regulation of the development of municipal territories through the prism of changing legislation regulating the mechanism of local self-government in the Russian Federation at the present stage. There is an increasing relevance of

the development of municipal law, conducting scientific research related to the definition of the concept of "development of the territory of a municipality", "integrated development. The issues related to the asymmetric legal regulation of the development of different types of municipalities are raised.

Keywords: local self-government, integrated development of the territory, town-planning powers of local self-government bodies.

Эффективное функционирование любой организационной и организационно-технической системы, в том числе информационной среды, обеспечивается комплексом социальных норм, регулирующих поведение коллективных (юридических) и индивидуальных (физических) субъектов управления. Такими регуляторами являются нормы права, которые обеспечивают относительную стабильность системы и ее развитие. Особая роль при этом принадлежит сфере государственного и муниципального управления, одной из главных задач которой является обеспечение действий субъектов в соответствии с нормами права.

Однако на сегодняшний день в рамках разговора о праве и информации следует отметить, что ситуация характеризуется тем, что, как правильно отметил один из участников совещания, посвященному подобной тематике, мы подошли к рубежу, связанному с кризисом права и отсутствием методологии работы с юридическими знаниями.

Сейчас стоит вопрос, связанный с доверием к праву. И это комплекс вопросов и проблем, к которым относится низкое качество юридических норм, разницей в нормотворчестве и правоприменении. У нас после того как право стало мощным капиталом и авторитетом, наступил период, когда оно выступает скорее в роли пожарного. Оперативная реакция правотворческих субъектов приводит к резкому увеличению скорости создания юридических норм. При этом забываются принципы права, а система терминологии находится в кризисе. И это проявляется сплошь и рядом. Чтобы не быть голословной, разверну этот тезис на вполне конкретном примере.

В системе местного самоуправления, как и в любой другой происходит постоянное движение правотворческой мысли нашего законодателя, что приводит к неоднозначным последствиям.

Думаю, что вы согласитесь со мной в том, что местное самоуправление, в какой бы организационной форме оно не было представлено, должно быть нацелено на обеспечение достойной жизни населения муниципального образования. В связи с этим следует обратить внимание на понятие, которое в последнее время широко используется в научном обороте – понятие «качество жизни». Этим показателем определяется уровень развития любого города, района, сельского поселения. Условием обеспечения достойного качества жизни населения муниципального образования, является успешная реализация одной из функций органов власти на местах – социально-экономическое развитие муниципальных образований.

И здесь мы сталкиваемся с неоднозначным пониманием словосочетания «развитие муниципального образования». Очень часто под ним понимается рост численности населения, увеличение территории под застройки, расширение границ муниципального образования, изменение характера его планировки и застройки, его архитектуры, инфраструктуры. Но все это лишь показатели развития территории. Сам же процесс развития, основываясь на философском понимании развития, необходимо рассматривать более широко, характеризуя его, как качественное изменение условий жизни населения муниципального образования. Более того, развитие муниципального образования должно *происходить на комплексной основе* и иметь целью – улучшение качества жизни населения.

О.Е. Кутафин и В.И. Фадеев рассматривали муниципальные образования как своеобразные территориально-производственные и хозяйственные комплексы, отмечая

при этом, что «комплексное развитие муниципального образования призвано обеспечить повышение эффективности местного хозяйства, решение социально-культурных, экологических и других местных ресурсов, создание необходимых условий жизни и отдыха граждан»[1, 131].

В связи с этим, обратим внимание на существование схожих, но не идентичных понятий, используемых в муниципально-правовой науке: «комплексное развитие муниципального образования», «комплексное социально-экономическое развитие», «комплексное развитие территории».

При этом высказываются разные мнения о содержании этих понятий.

Но нас сегодня интересует не столько позиция ученых по этому вопросу, сколько действия законодателя. И в этой связи следует отметить, что содержание полномочия органов местного самоуправления в сфере комплексного развития территории муниципального образования в Законе не раз изменялось. Так, понятие «комплексное социально-экономическое развитие муниципального образования» вошло в правовой оборот в связи с принятием Федерального закона от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Данный законодательный акт закреплял комплексное социально-экономическое развитие муниципального образования *как вопрос местного значения* (хотя следует отметить, что в классических работах по муниципальному праву комплексное социально-экономическое развитие муниципального образования именовалось *как функция* местного самоуправления). В статье 17 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 14 октября 2014 г.) в перечень основных полномочий органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения было включено принятие и организация выполнения планов и программ комплексного социально-экономического развития муниципального образования. При этом принятие программы комплексного социально-экономического развития муниципального образования являлось исключительной компетенцией представительного органа муниципального образования.

Однако, если обратиться к действующей редакции Федерального закона № 131-ФЗ от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», то в пп. 6.1 ч. 1 ст. 17, посвященной полномочиям органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения, *в качестве одного из полномочий значится разработка и утверждение программ комплексного развития систем коммунальной инфраструктуры поселений, городских округов, программ комплексного развития транспортной инфраструктуры поселений, городских округов, программ комплексного развития социальной инфраструктуры поселений, городских округов*, требования к которым устанавливаются Правительством Российской Федерации. Другими словами речь идет не в целом о комплексном развитии территории муниципального образования, а об отдельных направлениях такого развития: развитие коммунальной, транспортной и социальной инфраструктуры. При этом в качестве полномочий органов местного самоуправления определены полномочия по *разработке и утверждению* программы комплексного развития, однако не сказано о полномочии органов местного самоуправления по *реализации* этих программ.

Помимо этого обращает на себя внимание тот факт, что Закон о местном самоуправлении закрепляет такое полномочие только за поселениями и городскими округами, не упоминая ни о муниципальном районе, ни о муниципальном округе, ни о внутригородском районе[3].

Порядок реализации данных полномочий органов местного самоуправления поселений и городских округов определяется Градостроительным кодексом РФ, жилищным, земельным законодательством, а также законодательством об охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, законодательством в области охраны окружающей среды.

Так, в 2020 г. в Градостроительном кодексе получила закрепление глава 10 «Комплексное развитие территории». Нормами данной главы Кодекса определены цели, виды комплексного развития территории, порядок принятия и реализации решения о комплексном развитии территории, понятие и порядок заключения договора о комплексном развитии территории, и как отдельный вид комплексного развития территории – такое развитие по инициативе правообладателей.

Как видим, здесь идет речь не о комплексном развитии муниципального образования, а о комплексном развитии *территории*. Следует обратить внимание на справедливое замечание, высказанное в юридической литературе (А.И. Соколовой) о том, что в Градостроительном кодексе РФ термин «градостроительная деятельность» неоправданно широко трактуется, подразумевая под собой деятельность по развитию любых территорий, в том числе городов и иных поселений. Не определены четко виды муниципальных образований, использован абстрактный обобщающий термин «территория», и указаны только город и иные поселения, что подвешивает в воздухе все иные новообразования [4, 385].

Анализ положений главы 10 Градостроительного кодекса показывает, что предусмотренный ею порядок реализации комплексного развития территории, ничего общего с комплексным развитием муниципального образования не имеет, а представляет собой лишь одно из направлений такого развития. Так, согласно ст. 66 Градостроительного кодекса РФ для реализации комплексного развития территории необходимо принятие решения, либо Правительством РФ, либо главой местной администрации (даже не главой муниципального образования, не говоря уже о том, что это право не предоставлено представительному органу местного самоуправления). При этом, норма сформулирована таким образом, что в ней не закрепляется обязанность указанных органов принимать такое решение, названы лишь случаи, в которых оно принимается. А что касается принятия решения о комплексном развитии территории главой местной администрации, то законодатель ограничился лишь формулировкой о том, что указанный субъект принимает такое решение в случаях, не предусмотренных пунктами 1 и 2 ч. 1 ст. 66 Градостроительного кодекса. И законно возникает вопрос, а в каких же случаях глава администрации *может* принять такое решение.

Аргументом в пользу того, что законодательно существующая структура понятия «комплексное развитие территории» не связано напрямую с комплексным развитием муниципального образования, является и то обстоятельство, что в главе 10 Градостроительного кодекса РФ предусмотрено заключение *договора* для реализации комплексного развития. Обращает на себя внимание та позиция законодателя, в соответствии с которой договор о комплексном развитии территории может быть заключен в отношении всей территории, предусмотренной решением о комплексном развитии территории, ее *части* либо *отдельного этапа реализации решения о комплексном развитии территории* (ч. 2 ст.68 Градостроительного кодекса РФ).

Градостроительная деятельность, несомненно, является одной из определяющих в формировании привлекательного образа той или иной территориальной единицы. Неслучайно ряд авторов отмечает, что именно эта деятельность органов местного самоуправления является наилучшей иллюстрацией возможностей муниципальной власти, ее способности самостоятельно и под свою ответственность решать проблемы горожан и содействовать улучшению условий их проживания, и представляет собой особую ценность в рамках местного самоуправления[2, 99].

Но не только градостроительной деятельностью занимаются органы местного самоуправления, и не только эта деятельность при всей ее важности может обеспечить должный уровень жизни населения. Произошла подмена понятия «комплексное развитие муниципального образования» сначала понятием «генеральный план застройки», а теперь понятием «комплексного развития территории».

Если обратиться к перечню вопросов местного значения, закреплённых в соответствующих статьях Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» 2003 года, то мы увидим, что вопросы касаются всех сфер жизнедеятельности населения муниципального образования: от обеспечения населения электро-, тепло-, газо- и водоснабжением, транспортными услугами до создания условий для массового отдыха жителей поселения и организации обустройства мест массового отдыха населения. То есть весь комплекс задач по созданию благоприятных условий проживания населения в муниципальном образовании. И поэтому не говорить о необходимости комплексного социально-экономического, культурного развития муниципального образования, нельзя. Именно совокупность решения всех этих вопросов позволяет рассматривать муниципальное образование как единую социально-экономическую систему. И в связи с этим комплексное социально-экономическое развитие любого муниципального образования как управленческий процесс является сущностной характеристикой муниципальной власти, условием создания определенного уровня развития духовной и экономической сфер на его территории. А для этого должны быть созданы правовые и организационные условия формирования и реализации программ комплексного развития муниципального образования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Кутафин О.Е., Фадеев В.И. Муниципальное право Российской Федерации: учеб. – 3-е изд., перераб.и доп. – М. 2006. – 672 с.
2. Рой О.М. Роль местного самоуправления в сфере градостроительства // Муниципальная академия. 2016. № 3. С. 92 - 99.
3. Тхабисимова, Л. А. Конституционные принципы развития федерализма в России / Л. А. Тхабисимова // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 24. – С. 14-16. – EDN IJCHKN.
4. Трансформация публично-правового регулирования местного самоуправления в условиях конституционной реформы: монография / под науч. ред. Б.С. Эбзеева, С.А. Авакьяна; под общ. ред. Л.Т. Чехладзе, Е.Н. Хазова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. – 455с.

Л.Г. Берлявский

доктор исторических наук, кандидат юридических наук,
профессор кафедры конституционного и муниципального права
Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), профессор кафедры
конституционного и муниципального права
Пятигорского государственного университета,

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО СТРАН БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Аннотация. Для государствоведов представляет значительный интерес изучение конституционного права стран Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока. Изучение конституционного права зарубежных стран традиционно сконцентрировано на рассмотрении Основных законов и конституционных систем нескольких государств Европы и США, что существенно сужает эвристические и компаративистские возможности данного курса с точки зрения подготовки юристов нового поколения.

Ключевые слова: конституционное право, страны Северной Африки, Ближний и Средний Восток, компаративистика, государствоведение.

Leonid Berlyavsky,
Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law
of Rostov State University of Economics (RINH), Professor of the Department of
Constitutional and Municipal Law of Pyatigorsk State University, Doctor of Historical Sciences,
Candidate of Law

CONSTITUTIONAL LAW OF THE COUNTRIES OF THE NEAR AND MIDDLE EAST: PROBLEMS OF STUDY

Annotation: The study of the constitutional law of the countries of North Africa, the Middle East and the Middle East is of considerable interest to state historians. The study of the constitutional law of foreign countries has traditionally focused on the consideration of the Basic laws and constitutional systems of several European and US states, which significantly narrows the heuristic and comparative possibilities of this course from the point of view of training a new generation of lawyers.

Keywords: constitutional law, North African countries, Middle East, comparative studies, state studies.

Актуальность исследование конституционного права стран Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока определяется целым рядом факторов. Во-первых, в связи с тем, что данный регион находится вблизи южных границ Российской Федерации, других стран СНГ и не может не затрагивать их политические, экономические и гуманитарные интересы. Во-вторых, в регионе сосредоточены огромные запасы углеводородов, зависимость от которых оказывает влияние на государственные институты и политические процессы многих государств Азии, Америки, Европы.

В-третьих, в ряде стран этой группы утвердились недостаточно устойчивые политико-государственные режимы (типичный пример - современное Ирак или пребывающее в длительном кризисе такое средне-восточное государство, как Афганистан). В-четвертых, на конституционное развитие таких стран, как Алжир, Иран, Египет, Саудовская Аравия существенное воздействие оказывает исламский фундаментализм[1].

Исследования государства и права стран Азии и Африки в советский период были немногочисленными. За последние два десятилетия конституционной проблематике этой группы стран стали уделять больше внимания. Появились интересные публикации научных сотрудников Института государства и права, востоковедения РАН, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, профессоров и преподавателей Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета, Московского государственного института международных отношений, Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Надо отметить также известные вузовские учебники по конституционному праву зарубежных стран под редакцией или при участии таких профессоров, как А.С. Автономов, М.В. Баглай, Ю.И. Лейбо, А.А. Мишин, Б.А. Страшун, Ю.А. Энтин, В.Е. Чиркин.

Представляют интерес учебные пособия, статьи и обзоры по политическим и правовым проблемам государств данного региона А.М. Арбузкина, Л.С. Васильева, В.П. Воробьева, Е.В. Воробьевой, Е.Э. Задворнянского, С.Ю. Кашкина, В.И. Лафитского, И.Д. Левина, М.Ю. Мартыновой, Г.И. Муромцева, А.Х. Саидова, М.А. Сапроновой, Л.Р. Сюкияйнена, Т.Я. Хабриевой, Ф.И. Хачима.

Крупное научное событие - подготовка Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ сборника «Конституции государств Азии»: в 3 т. (М., 2010. Т. 1–3) под редакцией Т.Я. Хабриевой. В это трехтомное собрание

конституций азиатских государств с комментариями российских ученых включены переводы на русский язык основных законов всех государств этой части света.

Особо следует отметить научную активность частной организации - Московского Института Ближнего Востока (ранее Институт изучения Израиля и Ближнего Востока). Он основан общественным деятелем, предпринимателем и ученым Е.Я. Сатановским в 1992 г., который сейчас является его руководителем (президентом). Этим институтом опубликованы тысячи статей в отечественных и зарубежных печатных и электронных СМИ и более двухсот книг. В их числе монографии, сборники, страноведческие справочники, издания серии «Ближний Восток и современность», «Арабские страны», молодежный «Востоковедный сборник».

Ежемесячно выпускаются обзоры «Военно-политическая обстановка в Ираке», «Иран – военно-политическая ситуация» и «Иран – экономическая ситуация», ситуационные доклады по Турции, Алжиру, Египту, Ливии, Марокко, Сомали. Еженедельно выходит бюллетень «Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке». С Институтом сотрудничает более 700 высококвалифицированных специалистов, в том числе около 100 из стран Ближнего Востока (см.: URL: [http:// www.iimes.ru](http://www.iimes.ru)).

Как справедливо утверждает Ф.И. Хачим (Москва), в связи с глобальными переменами, происходящими в современном мире и особенно в развивающихся странах, важной задачей российского государствоведения, в том числе науки конституционного права, становится изучение и анализ государственного и политического механизма зарубежных стран. Тем более, что отношения России с этими странами переживают период «нового дыхания», базирующегося на расширении круга взаимных интересов в самых разнообразных сферах. Отношения Российского государства со странами третьего мира имеют глубокую историю, тем не менее, проблем и коллизий по-прежнему немало. Россия является многонациональным федеративным государством. Многие народы, проживающие на территории Российской Федерации, имеют духовные, культурные, религиозные, этнические традиции и связи с народами и государствами Азии и Африки. Несомненно, отечественной юридической науке и ее составной части — конституционному праву принадлежит важная роль в обеспечении взаимовыгодного сотрудничества Российской Федерации с этими государствами и как следствие — превращение Северной Африки и Большого Ближнего Востока в регион мира, безопасности, процветания.

Во всех указанных государствах огромно значение религии и религиозных учреждений. Ислам признается государственной религией более чем в 30 странах мира (ст. 2 Конституции Иордании, ст. 7 Конституции ОАЭ, ст. 1 Конституции Катара и др.). Так, преамбула марокканской Конституции гласит: «Королевство Марокко – суверенное мусульманское государство». В ряде стран (Саудовская Аравия, Иран, Пакистан) мусульманское право – шариат обладает более высокой юридической силой, чем закон и даже конституция. По мнению многих российских и зарубежных специалистов определение сущности государства и природы властвования в большинстве арабских стран представляет значительные трудности, поскольку их режимы репрессивны персонализированы, а восприятие западных образцов демократии происходит очень медленно. Становление начал конституционализма и личной свободы, распространение выборности в публичной сфере все же свидетельствует о некоторой демократизации и либерализации правящих режимов.

Национально-освободительные революции 1952 г. в Египте, 1954 – 1962 гг. в Алжире, 1958 г. в Ираке и 1962 г. в Йемене, как и более поздние революционные события в Ливии и Судане, открыли этим странам как и другим, сумевшим воспользоваться ситуацией (например, Марокко, Тунису и Сирии), путь к прогрессивным реформам и серьезным преобразованиям в экономике и политике. Они, несомненно, дали определенный стимул позитивным переменам в развитии народного хозяйства, аграрного и промышленного производства, индустриализации (пусть и ограниченной) экономики,

привели к распространению образования, грамотности, количественному и качественному росту интеллигенции, средних слоев, особенно – студенчества, офицерства, государственных служащих, квалифицированных специалистов. Однако все эти перемены не могли радикально решить главные проблемы молодых государств.

Более того, в последние два десятилетия ускорились и усилились процессы глобализации, самым жестким образом втягивавшие арабские страны в орбиту всестороннего западного воздействия по линиям международной торговли, регулирования производства и внешнеэкономических связей, навязывания стандартов и образцов во всем – от принципов морали до моды и сфер национальной культуры и искусства. Данные процессы на Востоке, на арабском – в первую очередь, ведут к росту обнищания не успевающих приспособиться к «накату» глобализации традиционных докапиталистических производителей города и деревни, ускорению темпов их разорения и превращения в социальных маргиналов. Более половины из них навсегда остаются в этом качестве, образуя постоянно растущий и социально взрывоопасный компонент общества. В некоторых странах его доля равна примерно 35–40% самодеятельного населения.

В то же время попытки преодолеть трудности хозяйственного и социополитического развития привычными для Востока авторитарными методами лишь множили военно-бюрократические и диктаторские режимы. Они опирались на офицерство, чиновничество, полицию, буржуазию (обычно – не предпринимательскую, а бюрократическую, спекулятивную, компрадорскую, т.е. не производительную, а паразитическую в значительной степени). Все эти социальные группы нередко сливались в единый эксплуататорский слой, присваивавший себе свыше 80–90% национального дохода. В монархических государствах Востока в него прочно вросла прослойка «феодално-бюрократического капитала» (ФБК), т.е. сотен или реже тысяч семейств знати, одновременно контролирующих через своих выдвиженцев верхние эшелоны власти, наиболее доходные сферы бизнеса, элиту армии и духовенства. Сплоченные в неофеодалные кланы и группировки, чей авторитет освящен древними обычаями и традициями, они нередко демонстрируют свое финансовое, военное и дипломатическое влияние и за пределами своих стран. Это можно наблюдать на примере политики Саудовской Аравии, Марокко, Иордании, Катара и соседних с ним эмиратов. События 2011 г. в Ливии и Сирии, продолжающийся сирийский конфликт и неожиданно активная роль в них ряда аравийских монархий свидетельствуют именно об этом[4].

Арабское общество всегда отличалось весьма контрастной поляризацией и ярко выраженными формами социального неравенства. И практически во все исторические эпохи это вызывало бунты, восстания, острые конфликты и столкновения привилегированных групп с широкими массами эксплуатируемых и неимущих слоев. Современные востоковеды (М.Ф. Видясова, В.В. Орлов) на этом основании считают, что корни политизации ислама теряются «во тьме времен», отталкиваясь от возникшего в IX в. противостояния традиционализма и рационализма, ликвидировать которое пытаются с XVIII в. ваххабиты, ведущие «проповедь социальной гармонии, братства и единства всех мусульман», а всех отступивших от строгого соблюдения норм ислама признающие «людьми хуже язычников».

Исламский фундаментализм наших дней – прямой наследник панисламизма XIX в., пытавшегося (неудачно) ответить на культурно-идеологический и военно-политический вызов европейской экспансии, а также – национализма и мусульманского социализма, более успешно справившихся с этой задачей в XX в. При этом ислам всегда оставался важным компонентом всех течений национализма, а мусульманский социализм имел задачей, базируясь на принципах Корана и шариата, не допустить распространения светских форм социализма, как чуждых и враждебных миру ислама[2].

Современные западные политики и эксперты рассматривают регион Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока с ряда принципиальных позиций. Во-первых,

это стык трех континентов: Африки, Азии и Европы, что означает особые историко-географо-геологические реалии, включая узловые вопросы цивилизации, всемирный углеводородный ресурс, проблемы перемещения дешевой рабочей силы и применения новейших технологий в перспективных отраслях. Во-вторых, анализируемый регион в значительной степени охватывает район Средиземноморья, что означает высокую степень как самой доступной и дешевой транспортировки грузов и мигрантов (легальных и нелегальных), так и насилия. В-третьих, этот регион охватывает большую часть исламского мира — группу арабских обществ с их устоявшимися семейно-клановыми и племенными структурами, что диктует особые подходы к решению политических и экономических проблем, включая противостояние светского и религиозного пути развития, геополитические амбиции, желание обладать современным оружием для их удовлетворения[3].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Берлявский Л.Г. Проблемы изучения конституций стран Ближнего и Среднего Востока в курсе конституционного права зарубежных стран //Юридическая наука и методология преподавания юридических дисциплин в условиях реформирования системы высшего образования /отв. ред. М.Н. Марченко. Ростов н/д, 2009; он же. Конституционный строй Исламской Республики Иран: опыт консервативной модернизации //Современный конституционализм: Международный научно-практический журнал. 2009. № 2. С. 72–85; он же. Эволюция конституционного права Государства Израиль: этапы и особенности //Конституционное и муниципальное право. 2018. № 9. С. 74-77; он же. Новая конституция Арабской Республики Египет //Правовые системы современности в условиях международной интеграции. Материалы IX Международная научно-практическая конференция. Ростов н/Д, 2014. С. 12-15; Берлявский Л.Г., Колесников Е.В. Конституционное право зарубежных стран: государства Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока: учебное пособие для магистрантов и аспирантов. М., 2014; они же. Конституционно-правовой статус высших органов государственной власти стран Ближнего и Среднего Востока //История государства и права. 2017. № 14. С. 20-24; они же. Основы избирательного права государств Северной Африки и Ближнего Востока //Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. 2018. № 1 (85). С. 21-28; они же. Типология конституций стран Ближнего и Среднего Востока //Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. 2017. № 1 (81). С.21-31.
2. Ланда Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги. М., 2005. С. 55–56.
3. Берг И.С. Новое лицо арабского мира: ситуация в Северной Африке и на Ближнем Востоке в оценках участников МКБ и экспертов. URL: <http://www.iimes.ru/?p=14108>
4. Головченко, И. Ф. Зарубежный опыт институционализации избирательных преступлений / И. Ф. Головченко // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 4. – С. 355-358. – EDN NUBTGZ.

Е.А. Городецкая
кандидат юридических наук, доцент,
Председатель Центральной избирательной комиссии
Приднестровской Молдавской Республики
г. Тирасполь
sovetsnikvs@yandex.ru

О ПЕРСПЕКТИВНЫХ ПРАКТИКАХ ПОВЫШЕНИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ НА ПРИМЕРЕ ПРИДНЕСТРОВСКОЙ МОЛДАВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация. В статье рассматриваются перспективные практики повышения электоральной и социальной активности молодежи на примере Приднестровской Молдавской Республики; анализируются пути повышения эффективности такой работы; формулируются методологические основы работы с молодежью.

Ключевые слова: избирательное право, избиратель, доверие к выборам, правовое просвещение, молодежные избирательные комиссии.

Е.А. Gorodetskaia
Chairwoman of the Central Election Commission
of the Pridnestrovian Moldavian Republic,
PhD in Law, Associate Professor, Tiraspol
e-mail: sovetsnikvs@yandex.ru

ABOUT PROMISING PRACTICES FOR INCREASING THE ELECTORAL AND SOCIAL ACTIVITY OF YOUNG PEOPLE ON THE EXAMPLE OF THE MOLDAVIAN REPUBLIC

Abstract: the Article discusses promising practices of increasing electoral and social activity of young people on the example of the Pridnestrovian Moldavian Republic; ways to improve the efficiency of such work are analyzed; methodological bases of work with youth are formulated.

Keywords: suffrage, voter, confidence in elections, legal education, youth election commissions.

В современном мире приоритетной становится миссия формирования у молодежи суверенного мышления, способностей вдумчиво анализировать общественно-политические процессы, совмещать личные устремления с готовностью принимать ответственность за свою жизнь и поступки, осознавать последствия принимаемых решений, заботиться об общественном благе. Эту задачу эффективно решает правовое просвещение и добровольческие акции[1].

Снижение политической и социальной активности молодежи ставит перед органами государственной власти задачи повысить качество имеющегося молодежного ресурса, минимизировать социальные потери, обеспечить максимально глубокую и эффективную социализацию молодых людей. Формирование у молодых граждан гражданственности и патриотизма молодежи является сегодня для государства жизненно важной задачей[2].

Приднестровье как независимое государство существует почти 33 года. С целью решения обозначенных задач и реализации Молодежной электоральной концепции в 2018 году в государстве были созданы молодежные избирательные комиссии (далее - МИКи), которые за эти годы превратились в самую эффективно функционирующую в государстве молодежную структуры, которая регулярно проводит полезные и яркие мероприятия,

вызывающие у молодых граждан большой интерес, а порой и восторг.

Сегодня члены молодежных избирательных комиссий входят в состав избирательных комиссий всех уровней, являются членами Молодежного парламента, Координационного совета по развитию добровольческого движения, являются главами сельских администраций, государственными и муниципальными служащими, получают награды и признание. Такие возможности появились у них во многом благодаря активной деятельности в составе МИКов.

С 2018 по 2023 год ребятами проведено более 200 мероприятий образовательной, патриотической, культурной направленности, 4 масштабных социологических опроса, экологические акции и политические мероприятия, принято участие в 9 международных форумах. На постоянной основе молодежные избиркомы проводят лекции и интеллектуальные игры для школьников и молодежи: «IQuiz» по избирательному праву, «IQuiz Морской бой» с вопросами на общую эрудицию. В онлайн-формате - игру «Кино-Quiz» на знание кинематографии.

Сочетание мероприятий патриотического, обучающего, развлекательного и состязательного характера позволят вовлекать различные категории молодежи в насыщенную событиями деятельность.

В сентябре 2022 года в Приднестровье прошел первый Форум молодежных избирательных комиссий, который на протяжении трех дней стал средоточием инициативности, интеллектуальных состязаний, ярких эмоций, творчества и насыщенного общения, придал новый импульс политической и социальной активности молодежи, привлек новых членов в ряды молодежных избирательных комиссий. Встреча Президента Приднестровья Вадима Красносельского с членами МИКов стала одним из наиболее проникновенных и полезных мероприятий Форума. Ребята задали интересующие их вопросы, а глава государства ответил на них откровенно и по-отечески тепло, без назидания, щедро делась знаниями и мудростью. Включение в программу форума лекций на интересные для молодежи темы - успешного трудоустройства, добровольческой деятельности, SMM-практик, а также интеллектуальных состязаний, зажигательных культурных мероприятий и квестов, посиделки с гитарой у костра позволило сделать участие в нем незабываемым и вызвало восторженные отклики.

В формировании программы Форума активное участие принимали члены молодежных комиссий, реализуя навыки и компетенции, приобретенные в рядах молодежных комиссий и в ходе участия в Всемирном фестивале молодежи и студентов 2017 года, форуме Евразия Global, программе Россотрудничества «Новое поколение», V Международном форуме добровольцев, XIII Ассамблеи Русского мира, а также во множестве мероприятий, проводимых российскими организаторами в онлайн-формате.

По возвращении ребят с этих площадок ЦИК ПМР организуются встречи с молодежью, все перспективные практики описываются, накапливается методический материал. Наиболее запомнившиеся и продуктивные мероприятия масштабируются на Родине; ребята организуют в учебных заведениях, на форумах и в оздоровительных лагерях те состязания, испытания, в которых принимали участие сами. Так, одним из наиболее запомнившихся испытаний на стрессоустойчивость, которое проходили волонтеры на форуме Евразия Global, стал Хоррор квест. Естественная тяга молодежи к острым ощущениям и таинственности, умело подогретая театральными эффектами и антуражем, притягивают участников. Участвуя в квесте, ребята сплачиваются, проявляют свои лидерские качества и интеллектуальные способности, смекалку, ловкость и взаимовыручку.

По инициативе молодежных избиркомов ЦИК ПМР создана Школа молодого лидера, открывшаяся 17 марта сего года. В программу Школы включено 3 блока мероприятий: познавательный - 9 лекций и экскурсия; состязательный - 2 интеллектуальных игры и дебаты по социально-значимым вопросам; практический - подготовка реферата и проведение анкетирования среди молодежи. Основная цель -

правовое просвещение и стимулирование интереса молодёжи к вопросам государственного управления, политической жизни государства, к участию в выборах и референдумах.

Спикерами лекций просветительской программы Школы молодого лидера станут руководители законодательной, судебной и исполнительной ветвей власти, ЦИК, крупнейших СМИ государства, историки и эксперты.

По окончании прохождения Школы молодого лидера и успешного выполнения выпускной работы, заключающейся в проведении участником анкетирования, а также написании реферата на электоральную тематику, участники получают сертификат о прохождении Школы молодого лидера, которой впоследствии будет основанием для предоставления рядом образовательных учреждений дополнительных баллов при поступлении.

Форматы, доказавшие свою эффективность и рекомендуемые к ретрансляции:

- форумы молодежи и Школа молодого лидера;
- Спикер-поляна (представители команд участвуют в дискуссии на заданную резонансную тему, отстаивая позицию «ЗА» или «ПРОТИВ». Наиболее убедительного спикера выбирают зрители);

- Дебаты по социально-значимым вопросам (жеребьем определяются команды, которые столкнутся в дискуссии по проблемному вопросу. При этом позиция, которая должна быть аргументирована («ЗА» или «ПРОТИВ»), и тезис для дебатов становятся известным командам непосредственно перед началом состязания. Команда приводит свои аргументы, затем ведущий дает краткие комментарии и передает слово для выступления другой команде. Заслушав аргументы обеих команд, жюри из авторитетных личностей присуждает баллы, по накоплению которых определяются победители);

- «IQQuiz» по избирательному праву;

- «IQQuiz Морской бой» на общую эрудицию (организаторы расставляют корабли на игровом поле. Клетки обозначаются цифрами (от 1 до 10) по вертикали и буквами русского алфавита (от А до К) по горизонтали. Игра проводится между двумя командами. Ход переходит к команде соперника и в том случае, если команда не смогла дать правильный ответ на вопрос. Игра продолжается до тех пор, пока все корабли одной из команд будут потоплены).

- Хоррор-Квест;

- электоральные игры для учащихся старших классов - «Выборы Президента», «Сделай свой выбор». Для учащихся младших классов - игра «Выборы Правителя Сказочной страны», для воспитанников детского сада - «Маленьким детям – большие права»;

- экскурсии в Музее истории выборов и референдумов ЦИК Приднестровья;

- творческие конкурсы (изобразительных работ для детей с ограниченными возможностями здоровья, эскиза приглашения на выборы, эскиза значков впервые голосующим избирателям и т.п.);

- лекции по избирательному праву, которые члены МИКов проводят в школах. Привлекательность для будущих избирателей формируется по ряду причин: информация подается просто и лаконично; лекторы – немногим старше слушателей - воспринимаются ими без настороженности, без ожидания занудства и скуки. Включение в лекцию игровых элементов способствует запоминанию материала и формирует интерес к теме лекции;

- лекции и презентации по основам избирательного права, которые разработаны ЦИК ПМР и размещены в Информационной системе «Электронная школа Приднестровья» для использования в рамках учебного курса обществознания;

- проведение анонимного анкетирования среди молодых избирателей, направленный на изучение электоральных настроений молодого поколения Приднестровья. Обычный охват анкетирования составляет около 1500 респондентов. Как показали результаты опроса, за время реализации Молодежной электоральной концепции

в Приднестровье уровень значимости выборов для молодежи Приднестровья вырос на 8%. При этом в два раза снизилось число тех, кто не признавал выборы необходимым институтом демократического правового государства.

Полагаем очень важным создавать социальные, карьерные лифты для активистов (из членов МИК в члены ЦИК (ТИК, УИК) и в государственные (муниципальные) служащие). Для повышения эффективности работы с молодежью необходимо ретранслировать перспективные практики, широко использовать мультимедийные элементы, формировать традиции, связанные с памятными датами, сакрализировать память о победе в Великой Отечественной войне и защите родного края от захватчиков. Значимую и привлекающую большое количество участников часть работы с молодежью представляют собой памятные мероприятия, приуроченные к годовщине освобождения от немецко-румынских захватчиков родного края и дню Победы в Великой Отечественной войне.

Из наукоориентированных мероприятий у школьников, студентов хороший отклик вызывают олимпиады по избирательному праву, конкурсы рефератов и онлайн-викторины. Все участники награждаются сертификатом участника, поощрительной грамотой, а призеры – дипломами, подарками. Победители наиболее сложных конкурсов отмечаются ведомственными наградами Центризбиркома. Менее востребованными, по нашему опыту, являются мероприятия научной направленности: конференции, круглые столы.

Проведение обозначенного комплекса мероприятий позволяет:

- укреплять доверие к выборам, особенно в молодежной среде;
- создавать условия для формирования и проявления патриотизма;
- реализовать способности, не востребованные у молодых граждан в школе, учебном заведении, на работе;
- проявлять сострадание, доброту, учиться взаимовыручке и командообразованию, формировать лидерские качества;
- развивать коммуникативные навыки и приобретать друзей.

Мероприятия, адресованные молодежи, необходимо сопровождать полноценной рекламной кампанией с использованием маркетинговых приемов. Ребятам нужно увлечь, вытянуть из привычной и комфортной неподвижности, для чего необходимо распространять информацию об акциях в привычной для ребят интернет-среде, предлагать стимулирующие меры (грамоты, дополнительные баллы в волонтерскую книжку, включать в составы избирательных комиссий и др.), в общении использовать эмоциональные приемы, приводить увлекательные примеры из практики, интересные факты из истории и науки. Крайне важно сотрудникам образовательных учреждений и иным лицам, распространяющим информацию о проводимых мероприятиях с целью привлечь молодежь к участию в них, самим быть увлеченными этим мероприятием, демонстрировать искреннюю заинтересованность в их результатах, быть уверенными в их полезности и увлекательности. Мероприятия должны проводиться не для отчетности, не для повышения показателей, а должны глубоко проникать в сознание молодежи и иметь длящийся эффект.

Необходимо принимать во внимание то, что молодежь более склонна к участию в неформальных мероприятиях, чем в статичных форматах (политических партиях, общественных советах и т.д.), в частности, в мероприятиях природоохранной, добровольческой повестки.

Очень важно относиться к молодым гражданам как к равным участникам процесса, имеющим интеллектуальный и организаторский потенциал. Необходимо давать ребятам возможность руководить отдельными сегментами процесса, определять задачи и методику действий по их выполнению, подбирать исполнителей. Но при этом определение целей, стратегии, координацию и корректировку процесса необходимо оставлять за государственным органом.

В практике работы Центральной избирательной комиссии Приднестровья используется совещательный формат работы с молодежью, учет молодежных инициатив,

вовлечение их в конструирование сценариев организуемых мероприятий, форумов.

Взращивание у молодых граждан инициативы подобным образом позволяет стимулировать у молодых граждан процессы анализа и синтеза, учиться работать в команде и самостоятельно организовывать свою жизнь. Внимательное, уважительное отношение к мнению и запросам молодежи позволяет повысить вовлеченность ребят в проводимые мероприятия и коэффициент полезного действия от них.

Методологическими установками в работе с молодежью должны быть:

- наделение молодежи ответственностью;
- создание атмосферы сотрудничества и чуткого отношения;
- уважительное отношение к молодым гражданам и учет их мнения;
- поощрение и стимулирование, помощь в трудоустройстве;
- формирование новых навыков и компетенций, не повторяющих школьную программу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Тхабисимова, Л. А. Современный российский избирательный процесс в условиях федерализации / Л. А. Тхабисимова // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 9. – С. 13-16. – EDN JXYRAL.

2. Тхабисимова, Л. А. Защита избирательных прав в контексте перспективных направлений совершенствования нормативной регламентации электоральных процедур и технологий / Л. А. Тхабисимова, М. И. Цапко // Избирательное законодательство и практика. – 2020. – № 1. – С. 14-19. – EDN OGCUKU.

Д.М. Демичев

доктор юридических наук, профессор,
Сопредседатель Научно-консультативного совета
при Конституционном Суде Республики Беларусь,
г. Минск, Республика Беларусь.
ddm65@mail.ru

ПРАВИТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ФОРМИРОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные аспекты деятельности Правительства Республики Беларусь в области информатизации общества. Исследуется генезис понятия «информационное общество». Дается авторское определение понятию «информатизация» и определяются ее цели. Анализируется содержание нормативных правовых актов, заложивших основы функционирования в стране информационного общества, а также разработки и внедрения информационно-коммуникационных технологий.

Ключевые слова: Правительство; электронное правительство; информационное общество; информатизация; информационно-коммуникационные технологии (ИКТ).

D.M. Demichev

Doctor of Law, PhD, Professor, Co-Chairman
of the Scientific Advisory Council at the Constitutional
Court of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus.
ddm65@mail.ru

THE GOVERNMENT OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN THE FORMATION OF THE INFORMATION SOCIETY

Abstract: The article discusses some aspects of the activities of the Government of the Republic of Belarus in the field of informatization of society. The genesis of the concept of «information society» is being investigated. The author's definition of the concept of «informatization» is given and its goals are defined. The content of normative legal acts that laid the foundations for the functioning of the information society in the country, as well as the development and implementation of information and communication technologies, is analyzed.

Keywords: Government; electronic government; information society; informatization; information and communication technologies (ICT).

В конце XX в. человеческая цивилизация вступила в новую стадию своего развития – стадию построения информационного общества (ИО). В этот период был выдвинут тезис о трансформации индустриального общества в общество информационное. Концепция информационного общества стала своеобразным этапом развития теории постиндустриального общества.

В этот период термины «информационное общество» и «информатизация» прочно вошли в обиход и лексикон специалистов в области информации, политических деятелей, экономистов, юристов и ученых. В большинстве случаев это понятие ассоциируется с развитием информационных технологий и средств телекоммуникации, позволяющих на платформе гражданского общества осуществить новый эволюционный скачок и достойно его реализовать в качестве информационного общества или его начального этапа в XXI в.

Как считает известный американский ученый, профессор У. Мартин, провозгласивший в своих трудах формирование информационного общества, под таким обществом следует принимать «...общество, в котором качество жизни так же как перспективы социальных изменений и экономического развития в возрастающей степени зависят от информации и ее эксплуатации. В таком обществе стандарты жизни, формы труда и отдыха, система образования и рынок находятся под значительным влиянием достижений в сфере информации и знания» [1, с. 115-123].

По мнению большинства исследователей, авторство термина «информационное общество» принадлежит профессору Токийского технологического института Ю. Хаяши. Хотя на этот счет существуют и иные точки зрения. Так, в отчете японскому правительству «Контур политики содействия информатизации японского общества» и в «Плане информационного общества» (1971), составленном группой японских ученых, информационное общество определялось как общество, в котором процесс компьютеризации даст людям доступ к надежным источникам информации, избавит их от рутинной работы, обеспечит высокий уровень автоматизации производства. При этом изменится и само производство – продукт его станет более «информационно емким», что означает увеличение доли инноваций, дизайна и маркетинга в его стоимости; «...производство информационного продукта, а не продукта материального будет движущей силой образования и развития общества» [2, Р. 29].

Информатизация лежит в основе всей жизнедеятельности современного общества, поэтому данное понятие можно трактовать как качественное совершенствование с помощью современных информационно-технических средств всех когнитивных социальных структур и процессов. Определение термина «информатизация» существенным образом зависит от подхода к анализу реального состояния и перспектив развития процессов информатизации общества. Наиболее полным представляется взгляд на информатизацию как системно-деятельностный процесс овладения информацией как ресурсом управления и развития с помощью средств информатики в целях создания информационного общества.

Целью информатизации является трансформация движущих (в том числе

производительных) сил общества, которые должны быть перенацелены на производство услуг, формирование производства информационного, а не материального продукта. В ходе информатизации решаются задачи изменения подходов к производству и модернизируется уклад жизни общества. Особую ценность обретает свободное время членов общества, воспроизводятся и потребляются интеллект и знания, что приводит к увеличению доли умственного труда.

Правовые основы для развития информатизации в Республике Беларусь были заложены с принятием целого ряда основополагающих нормативных правовых актов, принятых более 30 лет назад. В числе первых таких актов – подписанный Президентом Республики Беларусь 7 декабря 1998 г. Указ № 591 «О создании межведомственной комиссии по вопросам информатизации в Республике Беларусь» [3]. Основной задачей указанной комиссии являлась подготовка предложений по формированию государственной политики в сфере информатизации, в том числе по совершенствованию организационных и экономических механизмов обеспечения и реализации в республике процессов информатизации и формирования рынка информационных услуг.

Реализуя государственную политику в области информатизации, Правительство Республики Беларусь, которое согласно статье 106 действующей Конституции Республики Беларусь [4] является центральным органом государственного управления, осуществляло свою деятельность в этой сфере преимущественно в обеспечении создания научно-технических, производственно-технологических и организационно-экономических условий развития информационных технологий, информационной инфраструктуры и системы формирования информационных ресурсов. В принятой постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 27 ноября 1991 г. № 444 Программе информатизации Республики Беларусь на 1991-1995 гг. и на период до 2000 г. [5] предусматривалась информатизация трех основных сфер: социальной, материального производства и управления. Однако из-за ограниченных финансовых ресурсов по решению Правительства выполнялись только отдельные проекты указанной Программы.

Начиная с 2010 г. правовое регулирование развития информационного общества в Республике Беларусь является одним из основных факторов обеспечения инновационного развития национальной экономики, совершенствования системы государственного управления. На уровне программных документов данный приоритет был закреплен в Стратегии развития информационного общества в стране на период до 2015 г., утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 9 августа 2010 г. № 1174 «О Стратегии развития информационного общества в Республике Беларусь на период до 2015 года и плане первоочередных мер по реализации Стратегии развития информационного общества в Республике Беларусь на 2010 год» [6] и разработанной для ее выполнения Национальной программой ускоренного развития услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий на 2011-2015 гг. [7].

В числе приоритетных направлений в деятельности Правительства Республики Беларусь на период до 2020 гг. являлось системное повышение конкурентоспособности экономики, снижение ее зависимости от внешней конъюнктуры, восстановление экономического роста и повышение уровня жизни населения страны. Существенную роль в достижении этой цели сыграло дальнейшее формирование информационного общества. Для обеспечения развития в Республике Беларусь информационно-коммуникационных технологий и их эффективного применения во всех сферах и отраслях Совет Министров Республики Беларусь постановлением от 23 марта 2016 г. № 235 утвердил Государственную программу развития цифровой экономики и информационного общества на 2016-2020 гг. [8], разработанную в соответствии со Стратегией развития информатизации в Республике Беларусь на 2016-2022 гг., иными законодательными актами Республики Беларусь, регулирующими вопросы информатизации, создания информационных технологий, формирования информационных ресурсов, обеспечения

защиты информации, и результатами научных исследований, а также практическим опытом создания и развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ).

Реализация указанной Государственной программы была направлена на достижение одного из приоритетов социально-экономического развития Республики Беларусь – эффективные инвестиции и ускоренное развитие инновационных секторов экономики («Инвестиции»). В рамках ее реализации были решены основные стратегические задачи по развитию национальной информационно-коммуникационной инфраструктуры, услуг, предоставляемых на ее основе, модернизированы и созданы новые базовые компоненты электронного правительства, внедрены цифровые решения в различных отраслях экономики. Залогом успешного функционирования всех внедряемых технических решений явилась надежная информационно-коммуникационная инфраструктура. Проведенная работа по ее совершенствованию в 2016-2020 гг. обеспечила модернизацию городских и сельских телефонных сетей, позволила полностью вывести из эксплуатации автоматические телефонные станции координатного типа и переключить в течение четырех лет около 2,31 млн. абонентов на мультисервисную платформу, с помощью которой оказывается несколько услуг электросвязи по одной абонентской линии. В 2019 г. была выполнена задача «Оптоволокно в каждый дом», с помощью которой завершены работы по обеспечению технической возможности подключения по технологии пассивных оптических сетей GPON всех квартир городской многоэтажной жилой застройки. Все учреждения образования в Республике Беларусь обеспечены широкополосным доступом в сеть Интернет. Активно развивались сеть сотовой подвижной электросвязи стандарта LTE (4G) и услуги на ее основе. В течение пяти лет построено около 4 тыс. базовых станций, что позволило обеспечить охват 89,5 % населения услугами сотовой подвижной электросвязи стандарта LTE (4G).

Одним из ключевых направлений в деятельности Правительства Республики Беларусь является перевод административных процедур и государственных услуг в электронный формат (электронное правительство), что позволяет повысить прозрачность государственного управления и упростить ведение бизнеса. С использованием современных технологий электронного правительства в республике создана Белорусская интегрированная сервисно-расчетная система (БИСРС) – комплекс информационных систем и ресурсов, предназначенный для оказания пользователям (физическим и юридическим лицам) государственных услуг и административных процедур в электронной форме с применением идентификационных карт (ID-карт). Внедрение новых информационных систем, а также развитие функциональных возможностей действующих инфраструктурных элементов электронного правительства в значительной степени упрощает информационное взаимодействие между гражданами, бизнесом и государством посредством применения современных цифровых решений, исключая необходимость личного посещения государственных структур и других учреждений.

В целях обеспечения внедрения информационно-коммуникационных и передовых производственных технологий в отрасли национальной экономики и сферы жизнедеятельности общества Совет Министров Республики Беларусь своим постановлением от 2 февраля 2021 г. № 66 утвердил Государственную программу «Цифровое развитие Беларуси» на 2021-2025 гг. [9] Данная программа разработана в соответствии с приоритетными направлениями социально-экономического развития республики до 2025 г. и направлена на внедрение информационно-коммуникационных и передовых производственных технологий в отрасли национальной экономики и сферы жизнедеятельности общества.

Формирование Государственной программы «Цифровое развитие Беларуси» на 2021-2025 гг. выполнено на основе законодательства, регулирующего вопросы ИКТ. В рамках данной программы предусматривается выполнение мероприятий по созданию и развитию современной информационно-коммуникационной инфраструктуры, внедрению

цифровых инноваций в отраслях экономики и технологий «умных городов»⁷, а также обеспечению информационной безопасности таких решений. В целях реализации концепции «Умный город» Программой деятельности Правительства Республики Беларусь на период до 2025 г. предполагается активизация работы по развитию технологий «умных городов» во всех регионах, внедрение региональной государственной типовой цифровой платформы «Умный город (регион)» в г. Минске, областных центрах, городах и районах с численностью населения 80 тыс. человек и более, обеспечение на их базе сервисов в различных сферах жизнедеятельности и управления.

Результаты выполнения данных мероприятий будут непосредственно способствовать достижению на национальном уровне Целей устойчивого развития на период до 2030 г., содержащихся в резолюции Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 25 сентября 2015 г. № 70/1 «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», в частности, 9-й Цели устойчивого развития по созданию стойкой инфраструктуры, содействию всеохватывающей и устойчивой индустриализации и инновациям, а также 17-й Цели устойчивого развития по укреплению средств осуществления и активизации работы в рамках Глобального партнерства в интересах устойчивого развития, объявленных Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций.

Учитывая, что Государственной программой «Цифровое развитие Беларуси» на 2021-2025 гг. предусматривается комплексная цифровая трансформация процессов государственного управления, регионального и отраслевого развития, ее результаты, также окажут положительное влияние на достижение большинства Целей устойчивого развития, в том числе в сферах здравоохранения, образования, обеспечения экологической устойчивости населенных пунктов и других.

Одним из основных направлений информационной стратегии в деятельности Правительства Республики Беларусь является всестороннее развитие сферы информационно-коммуникационных технологий, которое в этой сфере направлено на развитие национальной информационно-коммуникационной инфраструктуры, дальнейшее внедрение таких технологий в реальном секторе экономики, социальной сфере, что будет способствовать повышению конкурентоспособности национальной экономики, удовлетворению информационных потребностей общества.

К настоящему времени в республике создана государственная система правовой информации, в рамках которой активно развивается электронная правовая коммуникация между гражданами, бизнесом и государством. Успешно функционирует автоматизированная информационная система, реализующая электронное взаимодействие между субъектами нормотворчества по формированию Национального реестра правовых актов Республики Беларусь. На ее основе ведется разработка автоматизированной информационной системы «Нормотворчество» в целях обеспечения цифровизации процессов взаимодействия государственных органов и организаций на всех стадиях нормотворческой деятельности.

Таким образом, формирование и развитие информационного общества в Республике Беларусь является одним из национальных приоритетов и важнейших драйверов социально-экономического развития. В стране обозначен твердый курс на построение «ИТ-страны». Для этого формируется правовая и регуляторная среда, реализуются масштабные инфраструктурные проекты, идет тех технологическая и организационная трансформация традиционных отраслей экономики. На законодательном

---

⁷ «Умные города» – это населенные пункты городского типа, в которых используются информационные и коммуникационные технологии (ИКТ) для управления городским имуществом в целях улучшения качества жизни проживающего в них населения, совершенствования инфраструктуры, модернизации государственных услуг, расширения специальных возможностей, обеспечения экологической устойчивости и ускорения экономического развития.

уровне урегулировано использование токенов⁸ и технологии блокчейн⁹. Приступила к работе первая в СНГ криптобиржа¹⁰. По экспорту программного обеспечения на душу населения Беларусь сегодня опережает США, Китай и Индию. Как результат, 32-е место среди 176 стран мира в рейтинге Международного союза электросвязи по индексу развития информационно-коммуникационных технологий (рейтинг ИКТ). Инвестиции в инфраструктуру позволили Республике Беларусь подняться на 29-е место в мире по уровню проникновения услуги фиксированного высокоскоростного доступа в сеть Интернет.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мартин, У. Дж. Информационное общество (Реферат) / У. Дж. Мартин // Теория и практика общественно-научной информации. Ежеквартальник / АН СССР. ИНИОН; Редкол.: Виноградов В. А. (гл. ред.) и др. – М., 1990. – № 3. – С. 115 – 123.
2. Цит. по: Masuda, Y. The Information Society as Postindustrial Society / Y. Masuda. – Wash.: World Future Soc., 1983. – P. 29.
3. Собрание декретов, указов Президента и постановлений Правительства Респ. Беларусь. – 1998. – № 35. – Ст. 890.
4. Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. – № 1. – 1/0; 2004. – № 188. – 1/6032; Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 12.10.2021. – 2/2844; 04.03.2022. – 1/ 2023.
5. СПП Респ. Беларусь. – 1991. - № 33. – Ст. 408.
6. Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – № 197. – 5/32317.
7. Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2011. – № 5. – 5/33546.
8. Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 01.04.2016. – 5/41866; 28.12.2017.– 5/44598.
9. Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. – 05.02.2021. – 5/48755.
10. Тхабисимова, Л. А. Становление института конституционно-правовой ответственности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации / Л. А. Тхабисимова, А. Р. Махов // Государственная власть и местное самоуправление. – 2017. – № 8. – С. 20-25. – EDN ZDFINF.

---

⁸ *Токен (цифровой знак)* – запись в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе, которая удостоверяет наличие у владельца цифрового знака (токена) прав на объекты гражданских прав и (или) является криптовалютой.

⁹ *Блокчейн* – (англ. blockchain или block chain) – выстроенная по определённым правилам непрерывная последовательная цепочка блоков (связный список), содержащих информацию; это база данных, которая хранится одновременно на множестве компьютеров.

¹⁰ *Криптобиржа* («биржа цифровых валют», «организатор торгов цифровыми валютами», «торговый сервис», «электронная площадка обмена») – онлайн-сервис обмена цифровых валют, веб-служба, которая оказывает клиентам услуги по обмену цифровых валют (например, Bitcoin) на другие активы, включая национальные валюты и другие цифровые валюты.

Э. М. Дидык
адвокат, председатель Коллегии адвокатов
Московской области «Элина Дидык,
Евстигнеев и партнеры»,
legale2016@gmail.com

О ЗАЩИТЕ ПРАВ АДВОКАТА В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Адвокат выступает в конституционном судопроизводстве как представитель стороны, защищая ее права и законные интересы. Благодаря участию адвокатов в подготовке обращений в Конституционный Суд РФ и их выступлению в судебном процессе повышается качество юридической помощи доверителям. Статистика свидетельствует, что в делах по жалобам граждан и организаций представительство адвоката наиболее востребовано.

Наряду с представительством в конституционном судопроизводстве *адвокат может выступать и как непосредственный заявитель*, права которого нарушены. В этом случае он является стороной - заявителем (своеобразным «истцом»), направившим обращение в Конституционный Суд РФ. [1].

Обращение адвоката в Конституционный Суд РФ является конституционной жалобой также, как и обращение любого гражданина с жалобой на нарушение их конституционных прав и свобод, что закреплено ст. 96 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации». При этом адвокат может обратиться в Конституционный Суд РФ с жалобой как единолично, так и совместно с другими адвокатами. Таким образом, коллективными субъектами обращения в Конституционный Суд РФ могут быть коллегии адвокатов, адвокатские бюро, юридические консультации, адвокатские палаты субъектов РФ, Федеральная палата адвокатов РФ.

Дела по жалобам адвокатов можно разделить на три категории:

- 1) по жалобам адвокатов в защиту прав других лиц;
- 2) по жалобам адвокатов в защиту через их профессиональные права прав доверителей;
- 3) по жалобам адвокатов в защиту непосредственно своих прав и свобод.

1. *Жалобы адвокатов в защиту прав других лиц.* Такие жалобы, исходящие не от гражданина, чьи конституционные права непосредственно были нарушены законом, который, по его мнению, противоречит Конституции РФ, в практике Конституционного Суда РФ признаются неприемлемыми и неподлежащими рассмотрению. Например, Конституционный Суд отказал в принятии жалобы адвоката Осина В.В., осуществлявшего защиту гражданина Ч., привлеченного к уголовной ответственности, и оспаривавшего конституционность статей УПК РФ, как не позволяющих обжаловать действия (бездействие) судов. Конституционный Суд РФ, не касаясь существа вопроса, указал, что из жалобы заявителя – адвоката «не усматривается, что оспариваемыми нормами были нарушены его конституционные права, поскольку в рассматриваемом судом уголовном деле он участвовал лишь в качестве защитника обвиняемого и его личные интересы производством по данному делу не затрагивались»¹¹.

Конституционный Суд РФ неоднократно отмечал, что на адвоката законом возложена публичная обязанность обеспечивать защиту прав и свобод человека и гражданина. Это предполагает создание механизмов, которые позволяют обеспечивать законность в деятельности адвокатов. При этом адвокат представляет интересы доверителя в конституционном судопроизводстве и в этом качестве не преследует личные интересы¹².

¹¹ Определение Конституционного Суда РФ от 16 июля 2013 г. № 1122-О.

¹² Определение Конституционного Суда РФ от 20 октября 2011 г. № 1474-О-О.

На наш взгляд, адвокат все-таки *преследует свои профессиональные интересы как лицо, заинтересованное в благоприятном исходе дела для своего доверителя*. Хотя этот профессиональный интерес обусловлен стремлением адвоката эффективно исполнить свои профессиональные обязанности, предусмотренные Федеральным законом от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Таким образом, при обращении адвоката в Конституционный Суд в защиту прав других лиц, проявляется *двойственный характер его статуса заявителя*: с одной стороны, он защищает конституционные права своего доверителя, а с другой – свои профессиональные. В силу этого провести четкую грань между первой и второй категориями дел по жалобам адвокатов довольно сложно, просто во второй – явно прослеживается стремление адвоката защитить свои профессиональные права с целью более эффективной защиты прав доверителя. Неслучайно, в Конституционный Суд РФ зачастую вместе с адвокатом обращается его доверитель. При этом они оба выступают как самостоятельные заявители, то есть адвокат в этом виде судопроизводства выступает уже не как представитель, а как самостоятельный заявитель, конституционные права которого нарушены в его деле примененным законом.

Примеры из практики Конституционного Суда РФ подтверждают вышеизложенное.

Так, в частности, с жалобой в Конституционный Суд РФ обратился ряд адвокатов, которые в ходе производства по уголовному делу осуществляли защиту обвиняемых¹³. То есть в роли заявителей – граждан выступили адвокаты, усмотревшие в отношении своих доверителей неконституционность положений УПК РФ, не допускающих отказ дознавателя, следователя, прокурора, а также суда при рассмотрении заявления, ходатайства или жалобы участника уголовного судопроизводства от исследования и оценки всех приводимых в них доводов, а также мотивировки своих решений путем указания на конкретные, достаточные с точки зрения принципа разумности, основания, по которым эти доводы отвергаются. Конституционный Суд РФ подтвердил, что конституционно-правовое истолкование положений УПК РФ допускает такой отказ. Но при этом Суд не указал, что адвокаты не вправе обращаться с конституционными жалобами вместо своих доверителей, интересы которых они защищали в уголовных делах.

Очевидно, в данном случае Конституционный Суд исходил из особенностей публичного статуса адвоката, из того, что адвокат является выразителем позиции своего доверителя, и его деятельность необходимо рассматривать как гарантию реализации конституционных прав и свобод граждан [2 с. 4].¹⁴ Суд признал адвокатов надлежащими заявителями, поскольку оспариваемые нормы нарушали принадлежащие именно им профессиональные права, связанные с оказанием квалифицированной юридической помощи. Хотя в данном деле Суд оставил данный аспект без внимания, поэтому мы отнесли данное дело к первой категории.

Необходимо уточнить, что границу между делами по жалобам адвокатов в защиту прав других лиц и по жалобам адвокатов в защиту через свои профессиональные права конституционных прав их доверителей провести довольно сложно. Так или иначе, подавая жалобу в Конституционный Суд, адвокат содействует реализации права своего доверителя на квалифицированную юридическую помощь, на доступ к правосудию. Благодаря такому содействию право на доступ к правосудию превращается из «теоретического и иллюзорного» в «конкретное и эффективное» [3 с. 154].¹⁵

2. Жалобы адвокатов в защиту через их профессиональные права прав доверителей. Особенностью обращения адвоката в Конституционный Суд РФ будет то, что законом, примененным в его деле, *наряду с нарушением прав его доверителя, нарушены конституционные профессиональные права и свободы адвоката*. Конечно,

¹³ Определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2005 г. № 42-О.

¹⁴ Тарло Е.Г. *Общегражданское и судебное представительство*. М., 2003. С. 4.

¹⁵ Глашев А.А. *Адвокатура и адвокатская деятельность в решениях Европейского Суда по правам человека*. М.: Лигалорбис, 2004. С. 154.

непосредственно в Конституции РФ такие права не закреплены, однако практика обращений адвокатов и их рассмотрение Конституционным Судом РФ позволяют увидеть их *сквозь призму иных прав и свобод*, четко зафиксированных в Конституции РФ.

Например, в деле по жалобе 21 адвоката адвокатского бюро «Адвокатская фирма «Юстина», связанном с проведением обыска в офисе бюро и на рабочих местах адвокатов и изъятием документов адвокатского досье без судебного решения,¹⁶ адвокаты выступали заявителями, защищая при этом через свои профессиональные права (в частности, на сохранение адвокатской тайны) конституционное право своих доверителей на получение квалифицированной юридической помощи. Конституционный Суд РФ определил, что проведение следственных и оперативно-розыскных мероприятий в отношении адвоката, в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых им для осуществления адвокатской деятельности, невозможно без принятия об этом специального судебного решения.

Конституционный Суд неоднократно по жалобам адвокатов обращался к проблеме защиты адвокатской тайны, указывая, что обеспечение конфиденциальности сведений, сообщаемых адвокату его доверителем, является не привилегией адвоката, а гарантией законных интересов его доверителя, подлежащих защите в силу Конституции РФ¹⁷.

Согласно позиции Конституционного Суда РФ, государству необходимо создать надлежащие условия гражданам для реализации этого конституционного права, а лицам, оказывающим юридическую помощь, в том числе адвокатам, - *для эффективного осуществления их деятельности*. Одним из таких условий является обеспечение конфиденциальности информации, с получением и использованием которой сопряжено оказание юридической помощи, предполагающей по своей природе доверительность в отношениях между адвокатом и клиентом. Суд отметил, что обыск, связанный с доступом к материалам адвокатского производства, возможен только на основании судебного решения. В противном случае значение адвокатской тайны, права на получение профессиональной юридической помощи, права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, презумпции невиновности и права каждого не свидетельствовать против самого себя фактически обесценивались бы. Как видим, в этом деле *адвокаты защищали как права своих доверителей, так и свои профессиональные права*. В особом мнении судьи К.В. Арановского отмечается: «...пока конституционный статус адвокатуры недостаточно защищен, в частности соблюдением правил адвокатской тайны, она не сможет уверенно поддерживать профессиональные стандарты».

Существенное значение для защиты прав адвоката и его доверителя имеет дело по их жалобам о недопустимости процессуальной уловки по «выводу» неугодного следствию адвоката из числа защитников обвиняемого по делу, адвоката сначала допрашивают по тому же делу в качестве свидетеля, а затем на этом основании заявляют ему отвод как защитнику¹⁸. Конституционный Суд РФ указал, что нормы УПК РФ не позволяют без предварительного решения суда производить в отношении адвоката оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия, в том числе наблюдать за адвокатом, задерживать его, допрашивать в качестве свидетеля об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с оказанием юридической помощи доверителю. Такие действия в отношении адвоката сами по себе не могут быть причиной его отстранения от участия в уголовном деле в качестве защитника. Суд подчеркнул, что допрос адвоката как свидетеля без судебного решения, тем более сопряженный с принудительным приводом, создает реальную угрозу для адвокатской тайны.

В другом деле по жалобе двух адвокатов и их доверителя в связи с отказом в предоставлении им свиданий с содержащимся в СИЗО доверителем, обвиняемым в совершении преступления, адвокаты полагали, что такой отказ влечет нарушение права

¹⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2005 г. № 439-О.

¹⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 33-П.

¹⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 11 апреля 2019 г. № 863-О.

подозреваемого или обвиняемого, содержащегося под стражей, своевременно получить квалифицированную юридическую помощь, а также права адвоката *выполнять свои профессиональные обязанности* (то есть права на труд)¹⁹. Конституционный Суд указал, что отказ не может быть обусловлен лишь отсутствием сведений о наделении адвоката статусом защитника по уголовному делу, не представленных своевременно следователем администрации следственного изолятора. Иное истолкование оспариваемых законоположений, по мнению Суда, лишало бы подозреваемого и обвиняемого возможности своевременно получить квалифицированную юридическую помощь, а адвоката (защитника) - *возможности выполнить свои профессиональные и процессуальные обязанности*.

3. *Жалобы адвокатов в защиту непосредственно своих конституционных прав и свобод*. Ярким примером такой жалобы служит дело адвоката О.В. Сухова, который после его избрания депутатом представительного органа муниципального образования (на непрофессиональной основе) был подвергнут Адвокатской палатой г. Москвы дисциплинарной ответственности в виде замечания за занятие муниципальной должности – депутата²⁰. Адвокатская палата при этом посчитала, что совмещение адвокатом адвокатской деятельности со статусом лица, занимающего муниципальную должность, даже и на непостоянной основе, свидетельствует о вхождении члена адвокатского сообщества, вопреки закону, в систему органов местного самоуправления; такое совмещение нарушает как независимость адвоката в качестве советника по правовым вопросам, так и принцип равноправия адвокатов, поскольку адвокат, занимающий муниципальную должность депутата, получает возможность использовать депутатские полномочия и привилегии, в том числе при оказании юридической помощи своим доверителям.

В решении Конституционного Суда РФ обращается внимание на то, что позицию Адвокатской палаты разделили Главное управление Минюста России по Москве, судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда. В то же время адвокатскими палатами Московской, Ленинградской и Омской областей, Краснодарского края и Республики Башкортостан совмещение адвокатской деятельности и исполнения полномочий депутата представительного органа муниципального образования на непостоянной основе не рассматривается как недопустимое и влекущее прекращение или приостановление статуса адвоката.

В своей жалобе адвокат О.В. Сухов указал на нарушение следующих своих конституционных прав и свобод: *право избирать и быть избранными* в органы государственной власти и органы местного самоуправления (ч. 2 ст. 32), *право на свободное использование своих способностей* и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ч. 1 ст. 34), *право на свободу труда* (ч. 1 ст. 37 Конституции РФ). Конституционный Суд, поддержав позицию заявителя, указал, что «приобретение статуса адвоката выступает формой реализации *права свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию* (статья 37, часть 1, Конституции Российской Федерации)».

Анализ этого дела убеждает, что и при непосредственной защите адвокатом своих конституционных прав, на первый взгляд, совершенно не связанных с защитой прав других лиц - его доверителей, тем не менее такая связь прослеживается. Красной нитью проходит в решении Суда позиция о конституционном предназначении адвоката и адвокатуры в механизме реализации конституционных прав на судебную защиту и на квалифицированную юридическую помощь.

Неоднократно жалобы адвокатов касались защиты их *права на равенство* (ч. 1, 2 ст. 19) и *свободы труда* (ч. 1 ст. 37 Конституции РФ) при уплате страховых взносов в Пенсионный фонд России и Федеральный фонд обязательного медицинского

¹⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 25 октября 2016 г. № 2358-О.

²⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2019 г. № 29-П.

страхования²¹, *права на социальное обеспечение* по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом (ч. 1 ст. 39 Конституции РФ)²².

В деле, касающемся обязательных отчислений адвокатов на общие нужды адвокатской палаты, заявитель усмотрел нарушение Законом об адвокатуре права на *свободу экономической деятельности* (ч. 1 ст. 8), права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ч. 1 ст. 34) и права на свободу труда (ч. 1 ст. 37 Конституции РФ), хотя Конституционный Суд таких нарушений не выявил, однако указал, что отчисления должны соответствовать принципам разумности, соразмерности и недопустимости использования для ограничения доступа к профессиональной деятельности²³.

В деле, связанном с прекращением статуса адвоката, заявитель просил признать не соответствующими Конституции положения Закона об адвокатуре, препятствующие, по его мнению, обжалованию решения совета адвокатской палаты о прекращении статуса адвоката, и нарушающими *право на идеологическое и политическое разнообразие и равенство общественных объединений перед законом* (ч. 4 ст. 13), *право защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом* (ч. 2 ст. 45) и *право на судебную защиту* (ст. 46 Конституции РФ). Конституционный Суд отметил, что положения Закона об адвокатуре, будучи направленными в том числе на незамедлительное исключение из числа адвокатов лиц, не отвечающих предъявляемым к ним требованиям, выступают гарантией конституционного права граждан на квалифицированную юридическую помощь. Таким образом, Суд вновь рассмотрел конституционные права адвоката с учетом фактора их связанности правами доверителей²⁴.

Таким образом, практика Конституционного Суда РФ убеждает в том, что жалобы адвокатов как заявителей в Конституционный Суд РФ направлены на защиту их собственных прав и свобод, а также одновременно на защиту прав и свобод их доверителей, что свидетельствует о публичной значимости статуса адвоката.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Нудненко, Л. А. Актуальные проблемы совершенствования демократии в России / Л. А. Нудненко, Л. А. Тхабисимова // Государство и право. – 2020. – № 6. – С. 171-178. – DOI 10.31857/S013207690009948-4. – EDN CZHG0E.
2. Тарло Е.Г. Общегражданское и судебное представительство. М., 2003. С. 4.
3. Глашев А.А. Адвокатура и адвокатская деятельность в решениях Европейского Суда по правам человека. М.: Лигалорбис, 2004. С. 154.

---

²¹ См., например: Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2015 г. № 1925-О.

²² См., например: Определение Конституционного Суда РФ от 23 октября 2014 г. № 2346-О; Определение Конституционного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 1954-О.

²³ Определение Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2009 г. № 277-О-О.

²⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 25 января 2012 г. № 124-О-О.

Э. М. Дидык
адвокат, председатель Коллегии адвокатов
Московской области «Элина Дидык,
Евстигнеев и партнеры»,
legale2016@gmail.com

ПУБЛИЧНЫЙ ХАРАКТЕР АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА КВАЛИФИЦИРОВАННУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ

В соответствии с ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее - Закон об адвокатуре) адвокатура является профессиональным сообществом адвокатов и как институт гражданского общества не входит в систему органов государственной власти и органов местного самоуправления. Толкование данного положения позволяет сделать вывод о том, что из признания адвокатуры особым институтом гражданского общества вытекает оценка характера адвокатской деятельности как публичного, то есть направленного на защиту интересов не государственных структур (хотя они в принципе могут представлять интересы и государственных органов²⁵), или членов адвокатских сообществ (хотя и это не исключено), а публичных интересов в смысле любых частных, общественных, государственных институтов, то есть «неограниченного числа лиц, обратившихся за юридической помощью»²⁶. Таким образом, акценты на защиту интересов какого-то обособленной группы, категории лиц законом не ставятся. В литературе отмечается, что адвокаты являются «носителями публичного интереса, выраженного в приоритетной защите прав клиентов (граждан и их объединений) перед личной выгодой»²⁷.

Стоит отметить, что даже при защите своих интересов либо интересов своих коллег, адвокаты косвенно защищают интересы и других людей, то есть адвокатская деятельность все равно носит публичный характер. Например, в конституционном судопроизводстве, защищая права своего доверителя, адвокат защищает и свои профессиональные права. Так, в деле по жалобе двух адвокатов и их доверителя в связи с отказом в предоставлении им свиданий с содержащимся в СИЗО доверителем, обвиняемым в совершении преступления, адвокаты полагали, что такой отказ влечет нарушение права подозреваемого или обвиняемого, содержащегося под стражей, своевременно получить квалифицированную юридическую помощь, а также права адвоката выполнять свои профессиональные обязанности²⁸. Конституционный Суд РФ указал, что отказ не может быть обусловлен лишь отсутствием сведений о наделении адвоката статусом защитника по уголовному делу, не представленных своевременно следователем администрации

---

²⁵ Так, в конце 90-х – начале 2000-х годов адвокаты выступали представителями Совета Федерации. Адвокаты представляли интересы Совета Федерации в 1999 г. – 2 раза, 2000 – 2, 2001 – 4, 2002 г. – 4. Неоднократно представлял в Конституционном Суде РФ президент Федеральной палаты адвокатов Ю.С. Пилипенко (См., например, Постановление Конституционного Суда РФ от 19 февраля 2002 г. № 5-П по делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 15 Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 года «О статусе судей в Российской Федерации», статьи 2 Федерального закона от 21 июня 1995 года «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и части первой статьи 7 Федерального закона от 10 января 1996 года «О дополнительных гарантиях социальной защиты судей и работников аппаратов судов Российской Федерации» в связи с жалобами ряда граждан - судей и судей в отставке город Москва; Постановление Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2002 года по делу о проверке конституционности статьи 140 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л.Б. Фишер).

²⁶ См.: Адвокатская деятельность: Учебно-практическое пособие / Под общ. ред. канд. юр. наук В.Н. Бурбина. Изд. 2-е, перераб. и допол. М.: ИКФ «ЭКМОС», 2003. С. 61.

²⁷ Деханов С.А. Общие вопросы адвокатской тактики, техники и стиля // Адвокат. 2012. № 9. С. 5-9.

²⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 25 октября 2016 г. № 2358-О.

следственного изолятора. Иное истолкование оспариваемых законоположений, по мнению Суда, лишало бы подозреваемого и обвиняемого возможности своевременно получить квалифицированную юридическую помощь, а адвоката (защитника) - возможности выполнить свои профессиональные и процессуальные обязанности[7].

Именно, исходя из публичного характера деятельности адвоката, Закон об адвокатуре закрепил принципами такой деятельности независимость и самоуправление. Это дает возможность определить адвокатуру как «особый элемент гражданского общества - самоуправляемую, независимую корпорацию профессионалов в области права, на которую возложена публично-правовая обязанность оказания квалифицированной юридической помощи»²⁹. Этой публично-правовой функцией наделило адвокатуру государство, исходя из того, что оно в силу Конституции РФ обязано гарантировать права человека и гражданина, соблюдать их и защищать различными средствами, причем не только непосредственно государственными органами, но и общественными структурами, наделенными государством соответствующими полномочиями.

Конституционный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что на адвокатов законом возложена публичная обязанность обеспечивать защиту прав и свобод человека и гражданина (в том числе по назначению судов), что они осуществляют деятельность, имеющую публично-правовой характер, реализуя тем самым гарантии права каждого на получение квалифицированной юридической помощи, как это вытекает из ч. 1 ст. 45 и ч. 1 ст. 48 Конституции РФ³⁰. Стоит обратить внимание, что одна из первых характеристик адвокатской деятельности как публично-правовой была дана Конституционным Судом РФ еще в 1999 году, когда Суд подчеркнул, что деятельность адвоката не является предпринимательской и не преследует цель извлечения прибыли³¹.

Как отмечает Г.М. Резник, адвокат выполняет публичную функцию служения общественному интересу путем оказания свободной и независимой юридической помощи и занимает тем самым центральное место в системе отправления правосудия в качестве посредника между общественностью и судами, вместе с тем вовлечение адвокатов в процесс отправления правосудия не лишает адвокатскую профессию гражданского характера - следовательно, этические ограничения, необходимые для поддержания профессии, не должны быть чрезмерными³².

Публичная природа деятельности адвоката проявляется в различных видах оказываемой им юридической помощи: консультирование, составление документов правового характера, сбор необходимых предметов, сведений и документов для приобщения их в качестве доказательств по делу, проведение адвокатского расследования,

---

²⁹ См.: Кучерена А.Г. Роль адвокатуры в становлении гражданского общества в России: Монография. М., 2002. С. 149.

³⁰ См., напр., Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2019 г. № 29-П по делу о проверке конституционности положения абзаца первого пункта 1 статьи 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина О.В. Сухова // Собрание законодательства РФ. 2019. № 30. Ст. 4411; Постановление Конституционного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 33-П по делу о проверке конституционности пункта 7 части второй статьи 29, части четвертой статьи 165 и части первой статьи 182 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.В. Баляна, М.С. Дзюбы и других // Собрание законодательства РФ. 2015. № 52 (ч. I). Ст. 7682.

³¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 23 декабря 1999 г. № 18-П по делу о проверке конституционности отдельных положений статей 1, 2, 4 и 6 Федерального закона от 4 января 1999 года «О тарифах страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Государственный фонд занятости населения Российской Федерации и в фонды обязательного медицинского страхования на 1999 год» и статьи 1 Федерального закона от 30 марта 1999 года «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О тарифах страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Государственный фонд занятости населения Российской Федерации и в фонды обязательного медицинского страхования на 1998 год» в связи с жалобами граждан, общественных организаций инвалидов и запросами судов // Собрание законодательства РФ. 2000. № 3. Ст. 353.

³² Цит. по: Глашев А.А. Адвокатура и адвокатская деятельность в решениях Европейского суда по правам человека / Адвокатская палата г. Москвы [и др.]. М.: Лигалорбирс, 2004. С. 4.

представительство в различных государственных и негосударственных структурах. Особое значение имеет представительство в суде. Данный вид адвокатской деятельности самый сложный, влияющий на эффективность судебной системы и правозащиты в государстве. Безусловно, вовлечение адвоката в судебный процесс, носящий публичный характер, акцентирует публичную природу адвокатской деятельности. Неслучайно в ч. 1 ст. 1 Закона об адвокатуре целью адвокатской деятельности называется не только защита прав, свобод и интересов физических и юридических лиц, но и обеспечение доступа к правосудию. Конституционный Суд следующим образом обозначил роль адвокатской деятельности: «Реализации права на судебную защиту наряду с другими правовыми средствами служит институт судебного представительства, обеспечивающий заинтересованному лицу получение квалифицированной юридической помощи (часть 1 статьи Конституции Российской Федерации), а в случаях невозможности непосредственного (личного) участия в судопроизводстве - доступ к правосудию»³³. Таким образом, адвокатскую деятельность в свете доступности правосудия следует рассматривать как средство гарантирования конституционного права на судебную защиту, обеспечения реальности ее получения³⁴.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, публичные начала в природе отношений по оказанию юридической помощи обусловлены также тем, что, возникая в связи с реализацией права на судебную защиту, они протекают во взаимосвязи с функционированием институтов судебной власти. Соответственно, право на получение квалифицированной юридической помощи, выступая гарантией защиты прав, свобод и законных интересов, одновременно является одной из предпосылок надлежащего осуществления правосудия, обеспечивая его состязательный характер и равноправие сторон, предусмотренные ч. 3 ст. 123 Конституции РФ³⁵. Как справедливо отмечает Л.Ю. Грудцына, «конечная цель представления адвокатами интересов физических и юридических лиц в судопроизводстве - не только удовлетворение законного интереса частного лица, но и обеспечение принципа состязательности судебного процесса, достижение истины и, тем самым, утверждение принципов правового демократического государства, что имеет ключевое значение не только для отдельных лиц, но и для общества в целом. Таким образом, в деятельности адвокатуры сочетается защита частного и публичного интересов общества, направленного на соблюдение законности, прав и свобод граждан со стороны государства»³⁶. Достижение при участии адвоката справедливого судебного решения служит средством поддержания доверия к закону, суду, государству в целом, укрепляет конституционную законность и повышает уровень правовой культуры общества и правосознания его членов. Принцип взаимного доверия государства и общества с 2020 года приобрел конституционный характер (ст. 75.1 Конституции РФ), хотя значительно ранее Конституционный Суд много раз отмечал, что доверие граждан к закону и действиям государства выступает необходимым условием поддержания гражданского мира - ключевой конституционной ценности.

Необходимо обратить внимание на то, что в Конституции РФ не упоминается адвокатура как самостоятельный негосударственный правозащитный институт. Лишь

---

³³ Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2004 г. № 15-П по делу о проверке конституционности части 5 статьи 59 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами государственного собрания - Курултая Республики Башкортостан, губернатора Ярославской области, Арбитражного суда Красноярского края, жалобами ряда организаций и граждан // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3282.

³⁴ См. об этом: Колобашкина С.С. Конституционные основы адвокатской деятельности (обеспечение доступа к правосудию, право на судебную защиту и квалифицированную юридическую помощь) // Адвокатская практика. 2010. № 5. С. 33 - 37. С. 34.

³⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 23 января 2007 г. № 1-П по делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Агентство корпоративной безопасности» и гражданина В.В. Макеева // Собрание законодательства РФ. 2007. № 6. Ст. 828.

³⁶ Грудцына Л.Ю. Адвокатское право: учебно-практическое пособие. М.: Деловой двор, 2009. С. 7.

пунктом «л» ч. 1 ст. 72 предусмотрено, что адвокатура является предметом совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. Поправкой 2020 года в Конституцию введена категория «институты гражданского общества» в части полномочий Правительства РФ по осуществлению мер их поддержки (п. «е.1» ч. 1 ст. 114). В взаимосвязи данной конституционной нормы с положением Закона об адвокатуре о том, что адвокатура является «институтом гражданского общества» (ч. 1 ст. 3), можно утверждать, что адвокатура приобрела конституционно-правовую природу. Вместе с тем, институт адвокатуры как важнейший правозащитный институт гражданского общества должен иметь непосредственную конституционную «прописку».

Если обратиться к анализу положений зарубежных конституций, то можно увидеть ряд примеров, когда статус адвокатуры поднят на конституционный уровень. Например, в Конституции Республики Болгарии ей посвящены три статьи. Помимо распространенной в конституциях многих стран статьи, гарантирующей право каждому на адвокатскую защиту с момента его задержания или привлечения его в качестве обвиняемого (ч. 4 ст. 30), в Конституции Болгарии содержатся положения о том, что «каждый гражданин имеет право на защиту, когда нарушаются или находятся под угрозой его права или законные интересы. В государственные учреждения он может являться в сопровождении своего адвоката» (ст. 56). И наконец, в ст. 134 закрепляется конституционный статус адвокатуры: «1. Адвокатура свободна, независима и самоуправяема. Она оказывает помощь гражданам и юридическим лицам при защите их прав и законных интересов. 2. Организация и порядок деятельности адвокатуры регламентируются законом».

Схожие нормы есть и в конституциях ряда других стран. Так, соответствии со ст. 53 Конституции Республики Македонии, «адвокатура - самостоятельная и независимая публичная служба, которая обеспечивает правовую помощь и осуществляет публичные полномочия в соответствии с законом». Статьей 137 Конституции Словении предусмотрено: «Адвокатура как часть правосудия является самостоятельной и независимой службой, организация которой регулируется законом». Согласно ст. 27 Конституции Хорватии, «адвокатура как самостоятельная и независимая служба обеспечивает гражданам юридическую помощь в соответствии с законом».

Представляется целесообразным дополнение главы 7 Конституции РФ отдельной статьей, посвященной адвокатуре, выполняющей важную публичную функцию обеспечения защиты прав, свобод и законных интересов граждан и их объединений, благодаря чему государством решаются задачи по гарантированию прав и свобод человека и гражданина (ст. 17 Конституции РФ). С учетом этого целесообразно в название главы также откорректировать, в частности, следующим образом: «Судебная власть, прокуратура и адвокатура».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Адвокатская деятельность: Учебно-практическое пособие / Под общ. ред. канд. юр. наук В.Н. Бурбина. Изд. 2-е, перераб. и доп. - М.: ИКФ «ЭКМОС», 2003. – 624 с.
2. Глашев А.А. Адвокатура и адвокатская деятельность в решениях Европейского суда по правам человека / Адвокатская палата г. Москвы [и др.]. - М.: Лигалорбирс, 2004. - 159 с.
3. Грудцына Л.Ю. Адвокатское право: учебно-практическое пособие. М.: Деловой двор, 2009. – 320 с.
4. Деханов С.А. Общие вопросы адвокатской тактики, техники и стиля // Адвокат. 2012. № 9. С. 5-9.
5. Колобашкина С.С. Конституционные основы адвокатской деятельности (обеспечение доступа к правосудию, право на судебную защиту и квалифицированную юридическую помощь) // Адвокатская практика. 2010. № 5. С. 33 - 37.

6. Кучерена А.Г. Роль адвокатуры в становлении гражданского общества в России: Монография. - М., 2002. – 224 с.

7. Тхабисимова, Л. А. Конституционное судопроизводство Российской Федерации как особый вид в сфере защиты прав и свобод граждан / Л. А. Тхабисимова, А. К. Тлехатук // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – № 12. – С. 61-71. – EDN VFHNQM.

А.М. Дроздова

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры правовой культуры
и защиты прав человека Юридического института
Северо-Кавказского федерального университета

г. Ставрополь

temp17@rambler.ru

О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ГОСУДАРСТВА И ЛИЧНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена установлению здоровых отношений личности и государства. Исследованы различные взгляды ученых на взаимодействие государства и гражданина. Предлагается взгляд на реализацию принципа взаимной ответственности между государством и личностью, который следует воспринимать в форме политико-правовой связи, юридической принадлежности человека к государству, на основе которой возникают взаимные правоотношения и механизм их реализации, при том, что государство реализует свою обязанность по защите прав личности. Выдвигается тезис о том, что только перейдя к духовному «добровольному самообязыванию», человек становится гражданином, и тогда единение с государством выражается в принятии государственной цели, к достижению которой одинаково стремятся и государство, и каждый гражданин.

Ключевые слова: государство, человек, личность, соборное государство, гражданство, гражданин, чувство принадлежности к государству.

A.M. Drozdova

Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Legal Culture
and the protection of human rights of the Law Institute
North Caucasus Federal University

temp17@rambler.ru

ON THE RELATIONSHIP BETWEEN THE STATE AND THE INDIVIDUAL

Abstract. The article is devoted to the establishment of healthy relations between the individual and the state. Various views of scientists on the interaction of the state and the citizen have been studied. A view is offered on the implementation of the principle of mutual responsibility between the state and the individual, which should be perceived in the form of a political and legal connection, the legal affiliation of a person to the state, on the basis of which mutual legal relations and the mechanism for their implementation arise, despite the fact that the state realizes its duty to protect the rights of the individual. The thesis is put forward that only by moving to spiritual "voluntary self-commitment", a person becomes a citizen, and then unity with the state is expressed in the adoption of a state goal, to the achievement of which both the state and every citizen equally strive.

Key words: state, person, person, cathedral state, citizenship, citizen, sense of belonging to the state.

Современный человек рождается в государстве, не может жить вне государства и трудно поверить, что когда-то государства не было. Государство объективно не может существовать без человека. Многие называют в качестве характеристик государства: власть, территорию и население. Это означает, что нам суждено жить в государственном устройстве. Часто, особенно в последнее время, граждане все больше и больше накладывают на государство обязанностей и требований, тогда как себе оставляют права и требования.

Никто не будет спорить с тем, что, если не вкладываешь, не создаешь, то и брать будет нечего и не у кого, что настраивает нас на механизм определенного обмена личности и государства в процессе постоянного взаимодействия. Взаимодействие – это обменный процесс, который следует поддерживать: полезно брать и полезно отдавать[7].

В данном вопросе представляет интерес подход к пониманию сущности государства С.А. Капитонова [1]. Если граждане все требования и проблемы перекладывают на государство, но при этом, забывая о своем вкладе в процесс своего общения с государством, процесс взаимодействия затухает и государство разваливается, а с чем тогда остается личность, человек? С другой стороны, если государство в лице чиновников и управленцев ощущает себя выше общества, ощущает свое могущество перед личностью, считает способным принимать только правильные решения, регламентируя каждую сферу жизни общества, то оно само себя изживает и погибнет. В настоящее время есть опасение, что возродился процесс возвышения роли человека (любого), повсеместного удовлетворения его потребностей и защиты прав, без учета интересов других граждан и общества в целом. При этом роль государства принижается и сводится только к обязанностям по отношению к личности, при этом деятельность чиновников и управленцев воспринимается как деятельность государства. Можно предположить, что у некоторых событий, проходящих в обществе и государстве есть конкретные имена и фамилии.

Если мы не желаем себе и своей стране падения, надо постоянно искать золотую середину взаимоотношений государства и личности. По мнению Капитонова С. А: «Если конструкции государства и права будут соответствовать своему предназначению, пространство и взаимоотношения людей, складывающиеся в нем, будут развиваться. Если такое соответствие не будет найдено, то пространство и взаимоотношения людей, складывающиеся в нем, будут разрушаться» [2, с.12].

Вот, например, еще один подход: Яценко, Татьяна Олеговна вводит в научный оборот понятие *соборной личности и соборного государства* и выдвигает тезис о том, что «соборное государство - это тип субъектности общества, активность которого направлена на совершенствование общественных отношений на единение и достижение взаимной толерантности соборных (симфонических) личностей общества» [3].

По мнению Мордовцева А.Ю., «Государство выступает как официальный представитель всего общества, поэтому отношения между ним и человеком носят политико-правовой характер. Любой человек в пределах территории государства подпадает под его юрисдикцию, то есть становится адресатом исходящих от государства обязательных предписаний» [4, с. 32-33].

Если принять тезис о том, что отношения государства и личности должны базироваться на принципе взаимной ответственности, то между государством и личностью предусматривается политико-правовая связь или юридическая принадлежность лица государству, наличие которой наделяет гражданина специальными качествами, возникают взаимные правоотношения и механизм их реализации, при том, что государство реализует свою обязанность по защите прав личности. Принцип взаимной ответственности государства и личности позволяет выстраивать механизм ограничения от произвола политической власти в государстве, при том, что от каждой личности требуется соблюдение правовых предписаний, исполнения обязанностей перед государством и перед

другими членами общества.

В любом государстве существует институт государственного управления, который влияет на личность с момента рождения и до смерти, иногда опекаемое воздействие со стороны государства человек не замечает даже. Наиболее значимый и заметный для всех это институт *гражданства*. Состояние гражданства для человека порождает определенный статус, отличный от лиц без гражданства и иностранных граждан; граждане имеют больше прав и обязанностей перед государством, в отношении граждан государство применяет методы и формы воздействия, которые не может применить в отношении не граждан, например.

Общепринято юридическое признание государством принадлежности лица к государству называть гражданством, возникшие взаимные отношения продолжаются не только на территории государства, но и за его пределами в случае, если соблюдается полный комплект прав и обязанностей обеих участников на основании действующего законодательства. Если гражданин соблюдает весь набор прав и обязанностей, составляющих его статус, то со стороны государства гарантируется реализация механизма признания и защиты прав личности, при этом реализуются взаимные права и обязанности гражданина и государства, поскольку между ними возникают властеотношения властвующего и подвластного.

Особенно интересна позиция И.А. Ильина о том, что «Каждый, претендующий на умственную и духовную зрелость, должен отдать себе отчет в том, принадлежит ли он к какому-нибудь государству и к какому именно? И к чему это его обязывает и уполномочивает?» [5, с. 330]. Однако объективно мало признать свою принадлежность к государству, куда важнее принимать этот факт душой, дорожить этим и даже гордиться своим статусом гражданина. Каждый гражданин должен в силу своего признания своей принадлежности к государству должен перейти к духовному *«добровольному самообязыванию»*, поскольку, не возможно быть гражданином вопреки своему желанию, воли и сознанию. Человек становится гражданином, когда единение с государством выражается в принятии государственной цели, к достижению которой одинаково стремятся и государство, и каждый гражданин.

Вопросы государства, власти и личности волновали и волнуют не только ученых, но и население стран. Вопросы спорные и дискуссионные, исследования все ведутся и ведутся. Но каждое государство и российское в настоящее время особенно заинтересовано в стабильности, законности, сплоченности и создания условий для нормальной человеческой жизни. И «нет сомнений в том, что только государство, поставленное на службу человеку и следующее неуклонно этому курсу, сможет быть легитимным и пользоваться поддержкой широких масс» [6, с. 4-5]. Как важно понять каждому гражданину России, что сегодня только все мы вместе с государством и властью сможем выжить, выстоять и победить врагов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Юридический парадокс государства [Текст] / С. А. Капитонов ; Ассоциация юридический центр. - Санкт-Петербург : Юридический центр-Пресс, 2012. – 314 с.
2. Там же.
3. Яценко Т.О. Диссертация на тему «Государство и личность: социально-философский анализ» по ВАК РФ 09.00.11, Красноярск 2009. Работа выполнена на кафедре социальной работы и социологии ГОУ ВПО «Сибирский государственный технологический университет», г Красноярск.

Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/gosudarstvo-i-lichnost-sotsialno-filosofskii-analiz>

4. Мордовцев А.Ю., Апольский Е.А., Мамычев А.Ю. Философия права: учеб. пособие. – М.: Юрлитинформ, 2023. – 144 с.

5. Ильин И.А. О государственном правосознании /Родина и мы. Статьи. Сост., вступ. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы – Смоленск «Посох». 1995, - 512 с.
6. Дроздова А.М. Легитимация и ответственность власти во взаимоотношениях государства и личности (социально-философские и правовые аспекты): монография / А.М. Дроздова, С.А. Комаров. – 2-е изд. – СПб.: Изд-во Юридического института (Санкт-Петербург), 2011. – 227 с.
7. Повышение уровня информационно-коммуникативной культуры граждан правовыми средствами и механизмами / Е. А. Абаева, З. С. Байниязова, А. В. Басова [и др.]. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Русайнс", 2021. – 294 с. – ISBN 978-5-4365-8713-4. – EDN RVNDHL.

А.А. Жегалова
старший преподаватель кафедры
судебной экспертизы и криминалистики
Ростовского государственного
экономического университета (РИНХ),
moi.arbitr.cp@yandex.ru

ЗНАЧЕНИЕ АКТОВ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ В ФОРМИРОВАНИИ МУНИЦИПАЛЬНО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ

Аннотация: В статье уделяется внимание постановлениям Конституционного Суда РФ, которые содержат позиции суда по различным аспектам местного самоуправления, касающимся его конституционных основ (правовой, организационной, территориальной, компетенционной, финансово-экономической). Отмечается позитивная роль решений суда в формировании и укреплении муниципально-правовой культуры всех участников муниципально-правовых отношений.

Ключевые слова: муниципально-правовая культура, местное самоуправление, конституционные основы местного самоуправления, Конституционный Суд РФ, акты конституционного правосудия

A.A. Zhegalova,
Senior Lecturer of the Department of
Forensic Examination and Criminalistics of
Rostov State University of Economics (RINH)
moi.arbitr.cp@yandex.ru

THE IMPORTANCE OF ACTS OF CONSTITUTIONAL JUSTICE IN THE FORMATION OF MUNICIPAL LEGAL CULTURE IN RUSSIA

Abstract: The article pays attention to the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, which contain the positions of the court on various aspects of local self-government concerning its constitutional foundations (legal, organizational, territorial, competence, financial and economic). The positive role of court decisions in the formation and strengthening of the municipal legal culture of all participants in municipal legal relations is noted.

Keywords: municipal legal culture, local self-government, constitutional foundations of local self-government, Constitutional Court of the Russian Federation, acts of constitutional justice

Конституционный Суд Российской Федерации (далее – Конституционный Суд,

Суд), являясь высшим органом конституционного судебного контроля, стоит на страже защиты прав и свобод человека и гражданина чем создает условия для наиболее полной реализации высших социальных ценностей, которые составляют основы конституционного строя России. Права и свободы человека и гражданина, в том числе право на местное самоуправление, на основании Конституции РФ обеспечиваются правосудием.

Тимофеев Н.С. отметил, что «правовые позиции, высказанные Конституционным Судом РФ, были положены в основу Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах местного самоуправления», а также вносимых в данный закон изменений» [2, с.109], Разрешая споры о финансово-экономических, компетенционных, организационных и территориальных основах местного самоуправления Конституционные Суд оказывает преобразующее воздействие, прежде всего, на его правовую основу, поскольку всегда основывает свои доводы и решения на положениях главы 8 Конституции, либо на нормах, расположенных в других частях структуры Основного закона, относящихся к сфере регулирования рассматриваемого права.

Например, в сфере территориальных основ местного самоуправления при осуществлении правосудия Суд касался вопросов территориальной доступности населению (Постановления КС РФ от 15.01.1998 г. №3-П, от 11.11.2003 г. №16-П), упразднения местного самоуправления на определенной территории (Постановление КС РФ от 30.11.2000 г. №15-П), связи муниципального территориального устройства с административно-территориальным делением в Российской Федерации (Постановление КС РФ от 03.11.1997 г. №15-П).

Суд внес ясность в существенное число вопросов, касающихся организационных основ местного самоуправления, в частности: установления срока полномочий представительного органа муниципального образования (Постановление КС РФ от 30.11.2000 г. №15-П), применения и установления избирательных систем на муниципальных выборах (Постановление КС РФ от 07.07.2011 г. №15-П), порядка формирования представительного органа муниципального района и замещения должности главы муниципального района (Постановления КС РФ от 18.05.2011 г. №19-П, от 01.12.2015 г. №30-П), недопустимости подчинения муниципальных органов органам государственной власти (Постановление КС РФ от 15.01.1998 г. №3-П).

В вопросах компетенции местного самоуправления Суд высказывал позиции по разграничению обязанностей между уровнями публичной власти (Постановление КС РФ от 01.12.2015 г. №30-П), по передаче отдельных государственных полномочий органам местного самоуправления и наоборот попытке решения государственными органами вопросов местного значения (Постановление КС РФ от 30.11.2000 г. №15-П), в разрешении компетенционных конфликтов в сфере коммунального хозяйства муниципальных образований (Постановления КС РФ от 13.10.2015 г. №26-П, от 29.03.2011 г. №2-П).

Касаемо финансово-экономической основы местного самоуправления, Суд внес ясность в отношении расходов местного бюджета в результате принятия решений органами государственной власти, либо в случае участия органов местного самоуправления в осуществлении государственных полномочий (Постановления КС РФ от 29.03.2011 г. №2-П, от 13.10.2015 №26-П), а также подчеркнул необходимость финансовой помощи муниципальным образованиям со стороны государства (Постановление КС РФ от 15.05.2006 г. №5-П).

Обеспечение верховенства и прямого действия Конституции - основное предназначение Конституционного Суда. Суд оказывает существенное воздействие преобразовательного характера на конституционное регулирование местного самоуправления в Российской Федерации через различные механизмы, такие как: - толкование норм Конституции РФ о местном самоуправлении; - отыскание конституционного истолкования норм, исключая иное толкование и применение; -

устранение из муниципального правового поля положений, противоречащих конституции; - высказывание рекомендаций законодателю и т.п. Таким образом, Конституционный Суд РФ качественно преобразует муниципальное законодательство. В рамках своих полномочий, разрешая споры о нормах права, он обеспечивает действие в сфере правоприменения лишь положений нормативно-правовых актов соответствующих Основному закону государства, тем самым повышая качество муниципально-правовых отношений[3].

Многие правовые позиции Конституционного суда легли в основание Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах местного самоуправления», а также вносимых в данный закон изменений, они стали основой для законотворчества в субъектах Федерации и муниципального правотворчества. «Именно такое значение решений КС в сфере местного самоуправления заставляет очень внимательно относиться к каждому из них, потому что они влекут абсолютно конкретные, прикладные последствия для местного самоуправления в целом» [1, с.23].

Стоит отметить, что адресатом итоговых решений Конституционного Суда РФ выступает неопределенное множество субъектов, поскольку они публикуются для всеобщего ознакомления. Таким образом, через изучение актов конституционного правосудия, формируются и углубляются знания о местном самоуправлении, складывается понимание его конституционной сущности, незыблемых принципов его существования и реформирования, что позитивно влияет на всех участников муниципально-правовых отношений, укрепляя муниципально-правовую культуру россиян.

На сегодняшний день одним из самых обсуждаемых актов является Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. №1-З «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации», которое содержит позиции органа по вопросам изменения и дополнения норм Основного закона о местном самоуправлении.

Излагая позиции по тем или иным вопросам Конституционный Суд РФ обеспечивает устойчивое состояние конституционной модели местного самоуправления и определяет границы ее возможных модификаций, с тем, чтобы проводимые на законодательном уровне изменения и преобразования не стали причиной искажения конституционной сущности местного самоуправления и нарушения конституционных муниципальных прав.

На основании вышеизложенного можно заключить, что Конституционный Суд Российской Федерации оказывает преобразующее действие на все конституционные основы местного самоуправления: правовую, территориальную, организационную, компетенционную и экономическую. Разрешая споры о праве возникающие в муниципальной практике и внося ясность в толкование и правоприменение законов Суд создает условия для совершенствования муниципально-правовой культуры участников правоотношений (населения, общественных объединений, должностных лиц местного самоуправления и государственных служащих), а его позиции служат верным ориентиром в муниципальном строительстве на прочном фундаменте – Конституции Российской Федерации.

Таким образом, можно отметить исключительно позитивную роль решений Конституционного Суда по вопросам местного самоуправления в совершенствовании науки муниципального права, практики местного самоуправления и соответственно муниципально-правовой культуры в России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Костюков А.Н., Маслов К.В. Местное самоуправление в решениях Конституционного Суда Российской Федерации 2009-2014 годов // Журнал конституционного правосудия. 2015. №2. – С. 22-26.
2. Тимофеев Н.С. Местное самоуправление в системе государственных и общественных отношений. Монография. – М.: Изд-во «МГУ», 2005. – 176 с.
3. Тхабисимова, Л. А. Судебная власть в субъектах Российской Федерации и мировые суды / Л. А. Тхабисимова, З. Л. Шагапсоев // Конституционное и муниципальное право. – 2006. – № 4. – С. 37-40. – EDN ITERDN.

И.И. Костян

научный сотрудник Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, магистр юридических наук
knoozzz@yandex.ru

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПОНИМАНИЯ КУЛЬТУРЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация: Важным аспектом обеспечения информационной безопасности в государстве является формирование и развитие культуры информационной безопасности различных субъектов. В работе рассмотрен ряд научных подходов к пониманию культуры информационной безопасности, ее содержанию. С учетом научных разработок и опыта Российской Федерации, отраженного в Концепции формирования и развития культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации, предложена авторская дефиниция данного понятия, закрепление которой видится целесообразным в законодательстве Республики Беларусь.

Ключевые слова: культура безопасности, информационная безопасность, правовое регулирование в сфере информатизации, информационная культура, культура информационной безопасности.

I.I. Kostyan

Legal Research Institute of the National Center for Legislation and Legal Research of the Republic of Belarus, Researcher, Master of Law
knoozzz@yandex.ru

THEORETICAL AND LEGAL BASIS FOR UNDERSTANDING THE INFORMATION SECURITY CULTURE

Abstract: An important aspect of ensuring the information security of citizens is the formation and development of the information security culture. The article considers approaches to understanding and content of the information security culture. Taking into account the scientific developments and experience of the Russian Federation reflected in the Concept of formation and development of the culture of information security of citizens of the Russian Federation, author proposes his own definition of this concept, the consolidation of which seems appropriate in the legislation of the Republic of Belarus.

Keywords: security culture, information security, legal regulation of informatization, information culture, information security culture.

Формируемое сегодня информационное общество – это новый этап развития цивилизации, характеризующийся воздействием информационных технологий на все сферы человеческой деятельности. Наряду с явными позитивными тенденциями, которые несет в себе эпоха информатизации, общество сталкивается с множеством вызовов и угроз, являющихся обратной стороной научно-технического прогресса (нарушение личного пространства, информационные войны, киберпреступность и др.). Современность требует особого отношения современного человека к окружающей его действительности, которое позволило бы ему в той или иной мере обезопасить себя в цифровом пространстве и создать комфортные условия пользования информационно-компьютерными технологиями.

Важным фактором достижения гармоничного существования человека и общества в цифровой среде является формирование и развитие культуры информационной безопасности. Правильное понимание сущности данного социального явления, а также выработка его корректной легальной дефиниции определяют направления развития механизма формирования культуры информационной безопасности общества, что имеет важное прикладное значение.

Впервые понятие «культура безопасности» закрепились в качестве объекта правового регулирования относительно недавно – в отчете международной консультативной группы по ядерной безопасности (МКГЭБ) при генеральном директоре Международного агентства по атомной энергии МАГАТЭ, посвященному аварии на Чернобыльской АЭС в 1986 году и получило развитие в одном из докладов группы в 1989 году как полное внимание к вопросам безопасности, приверженность и личная ответственность отдельных лиц, так или иначе влияющие на безопасность организации, наличие особой психологической настроенности на безопасность, определяемой, в первую очередь, руководством [1, с. 68].

Понятие «культура безопасности» в последующем стало применимо к различным сферам и прежде всего к информационной.

Сегодня формируется единая информационная среда, которая определяет новую культуру – информационную [2, с. 51]. Понятие «информационная культура» начало формироваться в советской науке с 70-х годов XX века и в эпоху цифровых технологий приобрело особое значение. Под информационной культурой принято понимать «совокупность информационного мировоззрения и системы знаний и умений личности, обеспечивающих целенаправленную самостоятельную деятельность по оптимальному удовлетворению информационных потребностей с использованием как традиционных, так и новых информационных технологий» [3, с. 65]. Информационную культуру также можно определить как «личностную готовность осуществлять конструктивное потребление, использование и продуцирование информации, а также коммуникативное взаимодействие в интернет-пространстве, соответствующее ценностям благополучия человека и общества и избегания вредоносных информационных влияний, а также результатов и последствий собственной информационной активности» [4, с. 244].

Информационная культура требует от человека овладения новыми компетенциями, которые являются основой обеспечения его информационной безопасности [5, с. 96]. В широком смысле под информационной безопасностью понимают «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства в информационной сфере от внешних и внутренних угроз, обеспечивающее ее формирование, использование и развитие» [6, с. 57]. Такой подход к пониманию информационной безопасности получил отражение как в национальном законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь, так и на уровне межгосударственных объединений.

Одним из главных путей обеспечения информационной безопасности, как

правильно указывала в своем исследовании А. М. Прихожан, является целенаправленное формирование информационной культуры [7, с. 141]. Именно сквозь призму обеспечения информационной культурой гарантий безопасности в информационно-цифровой среде и следует рассматривать культуру информационной безопасности как социальное явление.

В научной литературе ряд исследователей рассматривает культуру информационной безопасности как структурный компонент информационной культуры. Так, по мнению Ю.С. Дащенко и С.А. Новоселова, «культура информационной безопасности – это часть информационной культуры личности, включающая систему представлений об информационной безопасности личности, знаний правовых и этических требований и норм в области обеспечения информационной безопасности, а также совокупность умений, навыков и психологических качеств, обеспечивающих нейтрализацию существующих угроз информационной безопасности для всех субъектов информационного пространства» [8, с. 84]. Схожего мнения придерживается А.Н. Пастушеня, выделяя информационную безопасность личности в качестве составляющей ее информационной культуры и определяя структуру культуры информационной безопасности в виде психологических свойств, выражающих знания и умения, личные нормы и установки по полезному и безопасному осуществлению информационно-коммуникативной активности в интернет пространстве и в иных возможных информационных системах [4, с. 244, 247].

Другие авторы рассматривают культуру информационной безопасности, как необходимый уровень (состояние) достижения безопасности в информационном пространстве. Так, Л.В. Астахова и С.С. Лушникова определяют культуру информационной безопасности как «способ организации информационной деятельности субъекта, при котором знания и ценностные модели его поведения обеспечивают ему и другим субъектам безопасное функционирование и развитие в информационно-технологической среде» [9, с. 44].

Из содержания указанных подходов следует, что культура информационной безопасности, так или иначе, призвана обеспечить информационную безопасность с помощью определенных компетенций, качеств и свойств.

Белорусское законодательство понятие «культура информационной безопасности» не использует. На постсоветском пространстве передовой опыт в регламентации вопросов культуры информационной безопасности отмечен в Российской Федерации. Так, в Концепции формирования и развития культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации (далее – Концепция) отражено понятие культуры информационной безопасности как совокупности сформированных знаний, умений и навыков по вопросам информационной безопасности, обеспечивающей безопасное пребывание гражданина в информационном пространстве [10].

Дефиниция, приведенная в Концепции, в целом раскрывает сущность культуры информационной безопасности, однако, на наш взгляд, требует доработки. Культура информационной безопасности, помимо знаний, умений и навыков, которые представляют собой только совокупность компетенций – это еще и психологические свойства, и личностные ценности.

Профессор А.Н. Пастушеня, определяя содержательный аспект культуры информационной безопасности, выделял задачи культуры информационной безопасности «в понятиях не только компетенций, но и личностных свойств, образующих готовность личности к полезной и безопасной активности в интернет-пространстве» [4, с. 245]. Для противодействия угрозам в информационной сфере необходимо обладать не только рядом знаний и умений, но и психологическими качествами (внимательность, осторожность) [8, с. 82], а также личностными ценностями (понимание значимости информации как объекта правоотношений, уважение к неприкосновенности личной жизни, свободе выбора и др.). Эти свойства должны быть присущи не только отдельным пользователям информационных ресурсов, но и государственным институтам, и профессиональным

субъектам, действующим в информационном пространстве.

Таким образом, целесообразно закрепить в законодательстве Республики Беларусь понятие культуры информационной безопасности как совокупности сформированных знаний, умений и навыков по вопросам информационной безопасности, а также соответствующих психологических качеств и личностных ценностей, обеспечивающей безопасное пребывание гражданина в информационном пространстве. Такое понимание культуры информационной безопасности более полно раскрывает сущность данного социального явления и коррелирует с положениями Концепции.

Полагаем, данный подход является актуальным как в контексте институционализации и законодательного закрепления культуры информационной безопасности в Республике Беларусь, так и с точки зрения внесения изменений в законодательство Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Рыжкин, А. Н. Культура безопасности и ее цель в понимании МАГАТЭ/ А. Н. Рыжкин, Ю. А. Евдошкина // Студенческая научная весна – 2019 : сб. тез. и ст. ежегод. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, 8–19 апр. 2019 г. – Москва : НИЯУ МИФИ; – Волгоград : ВИТИ НИЯУ МИФИ, 2019. – С. 68–69.
2. Кузина, Н. Н. Информационная безопасность как элемент информационной культуры / Н. Н. Кузина, А. А. Запорожцева, Н. В. Корманенко // Актуальные вопросы современной науки и образования : сборник статей III Международной научно-практической конференции : в 2 ч., Пенза, 25 мая 2020 года. – Пенза: «Наука и просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2020. – С. 51–53.
3. Гендина, Н. И. Информационная грамотность и информационная культура личности: международный и российский подходы к решению проблемы / Н. И. Гендина // Открытое образование. – 2007. - № 5. – С. 58-69.
4. Пастушеня, А. Н. Культура информационной безопасности личности и психолого-педагогические задачи ее формирования / А. Н. Пастушеня // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2022. – №2 (44) – С. 242–247.
5. Беляев, Р. В. Информационная культура личности: ведущие методологические подходы / Р. В. Беляев, Е. И. Григорьева // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2016. – № 2(70). – С. 90–96.
6. Мазуров, В. А. Понятие и принципы информационной безопасности / В. А. Мазуров, В. В. Невинский // Известия Алтайского государственного университета. – 2003. - № 2(28). – С. 57-63.
7. Прихожан, А. М. Информационная безопасность и развитие информационной культуры личности / А. М. Прихожан // Мир психологии. – 2010. – С. 135–141.
8. Дашенко, Ю. С. Воспитание культуры информационной безопасности как необходимый компонент формирования информационной культуры детей младшего возраста / Ю. С. Дашенко, С. А. Новоселов // Педагогическое образование в России. – 2020. - № 6. – С. 82–86.
9. Астахова, Л. В. Культура информационной безопасности предприятия: сравнительный анализ зарубежных и российских исследований / Л. В. Астахова, С. С. Лушникова // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. – 2019. – № 1 (31). – С. 37-45.
10. Концепция формирования и развития культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации [Электронный ресурс] : 22 декабря 2022 г., № 4088-Р: утв. распор. Правительства Российской Федерации // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – Минск, 2023.

11. Тхабисимова, Л. А. Конституционно-правовой анализ участия молодежи в политических флешмобах в Российской Федерации / Л. А. Тхабисимова // Университетские чтения – 2020 : Материалы научно-методических чтений ПГУ, Пятигорск, 09–10 января 2020 года. Том Часть I. – Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2020. – С. 158-162. – EDN QPZMWB.

М.Б. Магомедов

доктор исторических наук, филиал Дагестанского
государственного университета в г. Хасавюрте
mag0med0v@mail.ru;

М.А. Ахмедов

кандидат педагогических наук, филиал Дагестанского
государственного университета в г. Хасавюрте

Н.Б. Насрудинов

филиал Дагестанского государственного университета
в г. Хасавюрте

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ЛИЧНОСТИ ДЛЯ ИНОСТРАНЦЕВ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена проблемам формирования и развития института конституционно-правового статуса личности для иностранцев на территории Российской Федерации и актуальности гражданства, которое выражается в наличии устойчивой политико-правовой связи между конкретной личностью и государством, при предоставлении лицу (иностранному гражданину или лицу без гражданства) политического убежища РФ может установить специальные права и гарантии для этой категории лиц.

Ключевые слова: Российская Федерация, Россия, конституционно-правовой, статус, иностранец, права, свобода, убежище, закон, гражданство, государство, гарантии, декларация,

M.B Magomedov

Doctor of Historical Sciences
mag0med0v@mail.ru;

M.A Akhmedov

Candidate of Pedagogical Sciences;

N.B. Nasrudinov

Branch of Dagestan
State University in Khasavyurt.

QUELQUES QUESTIONS RELATIVES À LA FORMATION ET AU DÉVELOPPEMENT DE L'INSTITUTION DU STATUT CONSTITUTIONNEL ET JURIDIQUE DE LA PERSONNE POUR LES ÉTRANGERS SUR LE TERRITOIRE DE LA FÉDÉRATION DE RUSSIE

Résumé: l'Article traite des problèmes de formation et de développement de l'institution du statut constitutionnel et juridique de la personne pour les étrangers sur le territoire de la Fédération de Russie et de la pertinence de la citoyenneté, qui s'exprime par l'existence d'un lien politico-juridique stable entre une personne particulière et l'état, lors de l'octroi de l'asile politique à une personne (un citoyen étranger ou un apatride), la Fédération de Russie peut établir des droits et des garanties spéciaux pour cette catégorie de personnes.

Mots - clés: Fédération de Russie, Russie, constitutionnel et juridique, statut, étranger, droits, liberté, asile, loi, citoyenneté, état, garanties, déclaration,

В настоящее время под конституционно-правовым статусом иностранцев, следует понимать конституционно-правовой институт, совокупность норм которого регламентирует правовое положение иностранных граждан на территории конкретного государства и составной частью которого являются основные права, свободы и обязанности данных лиц. Кроме того, в юридической литературе исследователями выделяются два уровня ограничений: на правоустановительном и на правоприменительном. «Ограничение прав граждан – это установление законодателем правового статуса граждан путем определения пределов (границ) реализации гражданином своих прав и свобод в целях обеспечения надлежащего баланса интересов гражданина и общества (правоустановительный уровень), а также правомерные изъятия из правомочий, входящих в объем правового статуса граждан, путем издания уполномоченным на то должностным лицом (органом) индивидуального правового акта управления, лишаящего гражданина права вообще или частично (во времени и по объему), либо правомерное возложение на гражданина таким актом дополнительных юридических обязанностей (по отношению к уже имеющимся у него обязанностям, установленным нормативно-правовыми актами) или путем непосредственного применения к гражданину мер физического воздействия (правоприменительный уровень)»[5; 16].

Правовое положение всех иностранцев, находящихся на территории страны неодинаково. Не вызывает сомнений существование различий в правовом статусе таких категорий, как иностранцы, обладающие привилегиями и иммунитетом, иностранцы, не обладающие таковыми («обычные» иностранцы), беженцы и иностранцы, которым предоставлено политическое убежище, а также лица без гражданства. Но справедливо ли говорить о том, что отличия имеются и в конституционном статусе данных лиц? Представляется, что ответить на этот вопрос можно путем изучения особенностей каждого из элементов конституционного статуса той или иной группы иностранцев.

Прежде всего, необходимо отметить, что в целях Федерального закона понятие «иностранец» включает в себя понятие «лицо без гражданства», за исключением случаев, когда федеральным законом для лиц без гражданства устанавливаются специальные правила, отличающиеся от правил, установленных для иностранных граждан. Содержательная неопределенность основных прав и свобод, по нашему мнению, часто имеет объективный характер и является не дефектом, а следствием «убегания» идеального смысла того или иного права от законодательных моделей его реализации[14].

Затем следует определить те элементы, которые составляют содержание института конституционно-правовой статус иностранного гражданина. Так как данный институт является составной частью более общего института конституционно-правового статуса личности и формируется на его основе [8, с. 15], то содержание первого следует раскрывать с помощью установления содержания второго.

Как справедливо отмечает Л.Д.Воеводин, «таким критерием является закрепленное правом место индивида в обществе и государстве, т.е. в производстве, в управлении государственными делами и сфере духовной жизни. Все институты, непосредственно раскрывающие место индивида в обществе и государстве, можно смело включить в основы правового статуса личности» [8, с. 32]. Таким образом, для того, чтобы объяснить

необходимость включения в содержание статуса иностранца всех вышеперечисленных элементов, следует показать их взаимосвязи и невозможность существования друг без друга, а также выявить те признаки данных элементов, которые позволяют раскрыть положение иностранного гражданина в обществе и государстве. Принципы конституционно-правового статуса личности — это наиболее устойчивые, фундаментальные идеи, начала, требования, регламентированные в предписаниях конституционного законодательства и в соответствующих международных юридических источниках, положенные в основу правового регулирования и определяющие подходы к установлению границ и рамок поведения личности в обществе и государстве [17].

Гражданство «выражается в наличии устойчивой политико-правовой связи между конкретной личностью и государством. Эта связь означает юридическую принадлежность лица конкретному государству, приобретение личностью специфических черт гражданина государства, наличие круга взаимных прав и обязанностей граждан и государства, а также защиту гражданина государством внутри страны и за ее пределами» [13, с. 418].

Как и гражданство «иностранство» обладает рядом специфических черт, среди которых можно назвать: срочность, ограниченность территорией страны государства и непостоянство.

Свойство срочности характеризуется тем, что связь иностранца и государства пребывания имеет временные рамки. Согласно ч.1 ст.5 Федерального закона РФ от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [7, ст. 3032] временно пребывающий в РФ иностранец, прибывший в нашу страну по выданной ему визе, может находиться в пределах государственных границ России в течение срока действия такой визы, по истечении которого иностранец будет обязан покинуть государство. Срок, на который может быть выдана виза, детально регулируется Федеральным законом РФ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» [4, ст. 4029]. То есть государство само ограничивает срок нахождения на своей территории лица, не являющегося его гражданином.

Следующим свойством правовой связи между иностранцем и государством пребывания является ограниченность данной связи территорией страны. Как правило, правоотношение между рассматриваемыми субъектами начинается с обращением иностранца к государству за разрешением на въезд в соответствующее государство, при осуществлении которого он будет подпадать под юрисдикцию такого государства и будет обязан соблюдать его законы. В случае выезда иностранца с территории государства правовая связь между ним и таким государством, как правило, прекращается, то есть иностранный гражданин и государство уже не будут обладать взаимными правами и обязанностями.

Ограничение срока нахождения иностранца на территории государства зависит непосредственно от государства и это характерно для регулирования статуса иностранцев, являющихся представителями «обычной» группы. Что касается категории иностранцев, наделенных определенными иммунитетами и привилегиями, то на свойство срочности их правовой связи с государством, гражданами которого они не являются, может оказывать воздействие государство их гражданства.

Свойство срочности по-разному отражается и в статусе «обычной» категории иностранцев, так как срок нахождения данных лиц на территории государства, гражданами которого они не являются, различается в зависимости от ряда факторов и обстоятельств. Так, в РФ постоянно проживающий иностранец имеет право находиться на территории нашего государства в течение срока действия выданного ему вида на жительство, а, например, временно проживающий — в течение срока действия разрешения на временное проживание. В первом случае такой срок составит пять лет, а во втором — три года (ст. 6 и ст.8).

Говоря об иностранцах, следует помнить, что на данный вид связи может влиять наличие или отсутствие у лица гражданства какого-либо государства [9, с. 346].

Характерной чертой конституционно-правового статуса иностранца – гражданина иного государства является его нахождение в «двойном подчинении». В таком случае «иностранство», как вид связи между иностранным гражданином и государством, приобретает особую окраску, так как существование между таким лицом и иным государством правовой связи в виде гражданства сказывается на всех элементах конституционно-правового статуса иностранных граждан и позволяет их классифицировать на различные группы:

– иностранцы, конституционный статус которых характеризуется наличием правовой связи таких лиц не только с государством пребывания (проживания), но и с государством своего гражданства;

– иностранцы, статус которых определяется исключительно существованием правовой связи такого лица с государством, гражданином которого он не является.

В последнем случае имеются в виду не только лица без гражданства, а и иностранцы, принадлежащие к категории беженцев и лиц, ходатайствующих о предоставлении им политического убежища.

Набор принципов статуса иностранца некоторым образом отличается от набора принципов статуса личности, что является следствием возникновения между иностранцем и государством пребывания особой правовой связи и отражает особенности правового положения в государстве рассматриваемых нами лиц по сравнению с собственными гражданами государства.

Наконец, к элементам, составляющим содержание рассматриваемых институтов, относятся гарантии статуса личности. Именно гарантии делают возможным существование всех иных элементов статуса, так как обеспечивают их реализацию, закрепляют механизм осуществления прав, свобод и обязанностей, порядок охраны и защиты прав и свобод. Без гарантий элементы статуса в виде прав, свобод и обязанностей превратились бы в фикцию, а следовательно, потеряли бы смысл и элементы, представляющие собой предпосылки для установления прав, свобод и обязанностей: правовая связь между иностранцем и государством, принципы статуса и правосубъектность. Как справедливо отмечал Л.Д.Воеводин, «именно система гарантий всех элементов правового статуса и в особенности прав и свобод показывает, насколько они реальны, составляют ли они достояние всех людей» [8].

Анализ гарантий [1, ст. 3032] статуса иностранцев, закрепленный в законодательстве государства Российского позволяет судить о том, какое значение придает наше государство правам и свободам данных лиц, их обязанностям и какие меры оно намерено предпринять для обеспечения их реализации. То есть исследование гарантий также позволяет понять и определить место иностранного гражданина и лица без гражданства в государстве.

Иностранцами гражданами считаются лица, находящиеся на территории РФ, не принадлежащие к ее гражданам и обладающие документами, доказывающими наличие них гражданства (подданства) иностранного государства [11, с. 233].

Другой категорией лиц, находящихся в РФ и не обладающих ее гражданством, могут быть лица без гражданства. Они не являются гражданами РФ и не имеют доказательства наличия гражданства (подданства) иностранного государства. Именно такое определение этих категорий лиц дает Федеральный закон [1, ст. 3032].

Конституция РФ (ч. 2 ст. 55) не допускает такие формы неправомерного ограничения конституционных прав и свобод личности, как умаление и отмена. Последняя означает невозможность реализации прав или свобод из-за высокой степени ограничений, нуллификацию их содержания. «Умаление» же трактуется исследователями по-разному: 1) как существенная модификация содержания ограничиваемых прав; 2) как «принижение критериального и регулятивного значения для законодательства основного содержания таких прав» [12; 15].

Во многих отношениях правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства имеет общую конституционно-правовую основу. Конституция РФ (ч. 3 ст. 62) гласит: «Иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в РФ правами и несут обязанности наравне с гражданами РФ, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором РФ». В своей работе мы называем эти две категории лиц общим названием «иностранцы». В Федеральном законе 2002 г. об иностранных гражданах в ч. 2. ст. 2 говорится: «В целях настоящего Федерального закона понятие «иностранец» включает в себя понятие «лицо без гражданства», за исключением случаев, когда федеральным законом для лиц без гражданства устанавливаются специальные правила, отличающиеся от правил, установленных для иностранных граждан».

По действующей Конституции РФ права и обязанности российских граждан, иностранных граждан и лиц без гражданства одинаковы, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом или международным договором РФ. Естественно, такая формулировка исключает участие субъектов РФ в регулировании прав, свобод и обязанностей иностранных граждан, лиц без гражданства в РФ [2, с. 237].

Российская Федерация в соответствии с общепризнанными нормами международного права предоставляет политическое убежище иностранным гражданам и лицам без гражданства, т.е. возможность укрыться от преследований по политическим мотивам (за политические убеждения, общественную, религиозную деятельность и т.п.) со стороны своего государства или государства местожительства, что соответствует положению ст. 14 Всеобщей декларации прав человека, провозглашающему право каждого человека искать убежище от преследования в других странах, и принятой ООН Декларации о территориальном убежище 1967 г.

Таким образом, при предоставлении лицу (иностранному гражданину или лицу без гражданства) политического убежища Российская Федерация может установить специальные права и гарантии для этой категории лиц.

Основания предоставления Российской Федерацией политического убежища, отказа в таком предоставлении, утраты и лишения предоставленного лицу политического убежища, а также правовые последствия предоставления Российской Федерацией лицу политического убежища, порядок предоставления и рассмотрения ходатайств о предоставлении Российской Федерацией политического убежища определены Положением о порядке предоставления Российской Федерацией политического убежища, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 1997 г. [7]

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 25 июля 2002 №115-ФЗ// СЗ РФ. №30. Ст.3032. с изм. и доп.
2. Конституция Российской Федерации / Отв. ред. Л.А.Окуньков. – М.: БЕК, 1994. (с изм. и доп.).
3. Федеральный закон "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации" от 25.07.2002 N 115-ФЗ (последняя редакция) // <http://www.consultant.ru/>
4. О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию: Федеральный закон РФ от 15 августа 1996 г. №114-ФЗ// СЗ РФ. 1996. №34. Ст. 4029. с изм. и доп. от 10 января 2007 г. № 4-ФЗ.
5. Постановление ЕСПЧ от 22 декабря 2009 «Дело «Сергей Смирнов против Российской Федерации»» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека». 2010. №5.
6. Распоряжение Президента Российской Федерации от 19.07.1997 г. № 286-рп. 30. ст. 3611. О Совете при Президенте Российской Федерации по федеративной и... //

Собрание законодательства Российской Федерации: <https://www.szrf.ru> > szrf > docslst > issid=100199703.

7. Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30.
8. Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. Учебное пособие. – М.: Издательство МГУ, Издательская группа ИНФРА. М – НОРМА, 1997.
9. Енгибарян Р.В., Тадевосян Э.В. Конституционное право России. – Учебник для вузов 492с. М: Юристъ, 2000. МГИМО (УНИВЕРСИТЕТ) МИД РФ Институт государственного управления Авторы: Енгибарян Р. В., доктор юридических наук, профессор Тадевосян Э. В., доктор философских наук, профессор Енгибарян Р. В., Тадевосян Э. В.
10. Конституция Российской Федерации / Отв. ред. Л.А.Окуньков. – М.: БЕК, том 1994.
11. Мархгейм М.В., Смоленский М.Б., Яценко И.С. Конституционное право Российской Федерации: Учебник.- СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2006.
12. Маслов Н. А. Сравнительная характеристика льгот, компенсаций и гарантий правового статуса военнослужащих контрактной и срочной службы // Развитие российского военного законодательства на современном этапе (итоги, проблемы, перспективы). Ч. II. Матер. науч.-практ. конф., посвященной 20-летию образования ГД ФС РФ / под общ. ред. В. П. Комоедова. М., 2014.
13. Общая теория государства и права. Академический курс в 3-х томах. Изд. 2-е перераб. и доп. Отв. Ред. проф. М.Н. Марченко. Том 1. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2002.
14. Пресняков М.В. Проблемы содержательной определенности основных прав и свобод: конституционные идеалы и текущее законодательное регулирование // Вестник ПАГС. 2019. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-soderzhatelnoy-opredelennosti-osnovnyh-prav-i-svobod-konstitutsionnye-idealy-i-tekushee-zakonodatelnoe-regulirovanie> (дата обращения: 14.03.2023).
15. Слесарский Константин Иоаннович Ограничение конституционных прав и свобод личности при исполнении воинской обязанности в Российской Федерации // Журнал российского права. 2018. №6 (258). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ogranichenie-konstitutsionnyh-prav-i-svobod-lichnosti-pri-ispolnenii-voinskoj-obyazannosti-v-rossiyskoj-federatsii> (дата обращения: 14.03.2023).
16. Шарипова Э.А. Конституционно-правовой статус личности в контексте проблемы ограничения прав // Правовое государство: теория и практика. 2013. №3 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovoy-status-lichnosti-v-kontekste-problemy-ogranicheniya-prav> (дата обращения: 14.03.2023).
17. Юрковский Алексей Владимирович Сравнительная характеристика конституционно-правового статуса личности в государствах современного мира // Сибирский юридический вестник. 2015. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitel'naya-harakteristika-konstitutsionno-pravovogo-statusa-lichnosti-v-gosudarstvah-sovremennogo-mira>
18. Тхабисимова, Л. А. К вопросу о проблемах осуществления непосредственного участия населения в решении вопросов местного значения / Л. А. Тхабисимова, С. М. Арзуманова // Право и информация: вопросы теории и практики : Материалы IV Международной научно-практической конференции, посвященной 300-летию Российской империи и 30-летию образования Российской Федерации, Пятигорск, 21–23 января 2022 года. – Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2022. – С. 64-69. – EDN PWOCWL.

А.В. Скрипник
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного и
муниципального права Юридического института
ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»

Л.А. Скрипник
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Московский гуманитарно-экономический университет,
Северо-Кавказский Филиал

К ВОПРОСУ О ПОНИМАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА В ПЕРИОД ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье проанализирован процесс формирования и развития понятия «суверенитет», показано влияние процессов глобализации на трансформацию понятия «государственный суверенитет», сформулированы личные представления о понимании государственного суверенитета в различные исторические периоды, в том числе в период глобализационных процессов.

Ключевые слова: глобализация, суверенитет, государственный суверенитет, национальный суверенитет, народный суверенитет, формальный суверенитет, ограниченный суверенитет,

Для правильного понимания, что такое суверенитет необходимо дать краткую историческую справку. Слово суверенитет родилось не сегодня. Этимологически оно уходит корнями к латинскому языку «suprematis» и означает «высшая власть». Как понятие «суверенитет» начало формироваться в позднее Средневековье в процессе становления светской государственной власти в период ее отделения от Церкви. Для стран Западной Европы XIV-XVI вв. было нормой утверждение верховной власти короля и превращение его в полновластного суверена. Однако в научный оборот понятие «суверенитет» было введено лишь в XVI в. французским юристом Жаном Боденом и характеризовалось как «власть верховного сюзерена».

В своем трактате «Шесть книг о государстве» (1576 г). Ж.Боден сформулировал следующее определение суверенитета – абсолютная и незыблемая власть монарха в государстве. То есть король стал персонифицированным государством. Ж.Боден также утверждал, что власть не суверенна, если не постоянна. Изучая понятие суверенитета, мы видим, что Ж.Боден в своем понимании постепенно расширяет осознание суверена от идентификации с королем к увеличению его полномочий и привязкой «суверенитета» к территории. Первое документальное подтверждение связи понятия суверенитет с территорией мы находим в Вестфальских договорах 1648 года. Можно сказать, что здесь находится начало формирования современного понимания принципа равенства суверенных государств на международной арене.

Томас Гоббс в своей теории абсолютного «народного представительства» пошел дальше развивать понятие суверенитета. Во-первых, он утверждал, что власть суверена не абсолютна, во-вторых она распространяется только на территорию, где правит суверен, в-третьих суверен не свободен в выборе целей и методов своего правления, потому что его основная задача – сохранение мира и благополучия в своей стране, а его действия ограничены конституцией и законами. Кроме того, суверен должен защищать частную собственность, поощрять торговлю, ремесла и развитие искусств. На международной арене суверены находятся между собой в естественном состоянии «войны всех против

всех» [1, с.9]. События сегодняшнего дня на международной арене, доказывают последний тезис, несмотря на его историчность.

Т.Гоббс признает факт отчуждения государства-суверена от общества и утверждает что «народное представительство» возможно только в зрелых демократиях.

Идея «народного представительства» развилась Жан-Жаком Руссо в учении «О народном суверенитете», раскрытом в трактате «Об общественном договоре». Руссо считал, что суверен един и не может быть ни кем представлен. Истинным-сувереном может быть только народ. По его мнению, суверен это «коллективное существо». Руссо сравнивает государство с организмом и говорит, что как природа наделяет организм властью над своими членами, так общественное соглашение дает коллективному существу неограниченную власть. Таким образом, правитель уже выступает не как суверен, а как слуга народа. Это дает возможность легко сменять правителя при необходимости. В тоже время Руссо говорит о безграничности власти суверена как политического организма. И если отдельный индивид не понимает своего счастья в свободе, задача суверена «силой принудить его быть свободным» [2, с.211].

Для Ж-Ж.Руссо концепция «народного суверенитета» была ничем иным как обоснованием тезиса о нелегитимности господствовавшего тогда во Франции абсолютизма, присвоившего себе суверенные права народа. Из-за своего радикализма, концепция Руссо была подвергнута острой критике со стороны разных политических лагерей, но, несмотря на это прочно закрепилась в политико-правовой доктрине радикализма и некоторых направлениях либерализма.

В 20-е годы XX века рождается доктрина суверенитета Карла Шмитта, где он утверждает, что суверен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении. Государство, будучи источником права, не может от него зависеть. Без легитимного права нарушения собственных законов в особых случаях по мнению К. Шмитта не может быть подлинного верховенства, независимости, самостоятельности, то есть суверенитета [1, с.9]. С подобным утверждением трудно согласиться история показывает, что там, где власть взяла на себя право легитимного насилия, она теряет в глазах общества вообще свою легитимность, и как следствие такая власть постепенно разрушается.

Надо сказать, что мысли об узаконенном аппарате насилия развивали в своих трудах и Ф.Энгельс, и В.И. Ленин, но они государство сразу ставили в позицию над обществом и трактовали государство как «машину угнетения», но, несмотря на это функции суверенитета марксисты-ленинисты трактовали более широко, чем М.Вебер и К.Шмитт. Марксизм-ленинизм стал прародителем нового понятия – национальный суверенитет. Отметим, что во внутривнутриполитической жизни СССР очень быстро отказался от этой идеи. Появление множества национальных сепаратистских движений характеризовалось неизменным обращением именно к праву на самоопределение, к праву на сохранение своего национального суверенитета. Идеи национального суверенитета сыграли не последнюю роль в распаде Союза, и в 90-е годы Россия с трудом смогла сохранить свое государственное единство.

Неолиберальная классификация видов суверенитета современного подхода выделяет: государственный суверенитет, национальный суверенитет и народный суверенитет. Неолибералы подчеркивают, что доктрина народного суверенитета в современно мире является практически общепринятой, и является принципом конституционного строя, причем не только в демократических государствах, но и в государствах с тоталитарной формой правления.

Противником неолиберализма является неореализм. Их взгляды не сильно отличаются от либеральных позиций. По их мнению, суверенитет остается основой международной системы и международного права, несмотря на изменяющуюся роль государства в условиях глобализации.

Неореалисты говорят о том, что в современных условиях государство стало менее самостоятельно, когда речь идет о глобальных процессах и проблемах государственный

суверенитет ограничен. Характеризуя понятие «глобализация» можно сказать, что это исторический, естественный процесс сотрудничества государств. Процессы глобализации побуждают к движению в сторону повышения эффективности государственного управленческого аппарата и к росту влияния международных стандартов и институтов. Глобализация хотя и имеет некоторые положительные черты, по мнению ряда исследователей, на наш взгляд, является отрицательным явлением, ведущим к усилению неравенства стран в экономическом и политическом развитии. В процессы глобализации включены основные сферы деятельности государства, а именно политическая, экономическая, социальная и информационная. В процессах глобализации, прежде всего, заинтересованы более развитые государства. Глобализация дает возможность «сильным» государствам вмешиваться в экономическое, внутреннее и внешнее политическое развитие «слабых» государств. Транснациональные корпорации начинают конкурировать с государствами.

Глобализация подталкивает суверенные государства с одной стороны к объединению в еще более крупные союзы для достижения больших результатов, поддержки союзных интересов, противостоянию внешним угрозам и так далее, с другой стороны это ведет к все большей потере той самой суверенности государства, к его зависимости от глобальных процессов и постепенном нивелировании всех различий между государствами и обществами.

В эпоху глобализации альтернативу неолиберальной трактовке суверенитета представляет постпозитивизм, который настаивает на том, что понятие суверенитета теряет всякий смысл, поскольку исчезает сам его носитель – государство [3,4]. По их мнению, государство постепенно передает свои полномочия транснациональным институтам и частным акторам, которые неподконтрольны государству. «Глобальные потоки финансов, медийных образов, рисков, образцов потребления, народонаселения и власти лишают устойчивости традиционное понятие национальных пространственных границ», - отмечают постпозитивисты (5, p.123). Однако позиция постпозитивизма является еще неустойчивой, и слово остается за неолиберализмом. А значит, концепт суверенитета имеет в настоящее время основополагающее значение.

В последнее время в связи с быстро меняющимися событиями на международной арене, в российском и международном научном мире ведутся споры насчет ограничения суверенитета и введения нового понятия «Ограниченный суверенитет» или «формальный».

Формальным суверенитет считается тогда, когда он юридически закрепляется в правовых актах, однако фактически, в виду влияния других государств, вмешивающихся в дела государства, не осуществляется.

Частичное ограничение суверенитета бывает принудительным и добровольным. Принудительное ограничение суверенитета имеет место в отношении побежденного в войне государства со стороны государства-победителя. Говоря о современном ограничении суверенитета, он может иметь место при принудительных мерах к государству-нарушителю, а именно: в части применения экономических санкций [7, с. 83].

Добровольное ограничение суверенитета возможно только самим государством, для достижения определенных для нескольких государств общих целей, также тогда, когда государства вступают в федерацию и передают часть своих суверенных прав федерации. С другой стороны, по мнению ряда ученых, именно такое «ограничение суверенитета «сверху» приводит к тому, что через участие в транснациональной кооперации и передачу части своих полномочий экстерриториальным органам управления государство «увеличивает свои шансы влияния и организационного формотворчества».

Таким образом, роль международных структур среди прочего заключается в трансформации института государства и переориентации его политики с сугубо национальных интересов на более широкий круг вопросов, стоящих перед мировым сообществом [8, с. 96].

Но возможно ли это вообще? По нашему мнению, если суверенитет преобразуется в ограниченный, то не имеет вообще смысла использовать суверенитет, так как разрушается суть данного понятия [6].

В настоящее время мир переживает финансово-экономические кризисы, человеческий кризис, проявляющийся в государственных переворотах, митингах, человеческих потерях. Все перечисленные события стали проявлением кризиса института государства и государственного суверенитета. Массовые митинги и протесты стали своего рода испытанием на жизнеспособность и стабильность ряда государств. Глобализация бросает мощный вызов основам государства и государственного суверенитета. Все это заставляет переосмыслить роль государства в современном мире. По мере усиления глобализации государства все чаще сталкиваются с внешним вмешательством и давлением, как во внутренней, так и во внешней политике. На сегодняшний день большинство государств «формально» являются суверенными, испытывая серьезное давление со стороны других государств, военных блоков, политических и международных организаций. Площадь для действий государств сужается по мере развития процессов глобализации.

В период глобализации основным «врагом» государственного суверенитета является экономический инструмент – появление транснациональных компаний, «финансовые санкции». Малые государства практически не способны отстаивать свой государственный суверенитет или заявлять о нем в силу финансовой зависимости от больших игроков. Государствам приходится мириться с тем, что часть производства осуществляется под контролем компаний, чьи интересы не всегда совпадают с интересами государства, что является ограничением государственного суверенитета.

Россия не исключение, она активно вовлечена в процессы формирования национальной и глобальной экономики. И, несмотря на вводимые против России экономические и другие санкции, продолжает проводить свою исключительную государственную политику, подтверждая свой государственный и национальный суверенитет.

Последние изменения в Российской Конституции отчасти направлены были как раз на защиту нашего государственного и национального суверенитета. Выведения государственных институтов из сферы влияния международных глобальных сообществ через нормы международного права. Внесенные в конституцию РФ поправки подготовили основу для продолжения ведения самостоятельной суверенной политики российского государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Сергунин А.А. Суверенитет: эволюция концепта // ПОЛИТЭКС. 2010. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suverenitet-evolyutsiya-kontsepta> (дата обращения: 01.03.2022).
2. Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. М.: Канон-Пресс-Ц, 1998.
3. Иванов В. Государство и суверенитет. Спор о суверенитете // Русский журнал 2009. 28 сентября. – URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Gosudarstvo-i-suverenitet> (дата обращения: 01.03.2022).
4. Филиппов А. Суверенитет // Апология. 2005. Май. No 3. С. 58–57.
5. Outhwaite W., Ray L. Social Theory and Postcommunism. Oxford: Balckwell, 2005
6. Карпова А. Е. Государственный суверенитет в современных условиях / А. Е. Карпова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2016. – № 23 (127). – С. 334-336. – URL: <https://moluch.ru/archive/127/35065/>

7. Бекирова Ф.С. Проблемы конституционного, административного и предпринимательского права // Северо-Кавказский юридический вестник, 2018, № 4 // DOI: 10.22394/2074-7306-2018-1-4-78-86
8. Федорченко В.С. Международные структуры как инструменты ограничения государственного суверенитета // Власть. 2013. № 7.
9. Скрипник А.В. Суверенитет – реальность и вызовы современного мироустройства // Современное общество и право. 2016. № 4 (25). С.66-73.
10. Скрипник А.В. Об особенностях развития теории суверенитета // Аграрное и земельное право, 2020. – №.8 (188). – С.79-82.
11. Скрипник А.В. Теоретико-правовой анализ трансформации суверенитета // Право и государство: теория и практика, 2021. №.1(193). С. 195-199.
12. Попов, А. П. Исторические источники понимания терроризма / А. П. Попов, М. П. Киреев, А. А. Попов // Пробелы в российском законодательстве. – 2014. – № 1. – С. 89-92. – EDN RYGIGN.

Л.А. Тхабисимова

доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой конституционного и муниципального
права Юридического института ФГБОУ ВО «Пятигорский
государственный университет»
thabisimovala@mail.ru

Т.А. Иваненко

аспирант, преподаватель Краснодарского филиала
ФГБОУ ВО «Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации»
ivanenko82.82@mail.ru

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена проблеме конституционного закрепления такой важнейшей государственно-правовой категории как территориальная целостность, научная и практическая значимость которой для России как федеративного государства всегда была достаточно высока, а в последнее время приобрела еще большую актуальность в связи с изменившейся геополитической обстановкой и нарастанием внешнего давления на нашу страну.

Ключевые слова: территориальная целостность, суверенитет, конституция, государственная территория, федерализм.

L.A. Thabisimova

Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Constitutional and Municipal
Law of the Law Institute of the Pyatigorsk
State University
thabisimovala@mail.ru

T.A. Ivanenko

postgraduate student, teacher of the Krasnodar branch
FGBOU VO "Financial University at
The Government of the Russian Federation"

CONSTITUTIONAL AND LEGAL GUARANTEES OF THE TERRITORIAL INTEGRITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract: this article is devoted to the problem of constitutional consolidation of such an important state-legal category as territorial integrity, the scientific and practical significance of which for Russia as a federal state has always been quite high, and recently has become even more relevant due to the changed geopolitical situation and the increase in external pressure on our country.

Keywords: territorial integrity, sovereignty, constitution, state territory, federalism.

Согласно части 3 статьи 4 Конституции РФ, «Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории». Приведенная общая конституционная норма конкретизируется положениями части 21 статьи 67, которая гласит, что «Российская Федерация обеспечивает защиту своего суверенитета и территориальной целостности. Действия (за исключением делимитации, демаркации, редемаркации государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами), направленные на отчуждение части территории Российской Федерации, а также призывы к таким действиям не допускаются». Таким образом, государственная территория России может быть изменена только и исключительно по ее воле и только на основании предусмотренных международно-правовых процедур. Никакие иные основания изменения государственной территории РФ, как внутреннего, так и внешнего характера, не допускаются. При этом имеется в виду не только неприкосновенность внешних границ государства, но и целостность государства внутри этих границ, недопустимость неконституционного выделения из состава государственной территории каких-либо ее частей. Как справедливо полагает Б.С. Эбзеев, вопреки распространенному мнению, норма об обеспечении Российской Федерацией целостности и неприкосновенности своей территории посвящена не только внешнеполитическому, межгосударственному, но и внутригосударственному аспекту суверенитета Российской Федерации [1, С. 242–243].

Важно отметить, что положения части 21 статьи 67 Конституции РФ полностью соответствуют подходам к вопросам территориальной целостности, закрепленным в «Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами» 1970 года, в которой прямо указывается на то, что каждое государство «должно воздерживаться от любых действий, направленных на нарушение национального единства и территориальной целостности любого другого государства или страны».

Таким образом, системообразующие международно-правовые акты, также, как и Конституция Российской Федерации, исходят из того что изменение государственной территории в современном мире может происходить только на легитимной основе. Данное обстоятельство еще раз подчеркивает приверженность России нормам международного права и принципам Устава ООН, которые находят адекватное выражение в основном законе нашего государства, выступающего в качестве правовой, политической и концептуальной основы как внутренней, так и внешней политики Российской Федерации. Как справедливо отмечает М.А. Пшеничнов, «Конституция - важнейшая, принципиальная составляющая правовой системы России. Она необходима для нормального функционирования состоящего из людей гражданского общества и государства, для организации их внутреннего единства и обеспечения эффективных взаимоотношений с внешним миром» [2, С. 41].

При этом Российская Федерация, несмотря на свою сложносоставную территориальную организацию, не является суммой каких-либо частей, а представляет собой единое правовое, политическое и материальное пространство, объединенное единой

системой государственной власти и единым неделимым суверенитетом, источником которого выступает суверенная учредительная воля многонационального народа России, нашедшая свое юридическое выражение в принятии Конституции Российской Федерации.

По мнению С.Н. Бабурина, к числу важнейших материально-правовых способов обеспечения целостности и неприкосновенности государственной территории России следует отнести:

- 1) Закрепление государственной целостности как принципа федеративного устройства Российской Федерации.
- 2) Единое правовое пространство.
- 3) Единство государственной власти.
- 4) Перечисление в Конституции субъектного состава, образующего государство [3, С. 152].

По мнению Н.А. Устименко, обеспечение неприкосновенности территории Российской Федерации есть прямое воплощение ее суверенитета на международной арене. Это положение обращено вовне государства, оно призвано подчеркнуть неприемлемость чьих бы то ни было притязаний на территорию Российской Федерации и решимость защищать ее от любых возможных посягательств [4, С. 47]. Государственная территория, как уже было отмечено ранее, составляет материальную основу суверенитета. По этой причине принципы государственного суверенитета и территориальной целостности взаимно обусловлены. Любые посягательства на суверенитет государства одновременно являются и посягательствами на его территориальную целостность. Сочетание принципов неприкосновенности и целостности территории, установленное действующей Конституцией, означает, что любые притязания на часть государственной территории России, попытки ее неконституционного отделения, либо призывы к такому отделению, являются нарушением суверенитета Российской Федерации и влекут за собой соответствующие меры с ее стороны. Данное положение органично дополняется и мнением С.Н. Бабурина, который отмечает, что понятие нарушения территориальной целостности весьма широко по своему объему. Под ним следует понимать не только и не столько неприкосновенность границ, отрицание вооруженного вмешательства, сколько какое-либо иное вмешательство во внутренние дела, внешнее препятствие осуществлению государством своих функций [3, С. 76].

Принципиальным, по нашему мнению, является то обстоятельство, что Конституция относит все вопросы, касающиеся обеспечения территориальной целостности государства к предметам исключительного ведения Российской Федерации. Положения Конституции России о целостности и неприкосновенности ее территории являются определяющими для существования России как единого федеративного государства. Органы государственной власти субъектов РФ не вправе использовать свои властные полномочия для каких-либо посягательств на территориальную целостность страны, попыток нарушить единство ее политического, правового и культурно-ценностного пространства. Включение в Конституцию РФ положений о целостности Российской Федерации и неприкосновенности ее территории означает, что не могут быть признаны конституционными действия, направленные на расчленение России или выход из ее состава каких-либо территорий.

Закрепляя принцип целостности территории Российской Федерации, Конституция Российской Федерации дает ясно понять, что отделение каких-либо частей территории от Федерации противоречило бы Конституции Российской Федерации и вызвало бы соответствующие меры по обеспечению территориальной целостности государства. Сепаратизм противоречит ценностям правового государства и интересам самих народов, тормозит экономический и социальный прогресс, который в наше время возможен только в условиях максимальной интеграции народов. Эти положения выражают волю всего многонационального народа России [4, С. 50].

Исходя из всего сказанного можно сделать вывод, что внутригосударственный аспект территориальной целостности проявляется в следующих положениях:

- 1) в юридической невозможности уступки Российской Федерацией, ее органами и должностными лицами части территории России иностранным государствам;
- 2) в запрете на создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на нарушение целостности Российской Федерации;
- 3) в обязанности органов государственной власти по принятию необходимых мер для охраны суверенитета России, ее независимости и государственной целостности, обороны страны, государственной безопасности;
- 4) в невозможности выхода субъекта Российской Федерации из ее состава.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Комментарий к постановлениям Конституционного Суда Российской Федерации / Под. ред. Б.С. Эбзеева. – Т. 1: Государственная власть. Местное самоуправление. – М.: ИНФА-М, 2020. – 528 с.
2. Пшеничнов М.А. Конституция России и международное право: проблемы гармонизации. – Нижний Новгород, 2002. – 226 с.
3. Бабурин С.Н. Территория государства: Правовые и геополитические проблемы. – М.: МГУ, 1997. – 288 с.
4. Устименко Н.А. Конституционно-правовые аспекты территориальной целостности Российской Федерации: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – М.: Российский государственный торгово-экономический университет, 2005. – 195 с.

А.П. Червинская

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного и муниципального права Среднерусского
института управления – филиал
РАНХиГС при Президенте Российской Федерации
г. Орел

ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ ЗАКОННОСТИ КАК ФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПАЛАТ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ПРЕЗИДЕНТОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Автор исследования, на основе обзора практики деятельности Конституционного Суда Российской Федерации изучает генезис конституционных правоотношений палат Парламента и Президента Российской Федерации: от конституционно-формализованных правоотношений, в рамках которых субъекты правоотношений разрешали возникающие противоречия посредством обращения в высший орган конституционного правосудия, до эффективных форм взаимодействия, включая деятельность Государственного Совета Российской Федерации, взаимные консультации, обмен мнениями, реализацию Посланий Президента Российской Федерации в официальных планах деятельности Совета Федерации и Государственной Думы.

Ключевые слова: конституционное правосудие, взаимодействие, правоотношения, Парламент, Президент, Конституционный суд, обращение.

A.P Chervinskaya
candidate of law, associate Professor,
associate Professor of the Department of
constitutional and municipal
law of the Central Russian Institute of
management-branch of Ranepa under the
President of the Russian Federation
Orel

ENSURING CONSTITUTIONAL LEGALITY AS A FORM OF INTERACTION BETWEEN THE CHAMBERS OF THE FEDERAL ASSEMBLY OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract: The author of the article, based on a review of the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation, studies the genesis of constitutional legal relations between the chambers of Parliament and the President of the Russian Federation: from constitutionally formalized legal relations, in which the subjects of legal relations resolved contradictions by contacting the supreme body of constitutional justice, to effective forms of interaction, including the activities of the State Council of the Russian Federation, mutual consultations, exchange of views, implementation of the Messages of the President of the Russian Federation in the official plans of the Federation Council and the State Duma.

Keywords: constitutional justice, interaction, legal relations, Parliament, President, Constitutional Court, appeal.

Взаимодействие палат Федерального Собрания с Президентом Российской Федерации можно рассматривать как форму обеспечения конституционной законности. Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации, которая складывалась в течение первого десятилетия после принятия Конституции Российской Федерации от 1993 г., показывает, что правовые позиции Суда основаны на ключевой идеи гарантирования конституционной законности, вне цели обеспечения которой, участие главы государства в законотворчестве рассматривалось как вмешательство в конституционные полномочия парламента.

Одним из первых дел, которые были рассмотрены конституционным правосудием после того как Конституционный Суд Российской Федерации возобновил свою деятельность после конституционного кризиса 1993 года, был вопрос о 14-дневном сроке рассмотрения Советом Федерации законопроектов, подлежащих обязательному рассмотрению в данной палате Федерального Собрания. С точки зрения взаимодействия Президента Российской Федерации с Советом Федерации, данный вопрос означал наличие институционального спора, должен ли Совет Федерации рассматривать в ускоренной процедуре законопроекты, воздержаться от рассмотрения, которых, он не вправе.

Позиция Конституционного Суда Российской Федерации заключалась в истолковании законодательной процедуры в строгом фарватере обеспечения конституционной законности. Суд распространил действие 14-дневного срока и на эти случаи, обязывая при этом палату лишь к началу рассмотрения законопроекта, но не к завершению данной процедуры. Очевидно, что, если бы Совет Федерации воздержался от запроса в Конституционный Суд РФ и истолковал спорную норму по своему усмотрению, – это могло бы служить основанием для применения Президентом Российской Федерации права вето [37].

Наиболее комплексно проблема взаимодействия Президента Российской

---

³⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 23 марта 1995 г. № 1-П «По делу о толковании части 4 статьи 105 и статьи 106 Конституции Российской Федерации» // СЗ РФ. 1995. № 13. Ст. 1207.

Федерации, Совета Федерации и Государственной Думы в законодательном процессе получила разрешение в 1996 г. при рассмотрении Конституционным Судом Российской Федерации дела о толковании ст. 107 Конституции Российской Федерации. Конституционный Суд Российской Федерации установил, что право вето главы государства ограничено сроком и должно быть мотивированным, однако Президент может вернуть законопроект в парламент на основании нарушения палатами Федерального Собрания законодательной процедуры, что не считается «отклонением закона» [38].

Данные примеры подтверждают наличие общей тенденции конституционно-формализованных отношений Президента Российской Федерации и палат Федерального Собрания в период после конституционной реформы от 1993 г.

В целях совершенствования механизма взаимодействия с палатами Парламента Конституционный Суд Российской Федерации в анализируемый историко-правовой период неоднократно обращался с запросами и Президент Российской Федерации. Так, в 1996 г. Суд рассматривал дело о допустимости установления в законодательстве более широкого перечня оснований для применения парламентского иммунитета, чем это установлено непосредственно ст. 98 Конституции Российской Федерации. Очевидно, что Президент Российской Федерации, будучи несогласным с таким нормативно-правовым решением палат Парламента, был вправе применить право вето, но это вето – отлагательное. Позиция Конституционного Суда Российской Федерации была занята в пользу Парламента, который вправе расширить в законодательстве гарантии неприкосновенности депутатской деятельности по сравнению с гарантиями, прямо перечисленными в Основном законе [39].

О потенциальной склонности Президента Российской Федерации к возможности роспуска Государственной Думы в исследуемый историко-правовой период свидетельствует дело о полномочиях данной палаты Федерального Собрания в условиях, когда соответствующий указ главы государства принят и вступил в силу. Конституционный Суд Российской Федерации установил, что, если роспуск Государственной Думы состоялся, до завершения процедуры новых выборов Государственная Дума не вправе осуществлять принадлежащие ей конституционные полномочия, равно как таким правом не обладают и все другие конституционные органы. Остальное находится в области дискреционного усмотрения законодателя [40].

Данные примеры объединяет наличие устойчивой тенденции в разрешении споров между Президентом Российской Федерации, Советом Федерации и Государственной Думой посредством их обращения с запросами в Конституционный Суд Российской Федерации. Каждая из запрашивающих мнение конституционного правосудия сторон опиралась на конституционные полномочия, осуществляемые ими самостоятельно. Понятие «взаимодействие» интерпретировалось, главным образом, как соблюдение конституционных полномочий и юридически значимых процедур, нарушение которых должно подлежать оценке высшего органа конституционного правосудия.

С течением времени субъекты запроса в Конституционный суд Российской Федерации, указанные выше, стали воздерживаться от такой формы разрешения конституционно-правовых споров, как обращение в высший орган конституционного правосудия. Их потенциал переместился в досудебные стадии и формы эффективного взаимодействия, поиска компромисса на более ранних этапах законодательного процесса и

³⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 22 апреля 1996 г. № 10-П «По делу о толковании отдельных положений статьи 107 Конституции Российской Федерации» // СЗ РФ. 1996. № 18. Ст. 2253.

³⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 20 февраля 1996 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений частей первой и второй статьи 18, статьи 19 и части второй статьи 20 Федерального закона от 8 мая 1994 года «О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 1996. № 9. Ст. 828.

⁴⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 11 ноября 1999 г. № 15-П «По делу о толковании статей 84 (пункт «б»), 99 (части 1, 2 и 4) и 109 (часть 1) Конституции Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 47. Ст. 5787.

других объектов взаимодействия. Полагаем, что в целом отмеченную тенденцию нужно приветствовать. Однако не следует исключать и важность конституционно-правового механизма разграничения предметов ведения и полномочий, благодаря которому в обществе гарантируются свобода и верховенство прав человека и гражданина.

После 2000 г. наблюдалась тенденция обращения за помощью к ресурсам конституционного правосудия не столько официальных органов государства, сколько миноритарных парламентариев, которые остались в меньшинстве при вотировании соответствующих законопроектов или выражали несогласие с указным нормотворчеством главы государства.

Кроме того, наблюдалась смена приоритетов и в пользу активизации федерального вмешательства и федерального контроля над деятельностью государственной власти субъектов Российской Федерации. Федеральные органы стали более активно пользоваться правом запроса в Конституционный Суд Российской Федерации не столько для того, чтобы разрешить споры о взаимодействии федеральных органов, сколько в целях установления единого федерального контроля над региональной публичной властью либо, напротив, для отрицания конституционной допустимости тех или иных форм данного контроля.

Выявленная тенденция, в том или ином виде, сохраняется по настоящее время. Подавляющее большинство инициатив, направленных в целях возбуждения производства в Конституционном Суде Российской Федерации, осуществляют физические лица. Менее часто, но сравнительно активно, пользуются правом приостановления производства по делу и направления запроса в Конституционный Суд Российской Федерации другие суды судебной системы страны. В свою очередь, иные участники потенциальных конституционных споров (Президент Российской Федерации, Совет Федерации, Государственная Дума) предпочитают воздерживаться от обращения в Конституционный Суд Российской Федерации.

В связи с этим можно констатировать, что механизм взаимодействия Президента Российской Федерации, Совета Федерации и Государственной Думы трансформировался из судебно-конституционной формы в иные конституционные формы, включая деятельность Государственного Совета Российской Федерации, взаимные консультации, обмен мнениями, реализацию Посланий Президента Российской Федерации в официальных планах деятельности Совета Федерации и Государственной Думы и т.д. При этом цель обеспечения конституционной законности утратила роль приоритетной в данном механизме взаимодействия, уступив место другим целям и задачам: обеспечения «согласованного функционирования» конституционно «разделенных», но институционально «единых» ветвей публичной власти.

Полагаем, что в данной тенденции целесообразно усматривать как достоинства, так и недостатки. С одной стороны, возбуждение судебно-конституционных споров между Президентом Российской Федерации, Советом Федерации и Государственной Думой – не самоцель конституционно-правового регулирования общественных отношений. С другой стороны, – конституционные принципы и нормы диктуют преимущественно юридическую форму взаимодействия главы государства и палат парламента. В условиях идеологического многообразия, многопартийности и свободных выборов данные субъекты конституционных правоотношений не должны пребывать в состоянии полного согласия и исключительной гармонии [41. С.13]. Конституционализм требует разумной политической активности, мирного соперничества и эффективного противостояния противоборствующих политических сил [42. С.15], что не должно перерасти, однако, в противоправный экстремизм и нарушать, таким образом, национальные интересы единой

---

⁴¹ Астафичев П.А. Конституционный запрет на государственную или обязательную идеологию: к вопросу о доктринальном осмыслении и обосновании // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 8. С. 12-18.

⁴² Джавакян Г.З. Принцип разумной сдержанности как механизм ограничения власти в Российской Федерации. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2022.- С. 8.

России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Астафичев П.А. Конституционный запрет на государственную или обязательную идеологию: к вопросу о доктринальном осмыслении и обосновании // Конституционное и муниципальное право. 2022. №8. С. 12-18.
2. Джавакян Г.З. Принцип разумной сдержанности как механизм ограничения власти в Российской Федерации. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2022.- С. 24.
3. Тхабисимова, Л. А. К вопросу о проблемах осуществления непосредственного участия населения в решении вопросов местного значения / Л. А. Тхабисимова, С. М. Арзуманова // Право и информация: вопросы теории и практики : Материалы IV Международной научно-практической конференции, посвященной 300-летию Российской империи и 30-летию образования Российской Федерации, Пятигорск, 21–23 января 2022 года. – Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2022. – С. 64-69. – EDN PWOCWL.

Е.В. Пахомова

кандидат юридических наук
старший преподаватель
кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета
МВД России (г. Краснодар)
ele-pakhomo@yandex.ru

ПРИЗНАНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЕМ ЛИЦА ПОТЕРПЕВШИМ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ ПРИ ОТСУТСТВИИ СВЕДЕНИЙ О НЕМ

Аннотация: В работе исследуются вопросы правового статуса потерпевшего в уголовном судопроизводстве при отсутствии сведений о нем. Проводится классификация по критериям физических и юридических лиц. Выявляется проблематика связанная с наделением процессуальным статусом потерпевших юридических лиц, действия которых по преступлениям экономической направленности подлежат оцениванию в гражданском и уголовном-процессуальном аспекте. Акцентируется внимание на проблеме наделения процессуальным статусом потерпевшего в случаях гибели лица при совершении преступления при отсутствии установления родственников.

По результатам исследования вносится предложение о дополнении ч.1 ст. 208 УПК РФ условием приостановления производства по уголовному делу в виду отсутствия возможности участия в уголовном процессе потерпевшего. Предлагается новая законодательная норма регламентирующая признание лица потерпевшим в случае отсутствия сведений о нем.

Ключевые слова: потерпевший, лицо, вред, уголовное дело, преступление, постановление, экспертиза, защитник.

E.V. Pakhomova

Candidate of Legal Sciences
Senior Lecturer departments
of criminal procedure Krasnodar University
Ministry of Internal Affairs of Russia
(Krasnodar)
ele-pakhomo@yandex.ru

RECOGNITION BY THE INVESTIGATOR OF A PERSON AS A VICTIME IN A CRIMINAL CASE IN THE ABSENCE OF INFORMATION ABOUT HIM

Annotation: The paper examines the issues of the legal status of the victim in criminal proceedings in the absence of information about him. A classification is carried out according to the criteria of individuals and legal entities. The problematics associated with the granting of a procedural status to injured legal entities, whose actions in economic crimes are subject to evaluation in the civil and criminal procedural aspect, are revealed. Attention is focused on the problem of granting a procedural status to the victim in cases of death of a person in the commission of a crime in the absence of identification of relatives. Based on the results of the study, a proposal is made to supplement Part 1 of Art. 208 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation as a condition for the suspension of proceedings in a criminal case due to the lack of the possibility of participation in the criminal process of the victim. A new legislative

norm is proposed that regulates the recognition of a person as a victim in the absence of information about him.

Key words: victim, person, harm, criminal case, crime, decision, examination, defender.

Согласно ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) потерпевшим признается физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации) [1]. Здесь же регламентировано: если на момент возбуждения дела отсутствуют сведения о лице, которому преступлением причинен вред, решение о признании его потерпевшим принимается незамедлительно после получения данных об этом лице.

Следует учитывать, что фактическую основу признания гражданина потерпевшим составляют сведения, свидетельствующие о причинении ему вреда преступным деянием, а юридическую – процессуальный документ, который выносится следователем (дознавателем), судом о признании лица потерпевшим.

Относительно приобретения лицом процессуального статуса потерпевшего целесообразно привести позиции высших судебных инстанций.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 разъясняется: «правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения и лишь процессуально оформляется постановлением, но не формируется им» (п. 3).

Ранее эта позиция была высказана Конституционным Судом РФ [2]. Следовательно, фактически правовой статус потерпевшего возникает при наличии вреда, причиненного преступлением, а формально-юридическим основанием признания лица потерпевшим служит постановление следователя, дознавателя, суда.

Механизм применения статуса потерпевшего позволяет отстаивать свои нарушенные права, а также поддерживать обвинение по уголовному делу.

Если рассмотреть ситуации, связанные с признанием лица потерпевшим при отсутствии сведений о нем, то их можно классифицировать по различным критериям. В первую очередь, по субъектам (физические и юридические лица), поскольку существуют некоторые особенности для каждого из них.

Относительно юридических лиц сложности в установлении личности потерпевшего достаточно часто возникают по уголовным делам экономической направленности. Это касается проблем определения потерпевшего, когда таковым является юридическое лицо. Законодатель, в ст. 42 УПК РФ определил два юридически значимых интереса для участия в уголовном процессе юридического лица:

- 1) возмещение в результате преступления вреда;
- 2) восстановление деловой репутации.

В юридической литературе существуют высказывания относительно того, что редакция статьи подразумевает, что оба интереса должны быть в совокупности, учитывая союз «и». Полагаем, что необходимо разграничить эти интересы используя в качестве альтернативы и разделительный союз «или» [3, с. 115-116].

Для решения вопроса о потерпевшем необходимо обратиться к нормам гражданского законодательства. Осуществлять свои права юридическое лицо по гражданскому законодательству может через свои органы (ст. 53 Гражданского кодекса Российской Федерации, далее - ГК РФ) [4]. Эти вопросы определяются на основании закона о соответствующей организационно-правовой форме юридического лица и учредительными документами.

Так, районным судом после ликвидации ООО «...» потерпевшим был неправомерно признан П.Ю.М. – один из соучредителей организации. С апелляционной жалобой обратился защитник обвиняемого, мотивируя это тем, что приговор постановлен в нарушение норм УПК РФ, поскольку неправильно определен потерпевший. В

обвинительном заключении следователя в качестве потерпевшего названо ООО. Как видим, районный суд с этим не согласился. Суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что согласно ч. 8 ст. 63 ГК РФ оставшееся после удовлетворения требований кредиторов имущество юридического лица передается его учредителям (участникам), имеющим вещные права на это имущество или корпоративные права в отношении юридического лица». Именно это обстоятельство может послужить основанием для признания учредителей ликвидированного юридического лица потерпевшими. Постановление районного суда о признании ошибочным привлечения в качестве потерпевшего ООО «...» отменено [5].

Неверное наделение статусом потерпевшего может повлечь за собой существенное нарушение прав и законных интересов других участников процесса. Предположим, это может ухудшить положение подозреваемого (обвиняемого), поскольку потерпевший относится к стороне обвинения и, по сути, появляется новый субъект обвинения, что должна учитывать сторона защиты.

В случаях, когда потерпевшим является физическое лицо, установление личности потерпевшего сводится к нескольким ситуациям. Во-первых, проблема возникает, если невозможно установить личность погибшего. Здесь возникает потребность в криминалистических метода установления личности, например, с помощью дактилоскопии. При опознании неизвестного трупа могут применяться общие методы фиксации (наблюдение, описание) и т.д. В случаях, когда ранее поступало заявление о пропаже лица без вести, проводится опознание. Проблема осложняется, если такого заявления не поступало, предположим, погибший – лицо без определенного места жительства.

Проблемы могут возникать и тогда, когда потерпевший в наличии, но имеет явные признаки психического расстройства, позволяющие сомневаться в его вменяемости и не способен сообщить о себе сведений. Здесь требуется помощь специалиста (психиатра). В этом случае следователь (дознатель) обязан признать такое лицо потерпевшим и предоставить ему адвоката-защитника по назначению.

Очень близко к рассматриваемым примыкают вопросы невозможности установления места жительства потерпевшего, что делает невозможным вынесение следователем постановления о признании гражданина потерпевшим. Как известно, способами индивидуализации гражданина выступают не только имя (фамилия, имя и отчество), но и место жительства гражданина (ст. 19, 20 ГК РФ).

Можно привести по этому поводу пример из судебной практики, когда уголовное дело было прекращено в связи с отсутствием состава преступления, в виду не установления места нахождения потерпевшего. Так, в следственный отдел «...» поступил по почте материал по факту хищения Л. и Б. имущества В., в котором находилось и заявление В. о хищении у него имущества на сумму «...» рублей. После возбуждения уголовного дела установить местонахождение потерпевшего не представилось возможным. Он не был допрошен и не был признан потерпевшим. В связи с этим, уголовное дело в отношении Л. и Б. было прекращено по п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ и в постановлении была сделана оговорка «до установления фактического местонахождения В.» [6]. В вышеуказанном случае необходимо было направить дело в суд, поскольку Л. и Б. вину в совершении преступления не отрицали, их вина подтверждается свидетельскими показаниями, фактом изъятия сумки с вещами, товароведческой экспертизой о стоимости похищенного имущества, а уголовное преследование данному составу преступления осуществляется не в частном, а публичном порядке. Несмотря на то, что в данном примере потерпевший был установлен, он демонстрирует пробел в законодательстве, когда у следователя (дознателя) возникает вопрос: стоит ли направлять дело в суд. Полагаем, что для таких ситуаций (когда личность потерпевшего не установлена, не установлено его место нахождения) можно предусмотреть это обстоятельство в качестве основания для приостановления производства по делу с возможностью его возобновления после

устранения таких препятствий.

Изложенное выше позволяет сформулировать предложения по совершенствованию действующего законодательства, которые возможно, будут способствовать оптимизации уголовного судопроизводства.

Так, на наш взгляд представляется логичным дополнить ч.1 ст. 208 УПК РФ регламентирующую основания, порядок и сроки приостановления предварительного следствия пунктом 5 следующего содержания: «5) место нахождения потерпевшего неизвестно, либо возможность его участия в уголовном деле отсутствует».

Дополнить УПК РФ новой статьей 42.1 в следующей редакции:

«Ст. 42.1 Признание лица потерпевшим в случае отсутствия сведений о нем.

1. Если на момент возбуждения уголовного дела отсутствуют сведения о лице, которому преступлением причинен вред, решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно после получения данных об этом лице.

2. В случаях, когда потерпевший высказывает явные признаки психического расстройства, позволяющие сомневаться в его вменяемости и не способен сообщить о себе сведений, следователь, дознаватель выносит постановление о назначении судебно-психиатрической экспертизы, выносит постановление о признании гражданина потерпевшим и назначает ему защитника по правилам 51 настоящего Кодекса.

3. По уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица, права потерпевшего, предусмотренные настоящей статьей, переходят к одному из его близких родственников и (или) близких лиц, а при их отсутствии или невозможности их участия в уголовном судопроизводстве – к одному из родственников».

Реализация предлагаемых изменений потребует реконструкции ч. 1 ст. 42 УПК РФ, а именно исключение п. 8 и последнего предложения из нее и дополнения п. 3 ч. 1 ст. 51 УПК РФ, регламентирующего обязательное участие защитника для потерпевшего с признаками психического расстройства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 17 февраля 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

2. Поляков, М. П. Результаты оперативно-розыскной деятельности как повод и основание к возбуждению уголовного дела / М. П. Поляков, А. П. Попов // Интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности в эффективном уголовном процессе. – Пятигорск : Пятигорский государственный лингвистический университет, 2001. – С. 91-98. – EDN UNDIUF.

3. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 января 2005 г. № 131-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53933/ (дата обращения: 24.03.2023).

3.Ильин П.В. Процессуальное обеспечение прав потерпевшего в досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 115-116.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 16 апреля 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

5. Апелляционное постановление Ставропольского краевого суда от 02 октября 2013 г. по делу № 22-4901/2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/M8HvnWID8Ro5/> (дата обращения: 23.03.2023).

6. Апелляционное постановление Тверского областного суда от 28 июня 2017 г. по делу № 22 – 1115/2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 25.03.2023).

7. Попов, А. П. Регламентация результатов оперативно-разыскной деятельности в уголовно-процессуальном праве / А. П. Попов, И. А. Попова // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2013. – № 1(31). – С. 7-11. – EDN PXWPLN.

**Р.Ч–М Разаков,
Р.М. Касумов,
З.А.Абдуразаков**
филиал Дагестанского государственного
университета в г. Хасавюрте

ОРГАНЫ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ СЕЛЬСКОЙ ОБЩИНЫ В ДАГЕСТАНЕ

Аннотация. В статье на основе документального, полевого и иных материалов освещаются вопросы связанные с Джамаатом (арабское - общество, коллектив, община – в Дагестане сельский сход граждан мужского пола достигших совершеннолетия).

В сельских общинах Дагестана были созданы органы местной власти и управления, для которых были установлены определенные права и обязанности. Наиболее важные вопросы требующие решения при участии подавляющего большинства общества выносились на сельский сход.

Ключевые слова: Дагестан, союзы, общество, адат, собрание, структура, сход, важные вопросы, старшина, кадий.

**R.H–M.Razakov,
R.M.Kasumov ,
Z.A Abdurazakov**
Branch of Dagestan
State University in Khasavyurt

BODIES OF AUTHORITY AND MANAGEMENT OF A RURAL COMMUNITY IN DAGESTAN

Annotation: In article on the basis of documentary material and scientific literature the questions connected with Jamia are taken up (the Arab - society, collective, a community – in Dagestan a village assembly of the male citizens who have reached majority).

In rural communities of Dagestan municipal authorities and managements for which certain rights and duties have been established have been created. The most important questions requiring the solution with the participation of the vast majority of society were submitted for a village assembly.

Keywords: Dagestan, unions, society, adat, meeting, structure, descent, important questions, foreman, qadi.

Дагестан по праву называют страной гор и горой языков. Сегодня в Дагестане проживает более 100 национальностей и этносов, из которых добрую половину составляют коренные народы. Компактное проживание большого количества народов на сравнительно маленькой территории позволили им не только сформировать общие культурные и исторические ценности, при сохранении индивидуальных особенностей, но и создать устойчивые обычаи и традиции.

Однако в последние годы традиционный образ Дагестана в глазах самих дагестанцев приобретает новое очертание. Причиной тому служит активное восприятие

молодым поколением ценностей чуждых исторически сложившимся традициям народов Дагестана, одновременно с потерей национальных элементов духовной и нравственной культуры.

Негативное влияние на ситуацию в целом, оказывает то обстоятельство, что сегодня преобладающая часть каналов информации (радио, телевидение, печатные СМИ) используется исходя из потребительского принципа ведет пропаганду индивидуализма (т.е. преобладание личных интересов над остальными).

Динамика развития процессов в республике такова, что дагестанцы в недалеком будущем могут потерять свою самобытность и идентичность, в связи, с чем считаем актуальным обратить должное внимание национальным традициям и обычаям. Реанимация и умелое применение которых в жизни, на наш взгляд может способствовать развитию институтов гражданского общества и формированию у населения активной гражданской позиции.

На протяжении столетий одним из важнейших институтов местного самоуправления в Дагестане являлся - Джамаат, который выполнял функции коллективного органа местного самоуправления.

Внутренние административно-управленческие функции сельской общины исходили из того, что она являлась самоуправляющей единицей, сама представляла и сама осуществляла управление, выставляя из своей среды администрацию.

В ведении общины находились выборы как светских административно-должностных лиц (старшины, мангуши, исполнители), так и духовных служителей (кадии, муллы-дибиры и будуны).

Обычное право, возникшие в глубокой древности и служившие горцам основой их жизнедеятельности [9.], принималось общиной, как закон которым она руководствовалась, четко регламентировало права и обязанности административных лиц.

Община через своих выборных (в основном) административно-должностных лиц осуществляла не только административно-управленческие, но и судебно-полицейские функции, которые реализовывались общиной путем принятия различных решений к нарушителям адатно-правовых норм.

Главными административными – должностными лицами в сельской общине были старшины («шила халати», «росдал бетлер», «члухби», «бегаул», «нусил бетлер», «адил заби», «кевха», «аксакалы».

Старшины выбирались на народном сходе в основном ежегодно. Небольшие села управлялись одним старшиной, большие – имели несколько и даже более 10 старшин. Например, кубачинцы имели 12 старшин, в Калакорейше «ежегодно выбирали 8 старшин», в Акуша, Урахи, Муги, Цудахаре – по 4 старшины, Мекеги – 6, в Чохе -6 и т. д.

Во многих обществах старшин выбирали из одних и тех же тухумов. Так, в Акуша их выбирали из «известных только фамилий», в Цудахаре из 6 тухумов старшин (хуллов) имели право выдвигать только 4 тухума, в сел. Муги – из 10 тухумов – только 4; в Кюринских общинах были тухумы, которые имели право выдвигать старшин: Гельхеметухум Кабуляр, в Цнале-Бурган – тухум, в Хутарге – Бейбут- тухум и т. Д [4].

В обязанности старшин входило управление всеми повседневными делами общины: следить и направлять всю хозяйственную и политическую жизнь в общине, вершить суд по всем гражданским делам, при этом руководствуясь адатами. За свою службу старшины пользовались рядом услуг, имели льготы, получали плату от общества и часть штрафов.

Во многих обществах, в особенности даргинских, главными административными лицами были кадии [3. С.41-48], как это наблюдалось в Акуша, Цудахаре, Сюрга, Ицари, Согратле и в ряде других аварских обществ. Кадии вместе со старшинами возглавляли всю общественно-политическую и хозяйственную жизнь в сельских обществах.

Кадия обычно выбирали из наиболее влиятельного рода большинством голосов. В некоторых обществах должность кадия переходила по наследству [4. Д. 368. Л. 4].

В общинах же, где основными должностными лицами являлись старшины, кадии являлись только духовными служителями, которые возглавляли все религиозные мероприятия и вершили суд по шариату.

Помощниками старшин были мангуши (магъуши) или чауши (глашатаи), которые выбирались на народном сходе на определенное время или назначались старшинами и кадиями. Мангуш был как бы посредником между народом и сельской администрацией. Он обязан был объявлять приказы и решения старшин и кадия, приводить в исполнение их распоряжения: созывать народ на сельский сход (джамаат) [7. С. 160], оглашать решения, принятые на нем, объявлять очередность исполнителей и т. д.

Для исполнения решений сельской администрации и народного схода в общинах существовал институт исполнителей, которых обычно называли чельми, тургаки, а также у разных народов имели свои названия: хьуалти (Урахи), баруманы (Акуша), хьубесла (Муги), ибахур (Мекеги), урчлеми (Цудахар), гьели (у аварцев) и т. д.

Количество исполнителей зависело от величины общества и колебалось от одного до нескольких десятков. Так, в Уркарахе их было 60, Кубачах – 24, в Н. Мулебки, Мургуке, Канасираги, Мекеги, Муги- по 12, в Усиша, Цудахаре, Гапшима – по 9; Гочобе и Хоточе – по 7; в Мугурухе, Хуштада, Н. Батлухе, Куруше, Гурике – по 2; в Акушах – 16 и т. д.

Из числа исполнителей назначались так называемые чапары – гонцы, рассыльные, вестовые, которые при необходимости посылались в разные села[6.]. В ряде сел помимо исполнителей были и специальные охранщики полей: кьурухчи (Ахты), шугьен (Табасаран), гизир (Агул), магьил (Гумбет) и т. д.

Помощниками кадиев в сельских общинах были будуны (мудуны, эфендии) и муллы. Первые находились при главных мечетях, а муллы – в квартальных мечетях и мечетях небольших сел.

Все указанные должностные лица получали от общества определенное вознаграждение и даже во многих из них земельные участки, что способствовало обогащению в особенности старшин и кадиев и выделению их из общей массы членов общины [8. С. 75].

В частности в каждом из шести аулов, входивших в Гидатлинское общество, кроме старейшин были сельские исполнители, судьи, глашатаи и общинные охранники. Содержание общинной администрации обеспечивалось взысканием штрафов за нарушение установленных порядков.

Жители аула несли различные обязанности, возложенные решением джамаата. Эти обязанности касались охраны лугов, сенокосов, пастбищ, общественных построек, сооружений и т.д. За уклонение от выполнения обязанностей виновный подвергался штрафу[10. С.48.].

Тем самым можно сказать, что решения, принятые администрацией сельской общины, подлежали безусловному исполнению. Непослушного подвергали наказанию.

Высшим или верховным управленческим и законодательным органом сельской общины был народный (сельский) сход[2.] или собрание – руккел (авар.), бадильяр (анд.), шила цахӀна бихь (дарг.) и т. д.

Как правило, сельское общество состояло из всех жителей одного селения, имеющих в нем постоянную оседлость[12. Оп.2. Д. 15. Л. 1].

Созывалось оно старшинами и кадиями, а решения претворялись мангушем и исполнителями.

Местом сбора джамаата служила обычно центральная площадь, именуемая, как и у всех аварцев, «годекан». «Места народных собраний наперед раз навсегда были установлены, писал М.М. Ковалевский. Вече собиралось обыкновенно в окрестностях главного поселения или же вблизи мечети, особенно прославленной своей давностью или богатством» [7. С. 160].

Малолюдные селения, входившие в состав сельского общества, независимо от

общего схода сельского общества, собирали свой частный сход для обсуждения вопросов, касающихся исключительно их селения. В тех случаях, когда обсуждаемый на джамаате сельского общества вопрос касался причисленных к нему малолюдных селений, последние приглашались на этот сход [1].

Сельские сходы созывались по мере необходимости. В них участвовали мужчины с 15-18 лет, участие в которых было обязательно, так как неявившегося наказывали – брали штраф (в Андалале, у келебцев-сах зерна, в Куруше – как и с неявившегося на общественные работы и т. д.).

На сходе обсуждались самые важные вопросы, касающиеся общины в целом: взаимоотношения с другими общинами, проведение различных сельхоз работ, распределение общинных земель, начало и перегон скота на летние и зимние пастбища, условия найма пастухов и чабанов, выборы общинной администрации и т. д.

Решения, принятые на сходе, были обязательны для всех и приобретали «силу закона и обычая».

Но народное собрание не было оперативным коллективным органом управления. Таким постоянным органом управления общиной был совет, который сначала состоял из старейшин, а затем – из высших должностных лиц и верхушки богатых и влиятельных тухумов.

Совет старейшин оперативно решал вопросы общины. Он был практически малым сходом (джамаатом) и высшим органом управления общины, имевшим практически все верховные полномочия и заменявшим собой народное собрание. Это высший после народного собрания орган, который можно сопоставить (с учетом ряда особенностей и в упрощенном варианте) с органами правления в древних гражданских общинах.

Во главе совета, как и общины в целом и схода, стояли старшины и кадии. Решение джамаата записывал кадий, и все участники прикладывали к бумаге палец [11. С.126].

Выполнение решений Совета, как и народного собрания, было обязательным.

Особенностью сельского управления являлось то, что переселенцы не имели права занимать административные должности; административные лица пользовались рядом льгот, они были освобождены от всяких сборов, общественных работ и караульной службы.

Административные лица защищались общиной. Принимая адаты по их защите, община принимала на себя и обязательства по их охране, заботиться о своих должностных лицах, защищать от посягательств на их жизнь, побоев, увечий и т. д. Все это очень хорошо отражено в адатах всех народов Дагестана.

Но, община, защищая свою администрацию, в то же время требовала от них и хорошей работы. За плохую работу они несли наказание. По адатам келебцев, если старшины медлили с взысканием штрафа более одной недели, с них взыскивали штраф в размере одной овцы. По адатам цекубцев, если старшины согласились продать сельскую общинную землю, то с каждого, кто согласится, взыскивали по одной овце. В одной из статей цекубцев сказано: «Цекубцы решили взыскивать одну овцу с исполнителей и старейшин за плохую работу» [11. С.127].

Кроме всего сказанного, община регулировала взаимоотношения родителей и детей, контролировала семейно-брачные отношения и регулировала проведение сельхозработ, являлась хранительницей трудовых навыков и традиций, являлась проводником религиозных мероприятий, следила за соблюдением своими членами религиозных обрядов.

Сельские общины и союзы имели строго обозначенные территории, на границах которых устанавливались сторожевые башни с круглосуточным дозором. Во многих союзах набирались дружины, которые несли постоянную службу.

Таким образом, исходя из выше сказанного, можно сделать вывод, что на протяжении столетий на большей части Дагестана, не входившей в зону влияния феодальных владений существовала своеобразная система местного самоуправления,

которая самостоятельно эволюционируя регламентировала внутреннюю жизнь сельской общины.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Азизова П.М. Органы власти и управления сельской общины у каралал. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rusnauka.com>
2. Алиев Б.Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первая половина XIX в. (Экономика, земельные и социальные отношения, структура власти). – Махачкала: Издательство тип. ДНЦ РАН, 1999.
3. Алиев Б.Г. Теократия в Дагестане// Народы Дагестана. 2000. № 4. С. 41–48.
4. Гуруев, Д.К. Право и государственность Акушо-Дарго (XVIII - первая половина XIX века): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук.
5. Дирр А. Об обычном праве Кавказских горцев // Рук. фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 368. Л. 4.
6. Ибрагимов И.Г. Органы власти и управления в союзах сельских общин агулов в XIX веке [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/organy-vlasti-i-upravleniya-v-soyuzah-selskih-obschin-agulov-v-xix-veke>
7. Попов, А. П. Проблемы уголовно-процессуального права в контексте современной уголовной политики / А. П. Попов // Университетские чтения – 2022 : Материалы региональной межвузовской научно-практической конференции, Пятигорск, 13–14 января 2022 года. Том Часть XIV. – Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2022. – С. 55-61. – EDN NAFNKP.
8. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 2.
9. Комаров А. Адаты и судопроизводство по ним // Сб. сведений о кавк. горцах. - Тифлис, 1868. - Вып. 1.
10. Мусаева А.Г. Адатно-шариатское управление в Дагестане. // Современные проблемы науки и образования. – 2014.[Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=15091>
11. Омаров А.С. Обычное право Дагестана. Махачкала, 2008.
12. Разаков Р.Ч-М., Касумов Р.М. История Дагестана. Махачкала, 2012.
13. Центральный государственный архив Республики Дагестан –ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 15. Л. 1
14. Бабошина, Е. В. Правовая политика стран Западной Европы в сфере конфессиональных отношений / Е. В. Бабошина // Философия права. – 2010. – № 1(38). – С. 62-65. – EDN IUPJFZ.

СЕКЦИЯ № 3
«СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА»

М. А. Акименко

кандидат юридических наук, доцент
кафедры международного права,
правосудия и правоохранительной деятельности
ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный
университет», г. Пятигорск
maralkas@ya.ru

Е.Г. Берберова

кандидат исторических наук, научный сотрудник,
доцент кафедры экономических и гуманитарных
дисциплин ФГБОУ ВОРГЭУ (РИНХ) филиал в г. Кисловодске

**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОМУ
РЕКРУТИРОВАНИЮ В ЭКСТРЕМИСТСКИЕ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ
ОРГАНИЗАЦИИ ЧЕРЕЗ СЕТЬ ИНТЕРНЕТ**

Аннотация. В данной статье рассмотрены некоторые аспекты развития российского общества нынешних геополитических условиях, влияющие на рост различного рода деструктивных криминальных проявлений экстремистского характера. При этом акцент сделан на некоторые криминальные особенности рекрутирования новых членов экстремистских организаций через глобальную сеть Интернет. Авторами также предложены некоторые меры по снижению уровня преступлений экстремисткой направленности с учетом развития в РФ институтов гражданского общества. Прежде всего, в молодежной и подростковой среде существует социальная необходимость по воспитанию и постоянной подпитки идей гражданственности и патриотизма.

Ключевые слова: экстремизм, молодежь, закон, меры, комплексный характер.

M. A. Akimenko

Candidate of Law, Associate Professor of
the Department of International Law,
Justice and Law Enforcement
Pyatigorsk State
University, Pyatigorsk
maralkas@ya.ru

E.G. Berberova

K.I.N., Researcher,
Associate Professor of the Department of Economic and Humanitarian
Disciplines of the Russian State Economic University (RINH) branch in Kislovodsk

**ON SOME ASPECTS OF COUNTERING TRANSNATIONAL RECRUITMENT TO
EXTREMIST AND TERRORIST ORGANIZATIONS VIA THE INTERNET**

Abstract: This article examines some aspects of the development of Russian society in the current geopolitical conditions that affect the growth of various kinds of destructive criminal

manifestations of an extremist nature. At the same time, the emphasis is placed on some criminal features of recruiting new members of extremist organizations through the global Internet. The authors also proposed some measures to reduce the level of extremist crimes, taking into account the development of civil society institutions in the Russian Federation. First of all, in the youth and adolescent environment there is a social need to educate and constantly feed the ideas of citizenship and patriotism.

Keywords: extremism, youth, law, measures, complex nature.

Процессы транснационализации охватившие практически все сферы жизнедеятельности общества, по всему миру происходившие последние несколько десятилетий не могли не затронуть и бурно развивающуюся повсеместно информационную сферу. И прежде всего транснациональное киберпространство. Так, с каждым годом в жизни людей возрастает значимость различного рода интернет ресурсов, увеличивается количество посетителей и участников киберпространства. Так по данным креативного агентства We Are Social и сервис численность населения мира превысила 8 миллиардов человек 15 ноября 2022 года и достигла 8,01 миллиарда в начале 2023 года. При этом следует отметить что, на начало 2023 года 5,44 миллиарда человек пользуются мобильными телефонами, что составляет 68% от общей численности населения мира. 64,4% мирового населения имеют доступ в интернет. За год количество пользователей глобальной сети по всему миру выросло на 1,9%.

Хоть и 2022 году впервые был отмечен специалистами некий спад в сегменте потребителей интернета, что зафиксировано впервые с 2010 года, все же тенденция к росту аудитории интернет-потребителей постоянна. Так на начало 2023 года соцсети насчитывают 4,76 миллиарда пользователей, это почти 60% от мирового населения. Кроме того, по прогнозам данных специалистов несмотря на замедление, текущие тенденции свидетельствуют о том, что к концу 2023 года почти 2/3 населения мира будут подключены к интернету. При этом если брать возрастной критерий, то основными потребителями онлайн-контента и услуг являются лица моложе 30 лет. В 8 странах проникновение интернета находится на уровне более 99, а в 55 странах – от 90%. В нашей стране на сегодняшний день этот показатель составляет 88,2% [1].

Указанная выше статистика затрагивает все сферы жизнедеятельности современного общества, как его принято называть в настоящее время информационного общества, при этом криминальная сфера в данном случае не остается в стороне. Киберпреступность также постоянно эволюционирует приобретая новые криминально-кумулятивные свойства и характеристики криминологического свойства.

На фоне происходящих геополитических процессов современного мира последние несколько лет, участником которых стала современная Россия, когда основные институты международного права попираются странами запада в угоду собственных политических интересов в разы актуализируются многие вопросы, которые в определенной мере должны быть урегулированы нормами права, национального характера в условиях не действия основных международных институтов и их повсеместной парализации в угоду политическим интересам одного или нескольких государств.

Для разрешения сложившейся геополитической ситуации, когда привычные институты и правоотношения не работают, или работают не эффективно, не отвечая принципам права и духу закона, выработанного по итогам величайшей трагедии человечества, Второй мировой войны, а для нашего народа Великой Отечественной войны, унесшей миллионы жизней, возникает социальная необходимость в силовом решении вопроса.

В такой ситуации оказалось наше государство, которое посредством специальной операции по денацификации и демилитаризации на Украине вынуждено защищать русский этнос и российскую культуру в ДНР и ЛНР, 40 процентов населения которых в момент ввода российских войск на территорию этих республик были гражданами РФ. В

этой связи возникает максимально возможный всплеск проявляемый, как на Украине, так и в странах запада выражающийся в не просто в человеконенавистничестве, ксенофобии, а прежде всего в русофобии влекущих за собой массовую эскалацию различных экстремистских преступлений против русского мира, т.е. российской самобытности и культуры, так как РФ это многонациональное и поликонфессиональное государство население которого в настоящий момент составляет более 180 этносов [2, с. 4681].

Все эти геополитические процессы в свою очередь не могли затронуть и саму РФ ее граждан и лиц преимущественно в ней проживающих. За последние несколько месяцев возросло количество преступлений экстремисткой направленности в различных формах их проявления в том числе в сложившихся социально-правовых реалиях появления новой разновидности преступлений так называемого речевого экстремизма. Что в свою очередь от государственных органов потребовало введение новых норм в УК РФ и криминализации определенных социальных выпадов.

В сложившихся условиях многократно возрастает роль исследований экспертного характера направленных на признание тех или иных информационных материалов экстремистскими.

При этом Интернет пространство становится достаточно благодатной почвой для распространения и молниеносного тиражирования различного рода материалов экстремистского толка. Но кроме так называемого «пассивного» экстремизма, в виде распространения информации деструктивного экстремистского толка, в последнее время в сети Интернет достаточно активно проявляет себя и так называемый «активный» экстремизм, то есть действия представителей экстремистских группировок направленные на вербовку и вербовку в свои ряды новых членов.

Реалии развития современного общества в свою очередь требуют от правоохранителей и иных государственных органов также постоянно совершенствовать свои механизмы противодействия и профилактики преступности. Особо хотелось бы акцентировать внимание на тех случаях, когда преступники оставляют следы, а именно доказательства своей причастности к деяниям в социальных сетях Интернета. Своевременное выявление и нейтрализация таких лиц является приоритетным направлением как криминологической так и криминалистической профилактики.

Самое активное направление для осуществления пропаганды экстремизма, которая на сегодняшний день является самым распространённым противоправным деянием в области осуществления преступлений экстремистской направленности, является Интернет, и все социальные сети [3].

Использование этих возможностей позволяет создавать группы и сообщества (в том числе и закрытые) под любыми названиями (что соответствует интересам конспирированности) для объединения и координации деятельности людей по любым сферам.

Именно в сложившихся геополитических условиях РФ в лице определенных государственных органов пошло на блокировку на территории РФ таких западных социальных сетей как фейсбук, нистагмам и др. Данная мера на наш взгляд является вполне оправданной и целесообразной, но в сложившихся условиях не достаточной.

Как ранее отмечалось многими специалистами, при исследовании различных аспектов экстремистских проявлений на различных этапах развития нашей страны с данной проблемой необходимо бороться комплексно [4, с. 37].

При этом следует отметить, что приоритетным направлением должно стать комплексное методико-правовое внедрение в различные сферы жизни граждан Российской Федерации различных программ и стратегий, воспитывающих и поддерживающих патриотизм и гражданственность. А одних уроков в школах в виде классных часов «Разговоры о важном» явно не достаточно.

На наш взгляд следует поддержать предложение Президента нашей страны В.В. Путина, который 30 января 2023 года, который поручил разработать стратегию реализации молодежной политики до 2030 года [5].

На наш взгляд данная Стратегия должна реализовываться не только через образовательную среду всех уровней, но и институты гражданского общества. При этом в ее реализацию должны быть включены как управленческие структуры, так и различные движения представителей гражданского общества и прежде всего молодежной среды (волонтерские движения, некоммерческие и религиозные организации) как на региональном, так и местном уровне.

Кроме этого, должны быть разработаны меры экономической поддержки, как дополнительного образования, так и организаций досугового характера, позволяющие подрастающему поколению и молодежи проявлять свою активную гражданскую позицию. Отдельно на наш взгляд следует экономически поддержать организации и объединения, особенно на периферии (в малых городах и других муниципальных образованиях) патриотической направленности. Такая поддержка на наш взгляд должна носить дуалистичный характер.

Прежде всего, так называемый «малый спорт», например, патриотические и военно-патриотические спортивные клубы. Предусмотрев для них возможность льготного налогообложения, в виде, например, оформления руководства таких клубов и ассоциаций, как самозанятых граждан. Ведь зачастую на практике на периферии именно существование таких клубов и организаций по интересам возможно на непосредственной инициативе их руководителей, «голом» их энтузиазме и поддержке родителей. Как свидетельствует практика, зачастую такие организации создаются участниками и ветеранами боевых действий в различное время.

С другой стороны, государство должно предоставить экономические привилегии родителям или лицам их заменяющим ребят занимающихся в данных организациях на постоянной основе, например в виде налоговых вычетов, при этом если они родителям предоставляются в иной форме, сделав данные льготы постоянными, пока ребенок или уже молодой человек(девушка) посещает данную организацию (клуб).

Что касается спортивных и военно-спортивных клубов, здесь по свидетельству боевых офицеров, ветеранов горячих точек, занятие в таких организациях позволяет молодежи не только иметь активную гражданскую позицию, воспитывать патриотизм и гражданственность, но и быть более подготовленными к нынешним реалиям современной жизни, в том числе сохранению жизни при военных действиях исключением не стала и проводимая РФ СВО на Украине.

Исходя из данного обстоятельства, следовало бы в рамках мероприятий, реализуемых молодежной политики популяризировать Армейский рукопашный бой и как его подвид абсолютно реальный бой, особенно среди мальчишек подросткового возраста. Данное обстоятельство также способствовало профилактике различного рода асоциальных проявлений в молодежной и подростковой среде, в том числе и экстремистского характера.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Global Digital 2022: вышел ежегодный отчет об интернете и социальных сетях — главные цифры [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sostav.ru/publication/we-are-social-i-hootsuite-52472.html> (дата обращения 13.03.2023)

2. Бабошина Е.В. Соотношение федерального и регионального уровней государственной политики в сфере конфессиональных отношений // Научно-методический электронный журнал "Концепт". - 2014. - № Т.20. - С. 4681-4685.

3. Исследование и экспертиза экстремистских материалов / Под науч. ред.: Савинов Л.В. - Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2011. - 357 с.

4. Тхабисимова, Л. А. Профилактика экстремизма в молодежной среде // Актуальные проблемы противодействия экстремизму: материалы международной научно-практической конференции, Владикавказ, 20 апреля 2018 года / Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет). – Владикавказ: Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет), 2018. – С. 36-40. – EDN XYVRHF.

5. Путин поручил разработать стратегию реализации молодежной политики до 2030 года // <https://iz.ru/1463042/2023-01-31/putin-poruchil-raz-rabotat-strategiiu-realizacii-molodezhnoi-politiki-do-2030-goda>. (дата обращения 23.03. 2023).

Е.В. Бабошина,
кандидат юридических наук, доцент, заведующая
кафедрой международного права, правосудия и
правоохранительной деятельности
Юридического института
Пятигорского государственного университета
г. Пятигорск

МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В данной статье рассматриваются современные факторы, влияющие на уровень энергетической безопасности России, а также ее роль в обеспечении национальной и международной безопасности. Автор анализирует международные аспекты обеспечения энергетической безопасности и оценивают вклад России в этот процесс. Статья представляет интерес для специалистов в области энергетики, политики и безопасности, а также для всех, кто интересуется проблемами обеспечения безопасности на международном уровне.

Ключевые слова: энергетическая безопасность, международное энергетическое право, энергетическая стратегия, энергетические ресурсы.

E.V. Baboshina,
Candidate of Law, Associate Professor, Head of Department
international law, justice and law enforcement
Law Institute Pyatigorsk State University, Pyatigorsk

INTERNATIONAL ASPECTS OF ENERGY SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Resume: This article discusses modern factors affecting the level of Russia's energy security, as well as its role in ensuring national and international security. The author analyzes the international aspects of ensuring energy security and evaluates Russia's contribution to this process. The article is of interest to specialists in the field of energy, politics and security, as well as to anyone interested in security issues at the international level.

Key words: energy security, international energy law, energy strategy, energy resources.

Энергетическая безопасность является одним из важнейших элементов национальной безопасности Российской Федерации. Она определяется как состояние обеспеченности населения, экономики и государства энергоресурсами, способностью к их эффективному использованию и защите от возможных угроз и рисков.

Энергетический сектор обеспечивает жизнедеятельность всех отраслей национального хозяйства, способствует консолидации субъектов Федерации, во многом определяет формирование основных финансово-экономических показателей страны.

Основополагающие принципы развития энергетики, закреплены в энергетической стратегии России на период до 2030 года (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 ноября 2009 г. № 1715-р) [1]. В числе основных механизмов, способствующих реализации энергетической стратегии - правовое обеспечение отношений в сфере топливно-энергетического комплекса, создание развитого стабильного законодательства, учитывающего специфику функционирования предприятий ТЭК.

В Доктрине Энергетической безопасности Российской Федерации, закреплено, что обеспечение энергетической безопасности России является прерогативой государства и достигается в том числе, системой мер законодательного, нормативного и иного характера, адекватных выявленным угрозам и дестабилизирующим факторам [2, с. 72].

В соответствии с Конституцией, органами законодательной власти, Правительством РФ, был разработан и принят целый пакет законов и подзаконных, регулирующих отношения в данной сфере. В Российской Федерации сегодня действует порядка 100 нормативных правовых актов органов исполнительной власти, регулирующих деятельность топливно-энергетического комплекса. На уровне федерального законодательства регулирование цен и тарифов осуществляется примерно 20 федеральными законами [3, с. 5].

Также стоит подчеркнуть, что разработан и проект «Энергетическая стратегия России на период до 2035 года»[4], где центральной идеей является переход от ресурсно-сырьевого к ресурсно-инновационному развитию ТЭК. В структуре ЭС-2035 имеется ряд новаций:

- в разделе «Перспективы спроса на российские энергоресурсы» добавлен новый подраздел «Вызовы для российской энергетики»;
- выделен новый раздел «Раздел 4. Целевое видение энергетики России до 2035 г.», включающий подразделы: «Цели и задачи ЭС-2035», «Главные стратегические ориентиры», «Принципы, механизмы и этапы реализации Энергостратегии»;
- в разделе «Государственная энергетическая политика» добавлены подразделы: «Налоговая и таможенно-тарифная политика в энергетике», «Государственная политика в области энергосбережения и повышения энергетической эффективности», «Экологическая политика в энергетике» и «Социальная политика и развитие человеческого капитала в энергетике»;
- в разделе «Перспективы развития отраслей топливно-энергетического комплекса» добавлен подраздел «Глубокая переработка углеводородного сырья (нефтегазохимия)»;
- в разделе «Ожидаемые результаты и система реализации настоящей Стратегии» добавлен подраздел «Основные риски реализации Стратегии».

В настоящее время, в условиях глобализации международной экономической деятельности энергетический баланс всё более зависит от конкретных взаимосвязей между государствами, решениями их лидеров и выполнении задач по обеспечению устойчивого глобального развития. Национальная энергетическая безопасность при глобальном устройстве мира должна существовать в рамках международной энергетической безопасности. Примечательно, что ранее речь шла о международной экономической безопасности, частью которой была энергетическая безопасность. Сегодня, международную энергетическую безопасность можно считать самостоятельной отраслью взаимоотношений между странами. Однако нет общепринятого определения международной энергетической безопасности [7, с. 65].

По оценке Статистического Ежегодника мировой энергетики в 2017 г. традиционные энергоресурсы (нефть, газ, уголь) (ТЭР) обеспечивали 81% мирового потребления энергии, увеличение ее мирового производства составило 2,4%, что

превысило историческую тенденцию. Согласно прогнозу до 2035 г. общее мировое потребление энергии может увеличиться более чем на треть.

Особой в этом контексте оценивается роль России, которая располагает как значительными энергетическими ресурсами, так и огромным человеческим потенциалом, обладающим техническими и научными знаниями, развитой технологической базой. Сравнительные преимущества нашего государства по природным ресурсам позволили ей стать в ряд ведущих, ключевых поставщиков энергоносителей с учетом полного удовлетворения своих потребностей[7, с.62].

Международные отношения играют важную роль в обеспечении энергетической безопасности России. Российская Федерация является одним из крупнейших производителей нефти и газа в мире и имеет огромный потенциал в области атомной энергетики[8,с.129]. Поэтому, сохранение стабильных отношений с другими странами в сфере энергетики имеет большое значение для России.

Одним из ключевых инструментов обеспечения энергетической безопасности является участие России в международных энергетических организациях. Россия имеет статус полноправного члена в МАГАТЭ, ЭЭС СНГ, КЭХ, ФСЭГ, ИРЕНА, МИРЭС, МГС, МНС, G20, МЭФ. С Евратомом/ЕСАЭ, ОПЕК, МЭА, ЭС Россия находится в отношениях сотрудничества.

Россия состоит в числе данных организаций, решения которых сказываются не столько на энергетическом климате, но и на политическом и экономическом [9, с. 67]. Россия, являясь крупнейшим добытчиком энергоресурсов, обусловило зависимость экономической безопасности от энергетической. Об этом заявлено и в Энергетической стратегии России до 2030 г.

Кроме участия в международных организациях, Россия также активно развивает двусторонние отношения с другими странами в области энергетики. В частности, Россия имеет стратегическое партнерство с Китаем в области энергетики. Страны сотрудничают в области нефтегазовой промышленности, атомной энергетики и возобновляемых источников энергии.

Россия имеет долгосрочные контракты на поставку нефти и газа со многими странами, включая Германию, Италию, Турцию и другие. Эти контракты обеспечивают стабильность поставок энергоресурсов и способствуют укреплению экономических отношений между странами.

Таким образом, международные отношения играют важную роль в обеспечении энергетической безопасности России. Участие в международных организациях и развитие двусторонних отношений с другими странами в области энергетики являются ключевыми инструментами в этом процессе. Россия продолжает активно работать в этом направлении, чтобы обеспечить стабильность поставок энергоресурсов и защитить свои интересы на мировом рынке энергетики.

Международная энергетическая обстановка остается напряженной, что может повлиять на энергетическую безопасность России. Одной из основных причин является продолжающаяся неопределенность на мировых энергетических рынках, вызванная различными факторами, такими как изменение политических отношений между странами, экономические санкции и изменение климатических условий.

Так с 24 февраля 2022 года после начала спецоперации на Украине, цены на сырую нефть марки Brent взлетели до \$135 за баррель обновив исторические максимумы 2011 года. А дальше все может стать намного хуже. Даже если исключить сегодняшние санкции, наложенные на Россию, которые нацеленные на торговлю энергоносителями напрямую, то санкции в отношении банков и других организаций будут и дальше препятствовать экспорту российской нефти, природного газа и угля, нанося ущерб мировым энергетическим рынкам.

Более того, потенциальные запреты и опасности для танкеров, плавающих по Черному морю, сократит поставки нефти на мировые рынки, включая морские поставки от нероссийских производителей, например, таких как Казахстан.

Сокращение поставок российских энергоресурсов на мировые рынки будет иметь прямые и побочные эффекты и приведет к дальнейшему росту цен на нефть, уголь и сжиженный природный газ (СПГ), что в свою очередь приведет к еще одной волне всплеска инфляции.

Также российский экспорт энергоносителей имеет шанс значительно сократится даже без дополнительных новых санкций. Так трейдеры и различные страны, покупающие энергоносители у РФ, грузоперевозчики, которым необходимо застраховать свои грузы, и другие участники торговли энергоносителями будут проявлять осторожность во всех сделках с участием России, чтобы избежать возмездия со стороны США. Поэтому многие компании будут еще более неохотно торговать или отказываться торговать с Россией, опасаясь ущерба своей репутации и давления со стороны общественности.

К сожалению, пока все признаки указывают на более высокие цены энергоносителей, и возможно, гораздо более высокие цены, которые останутся какое-то время, даже если спецоперация быстро закончится и санкции снимутся. Что касается спроса, мировое потребление нефти вернулось к допандемическим уровням и, вероятно, продолжит расти. Удовлетворение этого нового спроса на нефть без дальнейшего скачка цен требует дополнительной добычи нефти, что открыто признают лишь немногие прозападные правительства. Разрастающийся энергетический кризис может повлечь за собой кризисы и в других областях, таких как продовольственный кризис, логистический кризис включающий в себя разорение иностранных логистических компаний, а также рустующую быстрыми темпами мировую инфляцию.

Всё это должно западным правительствам задуматься над тем, что пора честно посмотреть на факты энергетической безопасности своих экономик, и возможно пересмотреть свои решения по санкциям против РФ, повысив тем самым надежность импорта энергоресурсов» [5].

Согласно точки зрения, заместителя председателя Правительства РФ Александра Новака «экономические санкции в отношении России, которые были объявлены рядом недружественных государств, оказывают беспрецедентное влияние на мировую экономику и ее ключевые отрасли, в том числе на энергетику. Ситуация развивается по принципу бумеранга — негативные последствия во многом затронули именно те страны, которые стали инициаторами санкционных ограничений. По всем ключевым секторам на мировых энергетических рынках с конца февраля усилилась волатильность. Перспективы развития могут оказаться самыми неблагоприятными для западных потребителей. При этом для российского ТЭК текущие вызовы могут стать новыми возможностями в технологическом развитии, инвестиционном и международном партнерстве.

Таким образом, разумная альтернатива источникам энергии из России сегодня едва ли существует. С учетом доли России на рынке становится очевидно, что без российских энергоресурсов говорить о гарантии энергобезопасности Европы» [6, с. 10].

Очевидно, что обеспечение международной энергетической безопасности не представляется возможным без участия России как крупнейшей энергетической державы. Вместе с тем важнейшим условием для участия России в работе международных объединений в сфере энергетики должна быть реализация ее национальных интересов. Для предотвращения угроз энергобезопасности России необходима активизация ее работы в рамках международных энергетических организаций, а также использование потенциала международных объединений с ее участием.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Энергетическая стратегия России на период до 2030 года. // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. - URL: <http://static.government.ru/media/files/w4sigFOiDjGVDYT4IgsApssm6mZRb7wx.pdf> (дата обращения: 01.03.2023).
2. Чеботарев, Н.Ф. Государственная энергетическая политика в сфере ТЭК: монография. - М.: Проспект, 2018. – 160с.
3. Сендеров, С.М. Модельно-индикативный подход к оценке уровня энергетической безопасности страны при различных вариантах развития энергетики // Известия РАН. Энергетика. – 2016. – № 4. – С. 3-9.
4. Касьяненко, М. А. Криминологические особенности преступности по признаку этнической идентичности / М. А. Касьяненко. – Кисловодск : НОО ВПО (НП) "Кисловодский гуманитарно-технический институт", 2008. – 201 с. – EDN RVOOJJ.
5. Энергетическая стратегия России на период до 2035 года // Правительство РФ. - URL: <http://ac.gov.ru/files/content/1578/11-02-14-ener-gostrategy-2035-pdf.pdf> (дата обращения: 01.03.2023).
6. Сагалаев, В. Европе пора честно посмотреть на факты: какой силы будет энергокризис? // Регнум. - URL: <https://regnum-ru.turbopages.org/regnum.ru/s/news/3589872.html> (дата обращения 12.03.2023)
7. Новак А. Российский и мировой ТЭК: вызовы и перспективы // Энергетическая политика. № 4 (170). - 2022. - С. 6-15.
8. Синицын И.М., Джумагулова А.Н. Энергетическая безопасность России: национальный и международный аспект // Архонт. - 2018. - № 4 (7). - С. 61-69.
9. Бабошина Е.В. Особенности международно-правового регулирования сотрудничества государств в сфере ядерной энергетики // Университетские чтения – 2022. Материалы региональной межвузовской научно-практической конференции. - Пятигорск, 2022. - С. 128-132. EDN: BRZQVG
10. Валяровский Ф.И. Актуальные проблемы юридической ответственности в современном международном праве // Университетские чтения – 2017. Материалы научно-методических чтений ПГУ. – Пятигорск, 2017. - С. 66-70. EDN: ZJUFWX

С.А. Бурьянов

кандидат юридических наук, доцент,
доцент департамента права института
экономики, управления и права МГПУ
burianov-msk@yandex.ru

М.С. Бурьянов

юрист, эксперт молодежной группы
стран СНГ МСЭ ООН (ITU UN),
эксперт Молодежного совета при
Уполномоченном по правам человека
в Российской Федерации
maksim.burianov@yandex.ru

О НЕОБХОДИМОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВОВОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ЦИФРОВЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. Статья посвящена обоснованию необходимости международного правового закрепления глобальных цифровых прав человека. Исследованы глобальные

процессы и глобальные вызовы, связанные с внедрением цифровых технологий. Предложена концепция закрепления и реализации доступа каждого к новым технологиям 4.0 через реализацию цифровых прав человека. Сделан вывод о необходимости принятия Декларации, а затем и Конвенции глобальных цифровых прав человека.

Ключевые слова: международное право, глобальные процессы, глобальные вызовы, цифровые технологии 4.0, цифровые права человека.

S.A. Buryanov

PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Law of the Institute of Economics,
Management and Law of the Moscow State Pedagogical University
burianov-msk@yandex.ru

M.S. Buryanov

lawyer,
expert of the youth group of the CIS countries ITU UN (ITU UN),
Expert of the Youth Council under the Commissioner for Human Rights in the Russian
Federation
maksim.burianov@yandex.ru

ON THE NEED FOR INTERNATIONAL LEGAL STRENGTHENING OF GLOBAL DIGITAL HUMAN RIGHTS

Abstract: The article is devoted to the substantiation of the need for international legal consolidation of global digital human rights. The global processes and global challenges associated with the introduction of digital technologies have been studied. The concept of securing and implementing everyone's access to new technologies 4.0 through the implementation of digital human rights is proposed. It is concluded that it is necessary to adopt the Declaration, and then the Convention of Global Digital Human Rights.

Key words: international law, global processes, global challenges, digital technologies 4.0, digital human rights.

Происходящая прямо сейчас беспрецедентная цифровая трансформация глобального общества [1, с. 1-20] и появление новых цивилизационных вызовов, требуют адекватного развития международного права для их урегулирования [2, с. 167]. Международное правовое регулирование цифровой глобализации 4.0 в значительной мере отстает от потребностей общественного развития, предопределяя глобальные вызовы. Оно представлено в основном устаревшими и рекомендательными нормами в области устойчивого развития, информационного права и прав человека, а также этическими нормами.

По мнению современных исследователей и международных организаций перспективы эволюции права неразрывно связаны с правами человека [3, с. 129]. В частности, проблематика прав человека в контексте цифровой трансформации отражена в программном докладе Генерального секретаря Организации Объединенных Наций А. Гуттериша «Наша общая повестка дня» [4] и других материалах ООН. Разрабатываемый в настоящее время при участии всех заинтересованных сторон (от правительств и технологических компаний до научных кругов и частных лиц) Глобальный цифровой договор должен быть принят в сентябре 2024 г. в рамках Саммита будущего высокого уровня ООН на тему «Многосторонние решения для лучшего завтра», инициированного для разработки новой повестки по вопросам мира и глобальной безопасности. Глобальный цифровой договор заявлен как направленный на формирование «открытого, свободного и

безопасного цифрового будущего для всех», включая урегулирование вопросов цифровой связи, прав человека в Интернете, использования данных и повышения безопасности Интернета через противодействие дискриминации и введению в заблуждение [5].

Следует согласиться с исследователями, отмечающими «наступление нового цивилизационного этапа, который требует переосмысления многих правовых вопросов» [6, с. 75-87]. Актуальность данного исследования возрастает в связи с усилением цивилизационного кризиса и появлением новых глобальных вызовов, связанных с внедрением глобальных цифровых технологий 4.0 [7, с. 35]. Это цифровые милитаризация, неравенство, тотальный контроль, различные киберугрозы.

В последние десятилетия общественно-техноприроднокосмические взаимодействия усложняются, глобализируются и цифровизируются, что дает основания говорить о цифровой глобализации 4.0 и соответствующей эволюции международного права. Основные этапы развития прав человека также следует рассматривать в связи развитием информационных технологий [8, с. 38-46] от информационных прав человека до цифровых прав человека 4.0 и 5.0. Права человека как первоосновы его бытия – безусловный приоритет современных правоотношений. Права человека следует разграничивать с субъективными правомочиями физических и юридических лиц. Необходимо минимизировать (а в идеале исключить) правомочия, прежде всего, государства, а также физических и юридических лиц (субъективные права), направленные против упомянутых первооснов бытия человека. Всеобщее признание понимания права в неразрывной связи с правами человека, будет способствовать минимизации упомянутых правомочий и практическому воплощению прав человека. В отличие от субъективных правомочий, права человека: закреплены в формах международного и внутригосударственного права; ориентированы на защиту первооснов жизнедеятельности человека; принадлежат каждому индивиду, а не только физическим и юридическим лицам (правоспособным и дееспособным); не являются симметричными и не зависят от обязанностей, в том числе по отношению к государству; не зависят от каких-либо юридических фактов, кроме рождения человека; связаны с обязанностями государства и широкого круга лиц не совершать действий, направленных на их умаление, устранение, уничтожение; защищают человека от произвола государства и его представителей [9, с. 50].

В целях научной разработки и международно-правового закрепления глобальных цифровых прав человека в рамках проекта Global Digital Human Rights for 4IR, инициированного Global Shapers Community Moscow (WEF) в партнерстве с Global Law Forum было исследовано влияние цифровой фазы глобальных процессов 4.0 на права человека в контексте достижения целей ООН в области устойчивого развития. Также концепция глобальных цифровых прав человека прошла апробацию на многих конференциях и стала победителем международных конкурсов. Летом 2020 г. М.С. Бурьяновым был разработан проект Декларации глобальных цифровых прав человека [10, с. 67]. В 2022 г. вышла монография о цифровых правах человека в контексте глобальных процессов [11].

Таким образом, объективными тенденциями развития современных общественно-техноприроднокосмических взаимодействий являются их усложнение, интеграция, взаимопроникновение, открытость, взаимозависимость, что требует больше свободы, воплощаемой в новом поколении глобальных цифровых прав человека. На универсальном международном уровне в рамках Организации объединенных наций представляется целесообразным принятие Декларации, а затем и Конвенции глобальных цифровых прав человека. Далее имплементация на внутригосударственных уровнях призвана создать условия для осуществления цифровых прав и возможности пользования общественно-техноприроднокосмическими благами в каждой точке планеты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алисиевич Е., Николаев А., Кебурия К. Влияние цифровизации на международные стандарты в области прав человека и обязательства государств по их соблюдению // Международное правосудие. – 2021. – № 4 (40). – С. 1–20.
2. Епифанов А.Е., Абдрашитов В.М. Проблемы обеспечения и защиты прав и свобод человека в глобализирующемся мире // Инновационное развитие российской экономики. Московский государственный университет экономики, статистики и информатики, Институт Права. – Москва, 2012. – С. 157-168.
3. Бурьянов С.А. О необходимости глобального права в контексте проблемы целенаправленного формирования глобальной системы управления в целях устойчивого развития // Век глобализации. – 2019. – № 4. – С. 129-142. DOI: 10.30884/vglob/2019.04.12
4. United Nations Secretary-Generals Report «Our common agenda» // Электронный ресурс. – URL: https://www.un.org/en/content/common-agenda-report/assets/pdf/Common_Agenda_Report_English.pdf
5. Global Digital Compact. Электронный ресурс. – URL: <https://www.un.org/techenvoy/global-digital-compact>
6. Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Новые векторы развития информационного права в условиях цивилизационного кризиса и цифровой трансформации // Государство и право. – 2020. – № 5. – С. 75–87.
7. Бурьянов С.А., Бурьянов М.С. Новые угрозы глобальной безопасности и перспективы развития международного права // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 11 (150). – С. 35-40.
8. Акименко, М. А. О некоторых криминологических свойствах фейковой информации в современных условиях / М. А. Акименко // Актуальные проблемы правосудия и правоохранительной деятельности : Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Пятигорск, 26 апреля 2022 года. – Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2022. – С. 217-221. – EDN CHJRAE.
9. Комарова В.В. Правовой статус человека в цифровой среде: взгляд конституционалиста // Образование и право. – 2022. – № 2. – С. 38-46.
10. Глухарева Л.И. Субъективные права, основные права, права человека: единство и различия // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2009. – № 11. – С. 50-61.
11. Тхабисимова, Л. А. Современное состояние и направления совершенствования институтов взаимодействия власти и населения на муниципальном уровне / Л. А. Тхабисимова, М. И. Цапко // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. – 2022. – № 4. – С. 38-40. – DOI 10.18572/2072-4314-2022-4-38-40. – EDN NCZZLB.
12. Бурьянов М.С. Цифровые права человека как условие эффективного участия России и других государств-участников евразийского экономического союза в цифровизации 4.0 // Техничко-технологические проблемы сервиса. – 2021. – № 1 (55). – С. 61-67.
13. Бурьянов М.С. Цифровые права человека в условиях глобальных процессов: теория и практика реализации: монография / М.С. Бурьянов; под науч. ред. С.А. Бурьянова. – Москва: РУСАЙНС, 2022. – 148 с.

Ф. И. Валяровский
кандидат юридических наук, доцент, профессор
кафедры международного права, правосудия и
правоохранительной деятельности Юридического института
Пятигорского государственного университета
г. Пятигорск
docent125@yandex.ru

ЦИФРОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА В 21 ВЕКЕ

Аннотация. Статья посвящена проблеме обеспечения безопасности государства в условиях беспрецедентной актуализации цифровых угроз, то есть угроз, формирование которых связано с активным внедрением цифровых технологий практически во все сферы общественной жизни. Автор отмечает, что тотальная цифровизация порождает большое количество уязвимостей, представляющих серьезную опасность для управленческих, экономических и военных структур современного государства. В этих условиях возрастает значимость именно политико-правовых средств нивелирования указанных угроз.

Ключевые слова: государство, государственная безопасность, цифровизация, угрозы государственной безопасности.

F. I. Valyarovsky
Candidate of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of International Law,
Justice and Law Enforcement
Law Institute
Pyatigorsk State University (Pyatigorsk)

DIGITAL SECURITY OF THE STATE IN THE 21ST CENTURY

Abstract: the article is devoted to the problem of ensuring the security of the state in conditions of unprecedented actualization of digital threats, that is, threats, the formation of which is associated with the active introduction of digital technologies in almost all spheres of public life. The author notes that total digitalization generates many vulnerabilities that pose a serious danger to the administrative, economic and military structures of the modern state. In these conditions, the importance of political and legal means of leveling these threats increases.

Keywords: state, state security, digitalization, threats to state security.

Государство является основным способом политической организации человеческого общества. Все человеческие общности, доказавшие на протяжении длительных исторических периодов свою стабильность и дееспособность были организованы именно в государства. Как справедливо отметил в своем программном выступлении на Валдайском форуме Президент Российской Федерации Владимир Путин, структурообразующей единицей мирового устройства является только государство [1].

Любое государство, независимо от его формы и иных специфических черт, определяемых географическим положением, национальным составом населения, культурными, цивилизационными и религиозными факторами, определяется через совокупность следующих имманентных признаков:

- территория;
- население;
- наличие централизованной политической власти;
- собственная правовая система, отличная от правовых систем других государств;

- фискальные и финансовые институты;
- армия, полиция, суды и спецслужбы («силовой скелет государства»);
- государственный суверенитет.

Говоря о государственном суверенитете и его непреходящей значимости, уместно привести еще одну цитату из упомянутого выше выступления Президента РФ: «В последние десятилетия многие жонглировали броскими концепциями, согласно которым роль государства провозглашалась устаревшей и уходящей. Якобы в условиях глобализации национальные границы становятся анахронизмом, а суверенитет – препятствием для процветания. И далее: «Только суверенные государства способны эффективно отвечать на вызовы времени и запросы граждан. Соответственно, любой действенный международный порядок должен учитывать интересы и возможности государства, идти от них, а не пытаться доказывать, что их быть не должно» [1].

Сказанное с достаточной степенью убедительности свидетельствует о необходимости взвешенного научного анализа тех вызовов и угроз, с которыми сталкиваются государственно-организованные общества в первой четверти двадцать первого века [2, с. 39].

При этом под безопасностью государства принято понимать такое его состояние, при котором угрозы его политическим, экономическим, социальным и военным структурам либо отсутствуют вовсе (что на практике почти невозможно), либо сведены к приемлемому минимуму.

Под угрозой государственной безопасности предлагается понимать реальную вероятность нанесения государству существенного урона при отсутствии оперативного использования средств государственного противодействия [3, с. 22]. При этом подразумевается, что явления, относящиеся к категории угроз, представляют наибольшую опасность для государственно-организованных обществ, и, соответственно, требуют со стороны государства эффективного и продуманного противодействия. В этих условиях особенно возрастает роль политико-правовых инструментов гарантирования и защиты государственной безопасности.

«Цифровые» угрозы, представляют собой принципиально новый вид угроз, формирование которых происходит в результате стремительного развития цифровых технологий и широкого их применения во всех сферах общественной жизни. По нашему мнению, именно эта группа угроз представляет наибольшую опасность для современных государств. Тотальная и практически неконтролируемая цифровизация, текущие и долгосрочные последствия которой так и не были серьезно проанализированы и оценены, кардинально меняет весь уклад общественной жизни, вызывает формирование новой системы социальных ценностей, которые зачастую носят деструктивный характер.

При этом уже сейчас представляется возможным выделить следующие негативные последствия цифровизации.

1. Масштабные утечки персональных данных пользователей, ставшие питательной средой для небывалого роста различного рода мошенничества.

2. Появление незаконных и неподконтрольных государству секторов глобальной компьютерной сети Интернет, через которые распространяется различная криминальная информация (DARKNET).

3. Международные интернет-гиганты (Google, Facebook, Instagram, Twitter) обретают силу и влияние, сопоставимые с силой и влиянием наиболее развитых государств. В их руках концентрируются колоссальные финансовые средства, трудовые и технологические ресурсы. Используя подконтрольные им электронные каналы распространения информации, они могут активно влиять на сознание граждан практически любой страны и даже делать их врагами своего собственного государства. Многочисленные «цветные революции» последних лет, организованные при целенаправленном использовании социальных сетей и мессенджеров, являются тому

красноречивым свидетельством. Интернет-гиганты могут осуществлять вмешательство в политическую и экономическую жизнь государств и даже влиять на итоги выборов.

При этом необходимо учитывать тот факт, что практически все наиболее могущественные акторы цифрового пространства являются юридическими лицами, официально функционирующими в рамках национального правопорядка одной отдельно взятой страны – Соединенных Штатов Америки – и, соответственно, вынужденные подчиняться этому правопорядку и выступать в качестве проводников национальных интересов США, агентов его внешней политики.

4. Широкое применение информационных технологий в наиболее значимых сферах общественной жизни (управление энергетическими комплексами и транспортом, государственные услуги, государственное и муниципальное управление, оборона и т. д.), создает большое количество уязвимостей, которые могут стать объектом для кибератак как со стороны различных хакерских группировок, так и со стороны специализированных военных или разведывательных структур недружественных государств. В случае успеха указанные кибератаки станут причиной масштабных техногенных катастроф, транспортных происшествий, утечки секретных данных, и, даже, сбоям в системах управления стратегическими видами вооружений.

В этих условиях суверенные государства должны взвешенно ограничить сферу применения цифровых технологий и принять меры для обеспечения их безопасного использования. Необходимо отметить, что в Российской Федерации уже предпринят ряд законодательных шагов, направленных на установление жесткого государственного контроля над цифровой средой. Так, в обновленной редакции пункта «и» статьи 71 Конституции Российской Федерации устанавливается, что информация, информационные технологии и связь находятся в исключительном ведении Российской Федерации [4].

Проводится политика блокировки недружественных интернет-платформ и «приземления» крупнейших ИТ-компаний, посредством открытия официальных филиалов и представительств на территории РФ[5:52]. На эти кампании накладываются значительные по суммам штрафы за несоблюдение требований российского законодательства. Представляется, что указанные меры следует рассматривать в качестве первых шагов Российского государства на пути к построению суверенного цифрового пространства, защищенного от внешнего вмешательства. Также, по нашему мнению, с целью сокращения числа кибер-уязвимостей в системах управления потенциально-опасными областями деятельности, в перспективе следует ограничить применение информационно-коммуникационных технологий преимущественно сферой частных интересов. В таких областях, как государственное управление, правоохранительная деятельность, государственная безопасность, оборона, транспорт, энергетика, применение таких технологий должно быть сведено к необходимому минимуму.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Заседание дискуссионного клуба «Валдай» - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/66975>
2. Бабошина Е.В., Цураев А.Р. Институт суверенитета государства в системе международного права // Право и государство, общество и личность: история, теория, практика. Сборник научных статей участников IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием ГСГУ. Отв. редактор М.В. Головацкая. - Коломна, 2020. - С. 38-43.
3. Акименко, М. А. О некоторых криминологических свойствах фейковой информации в современных условиях / М. А. Акименко // Актуальные проблемы правосудия и правоохранительной деятельности : Материалы III Всероссийской научно-

практической конференции, Пятигорск, 26 апреля 2022 года. – Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2022. – С. 217-221. – EDN CHJRAE.

4. Гадисов Р. С. Государственный суверенитет в условиях глобализации: общетеоретическое измерение. диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Саратов: Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2020. – 203 с.

5. Тхабисимова, Л. А. Особенности осуществления муниципальной демократии в пределах федеральной территории «Сириус» / Л. А. Тхабисимова, М. И. Цапко // Университетские чтения – 2023 : Материалы региональной межвузовской научно-практической конференции, Пятигорск, 12–13 января 2023 года. Том Часть XIII. – Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2023. – С. 42-47. – EDN LTJYRS.

6. Конституция РФ с изменениями 2022 года. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://duma.gov.ru/news/55446/>

7. Бабошина Е.В., Капнина М.А. Кибербезопасность как фактор международной и национальной безопасности XXI века //Актуальные проблемы правосудия и правоохранительной деятельности. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. – Пятигорск, 2022. - С. 51-56. EDN: OFHKDN

И.С. Гусейнова

кандидат исторических наук, доцент
кафедры государственного и муниципального управления
Московского педагогического государственного университета
nazirova.irada@yandex.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИИ И КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация. В статье рассмотрены и проанализированы системы органов государственного управления; исследованы особенности функционирования органов государственного управления Российской Федерации и Кыргызской Республики. На основе взаимодействия различных ветвей власти и разграничения полномочий между центральными и местными органами обеспечивается эффективная система государственного управления. Анализируя такие зарубежные системы управления и сравнивая их с российской системой, мы получаем возможность проанализировать опыт зарубежных государств, выделить общие закономерности и определить возможные направления развития российской системы государственного устройства.

Ключевые слова: органы муниципальной власти местное самоуправление функции муниципальной власти классификация федеральные органы, исполнительная власть, судебная власть

I. S. Guseynova

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of State and Municipal
Administration Moscow Pedagogical State University
nazirova.irada@yandex.ru

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE FORMATION OF THE CENTRAL GOVERNMENT BODIES OF RUSSIA AND THE KYRGYZ REPUBLIC

Abstract: The article considers and analyzes the systems of public administration bodies; examines the features of the functioning of public administration bodies of the Russian Federation and the Kyrgyz Republic. On the basis of the interaction of various branches of government and the separation of powers between central and local authorities, an effective system of public administration is ensured. Analyzing such foreign management systems and comparing them with the Russian system, we get the opportunity to analyze the experience of foreign countries, identify common patterns and identify possible directions for the development of the Russian system of government.

Keywords: municipal authorities, local self-government, functions of municipal power, classification, federal bodies, executive power/judicial power

Проводя сравнительный анализ формирования органов центрального управления в России и Кыргызстане, следует отметить, что в обеих странах большинство государственных органов формируется выборным путем.

Исполнительную власть Российской Федерации по «Конституции Российской Федерации» (принятой всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) осуществляет Правительство Российской Федерации под общим руководством Президента Российской Федерации.

Правительство РФ состоит из Председателя Правительства РФ, заместителей Председателя Правительства РФ и федеральных министров. Правительство РФ руководит деятельностью федеральных органов исполнительной власти, за исключением федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации [4].

В Кыргызской республике в 2021 году была принята новая Конституция. Третий раздел Конституции посвящен органам государственной власти. Согласно ст. 66 Конституции Кыргызской республики исполнительную власть возглавляет Президент [5].

Анализ Конституции Кыргызской республики показывает, что Президент наделен практически неограниченными полномочиями в отношении органа исполнительности власти. Ст. 89 Конституции определяет:

Исполнительную власть в Кыргызской Республике осуществляет Президент. Структура и состав Кабинета Министров определяются Президентом. Председатель Кабинета Министров является руководителем Администрации Президента. Президент на основании конституционного закона руководит деятельностью исполнительной власти, дает поручения Кабинету Министров и его подчиненным органам, контролирует выполнение его поручений, отменяет акты Кабинета Министров и подчиненных ему органов, временно отстраняет членов Кабинета Министров от должности. Президент председательствует на заседаниях Кабинета Министров [1, с. 76]. Жогорку Кенеш – это парламент Кыргызской Республики, является. Жогорку Кенеш состоит из 90 депутатов и избирается сроком на 5 лет.

Система правосудия в Кыргызстане принадлежит судам. Правом осуществления правосудия наделены и граждане. Реализация судебной власти осуществляется на основе гражданского, конституционного, административного, уголовного и иного законодательства.

Также в стране разрешается учреждать специальные суды. Как и в России высшим судебным органом является Верховный суд, в котором создана конституционная палата. Полномочия Верховного суда схожи с полномочиями Верховного суда России. Закрепленное в Конституции РФ право граждан РФ участвовать в отправлении правосудия является одним из важнейших политических прав.

На центральном уровне в республике начата реанимация кыргызской формы демократии – курултаев. Кроме того, в 10 госструктурах были созданы в качестве пилотных общественные советы, где вопросы обеспечения прозрачности и открытости носили чрезвычайно актуальный характер. Особое внимание при этом было уделено таким секторам кыргызской экономики, как горнодобывающая промышленность и энергетический сектор. Позднее общественные советы были созданы при 41 госоргане, на сегодняшний день практически во всех органах государственной власти. По инициативе с мест была развернута работа по созданию общественных советов и при органах местного самоуправления. Кроме этого, такие советы были созданы и успешно работают в правоохранительных органах, в Минобороны республики. Если ранее это были закрытые, недоступные людям учреждения, чья работа вызывала сильную критику общества, то сейчас ситуация изменилась [8, с. 23].

Стало больше прозрачности, открытости, диалог с обществом стал регулярным, высокие чины в этих ведомствах без проволочек откликаются на все звонки и вопросы членов общественных советов. Таким образом, были созданы общественные площадки, используя которые кыргызстанцы с активной гражданской позицией и профессиональным опытом могут внести свой вклад в формирование демократических инструментов сотрудничества общественности и органов власти.

Анализ исследования организации органов местного управления показал, что при различных моделях наблюдаются отличия в системе формирования муниципальных органов. Во многом данные системы основаны на разграничении полномочий и обеспечении взаимодействия между органами различного уровня. Так, согласно ФЗ № 131 определены общие принципы организации местного самоуправления, согласно которому «в структуре органов местного самоуправления обязательно наличие главы муниципального образования (высшего должностного лица муниципального образования), представительного органа муниципального образования, местной администрации (исполнительно-распорядительного органа муниципального образования), за исключением случаев, предусмотренных федеральным законодательством» [7]. (До 01.01.2025 установлен переходный период для приведения статусов и уставов муниципальных образований, а также законодательства в соответствие с изменениями, внесенными Федеральным законом от 01.05.2019 № 87-ФЗ).

Утвержденные на всенародном голосовании в июле 2020 г. изменения в Конституцию РФ, «потребовали по-новому взглянуть на уже сформированную парадигму местного самоуправления. Органы местного самоуправления [2,с.35] наряду с органами государственной власти официально включены в единую систему публичной власти (ч. 2 ст. 80; ч. 3 ст. 132 Конституции РФ). Вопрос организации публичной власти находится в ведении Российской Федерации (п. «г» ст. 71 Конституции РФ)» «Причем этот термин в конструкции конституционной нормы предваряет термин «система федеральных органов власти», что, видимо, указывает на его первостепенное значение «средообразующий» характер» Цель этой единой системы – «взаимодействие для более эффективного решения задач в интересах населения соответствующей территории» [6, с. 321].

Рассмотрим местное представительство в Кыргызской республике. В Кыргызстане важнейшими формами непосредственного участия населения в принятии решений являются обсуждение всех важнейших вопросов общественной и государственной жизни и реализация принятых решений путем курултаев, собраний, сходов граждан и иных форм непосредственной демократии, а также участие в выборах представительных органов, в осуществлении контроля деятельности местных органов власти и местного самоуправления.

Уровни исполнительной власти Кыргызстана можно представить в виде рисунка. Анализируя систему местных органов Кыргызстана следует отметить, что в стране закрепляется конституционный принцип независимости местного управления и

признается самостоятельность местных органов. Конституция страны определяет организационно – юридическую обособленность местного управления.

Раздел IV Конституции Кыргызской Республики посвящен местному самоуправлению. Ст. 111 Конституции определяет: «Местное самоуправление в Кыргызской Республике осуществляется местными сообществами на территории соответствующей административно-территориальной единицы. Местное самоуправление осуществляется местными сообществами граждан непосредственно или через органы местного самоуправления. Государство гарантирует независимость органов местного самоуправления в вопросах формирования и исполнения местных бюджетов» [5].

Также в Кыргызстане принят Закон Кыргызской Республики «О местной государственной администрации и органах местного самоуправления» [3]. Согласно закону (ст. 7) в компетенцию органов местного управления входит:

- обеспечение функционирования систем жизнеобеспечения территории (благоустройства, жилищных, транспортных и иных систем);
- создание условий для рационального использования земель территории;
- социально – экономическое развитие территории;
- обеспечение работы транспорта;
- обеспечение бытового и торгового обслуживания;
- развитие систем образования, здравоохранения и иных социально – значимых сфер;
- обеспечение развития сфер физической культуры, спорта, туризма;
- иные вопросы местного значения.

Сравнивая задачи органов местного самоуправления, определенные в ФЗ № 131 в России и по новому Закону Кыргызстана, можно сделать вывод о том, что в законе Кыргызстана определено около 30 задач, решаемых органами местной власти. Они во многом схожи между странами, однако в Кыргызстане они носят более конкретизированный характер. Например, кыргызский законодатель определил обязанность государственных органов не только осуществлять охрану общественного порядка, но и организовывать его, обеспечивать материально – техническое обеспечение. Еще одним отличием закона Кыргызстана является прямое указание на независимость местного управления и недопустимость вмешательства государственных органов. В законе Кыргызстана точно и четко определена автономность и независимость местного управления.

Также в законе Кыргызстана от 20 октября 2021 года № 123 «О местной государственной администрации и органах местного самоуправления» определены задачи местного самоуправления, которые не отражены в российском законодательстве:

- организация работы муниципальных архивов;
- организация переработки бытовых отходов;
- обеспечение условий для снабжения населения местными услугами муниципальной торговли и общественного питания;
- организация работы местной информационной службы и др.

Однако и анализ закона Кыргызстана также выявляет противоречия. Например, в разграничении компетенции органов государственной власти в лице госадминистраций и местного самоуправления. Наглядным примером такого противоречия является статья, которая определяет «Полномочия мэра города Бишкек, города областного значения». Так, мэр города наряду с руководством деятельности мэрии, городских отделов и служб по обеспечению жизнедеятельности города координирует деятельность территориальных подразделений государственных органов власти, дает согласие на назначение их руководителей, кроме судей, прокуроров, руководителей территориальных подразделений государственного органа национальной безопасности, органа внутренних дел, таможенных органов и органов государственной статистики Кыргызской Республики, и, в

конечном итоге, отвечает за результаты этой деятельности. Он несет непосредственную ответственность за организацию надлежащего исполнения делегированных государственных полномочий [1, с. 78].

Не реже двух раз в год отчитывается перед городским кенешем об общем состоянии дел в городе, исполнении бюджета, использовании коммунальной собственности и средств внебюджетного фонда, выполнении программ социально-экономического развития города и социальной защиты населения.

И как итог — не реже одного раза в два года информирует население о результатах своей деятельности на городском курултае. Право всякого органа власти — право принятия общеобязательных на территории муниципального образования решений (постановлений, распоряжений и других нормативно-правовых актов).

Кроме того, как указывают некоторые исследователи органы местного самоуправления в Кыргызстане на текущий момент не обладают в должной мере реальной самостоятельностью в силу того, что гражданское общество также находится в фазе своего становления и требует, в том числе, серьезного научного анализа с позиций политологической науки [8, с. 25].

Глава местной администрации называется Аким. Он руководит местной администрацией на основе принципа единоначалия. Назначается и освобождается от должности Президентом по представлению Кабинета Министров. Такие лица выбираются их числа лиц, находящихся в резерве на должность акима.

Также Конституция определяет, что «органы местного самоуправления состоят из представительных органов и исполнительных органов. Исполнительные органы местного самоуправления и их руководители подотчетны в своей деятельности представительным органам».

Исполнительным органом являются местные кенешы. В полномочия этих органов входит: утверждение местных бюджетов и контроль за их исполнением; утверждение программ социально – экономического развития на уровне местного управления; решение иных вопросов местного значения [1, с. 76].

Кроме того, ст. 114 Конституции определяет, что: «Государственные органы не вправе вмешиваться в полномочия органов местного самоуправления, кроме случаев, предусмотренных законом. Государственные полномочия могут быть делегированы органам местного самоуправления при передаче материальных, финансовых и иных средств, необходимых для их реализации. Государственные полномочия могут быть делегированы органам местного самоуправления на основании законов и иных нормативных правовых актов. Органы местного самоуправления подотчетны государственным органам по делегированным им полномочиям» [5].

Из общего анализа полномочий местных органов управления Кыргызстана можно сделать вывод о том, что в этой стране объем полномочий местных органов гораздо шире, чем в России. Новая Конституция Кыргызстана определила, что государственные органы не могут вмешиваться в деятельность местных органов управления.

На основании проведенного анализа формирования местных органов власти в России и Кыргызской Республике можно выделить общие тенденции в странах.

Во–первых прослеживается тенденция снижения роли населения в формировании органов местной власти и сокращения выборности органов. Анализ показывает, что увеличивается количество органов, формируемых иными способами. Например, российские регионы стремятся к минимизации участия населения в формировании муниципальных органов, заменяя данную систему системой централизации и делегирования, в том числе и при участии региональных органов. Сравнив системы формирования, можно сделать вывод о том, что при данных системах наблюдается снижение общественно – политических рисков.

Во–вторых, рассматривая различные системы организации местной власти, можно сделать вывод о том, что наиболее приемлемой является первая модель, при которой глава

муниципального образования избирается населением, он же является главой местной администрации. При такой модели формирование представительного органа также происходит выборным путем из числа депутатов представительных органов и глав поселений.

Ст. 32 Конституции РФ гарантирует гражданам право избирать и быть избранным, также Конституция гарантирует гражданам право на участие в управлении государством. Снижая такое участие, муниципальные органы нарушают этот баланс сил между населением и государственной властью. Некоторые муниципальные образования фактически лишают населения участия в управлении обществом и муниципальным образованием [9. С. 54].

Также ст. 131 Конституции РФ гарантирует гражданам право населения самостоятельно определять структуру органов местного самоуправления должно реализовываться исходя из предусмотренных законодательством общих принципов организации местного самоуправления, в том числе общих требований к формам осуществления местного самоуправления, в частности к способам и процедурам формирования органов местного самоуправления, их полномочиями т. п.

Анализ фактического правового регулирования и практики управления показывает, что в государствах назрела необходимость реформирования системы местного управления и самоуправления, которая бы должным образом отвечала современной системе управления и Конституции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Адилов А.Н. Сущность и содержание местного самоуправления в Кыргызской Республике, их роль в реализации функции охраны общественного порядка // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – №2. – С. 76- 79.

2. Бабошина Е., Маллакурбанов А. Участие граждан в осуществлении местного самоуправления как форма народовластия //Самоуправление. - 2016. № 11 (104). - С. 34-36.

3. Закон Кыргызской Республики от 20 октября 2021 года № 123 «О местной государственной администрации и органах местного самоуправления»

4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)

5. Конституция Кыргызской Республики (Введена в действие Законом Кыргызской Республики от 5 мая 2021 года)

6.Маллакурбанов А.А., Абдулаева И.А., Бабошина Е.В., Аскеров А.Г. Развитие местного самоуправления в России: некоторые особенности, проблемы и перспективы//Современный ученый. - 2017. - № 6. - С. 321-324.

7. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

8.Эгамбердиева Ж.Ш. О становлении института местного самоуправления в Кыргызстане: политологический аспект // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2020. – №6-2. – С. 25- 28.

9.Тхабисимова Л.А. Оптимизация системы государственной власти: принцип разделения властей//Юристъ-Правоведъ. - 2007. - № 1 (20). - С. 53-56. EDN: MUUJMB

К.В. Затулякина
преподаватель кафедры международного права,
правосудия и правоохранительной деятельности
Юридического института
Пятигорского государственного университета
г. Пятигорск

ПРОБЛЕМА ЗАГРУЖЕННОСТИ СУДЕЙ И АППАРАТА УДОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ КАК ПРИЧИНА НИЗКОГО КАЧЕСТВА ПРАВОСУДИЯ

Аннотация. В статье рассматривается проблема загруженности судей, как один из факторов, препятствующих осуществлению правосудия. Автор анализирует причины, факторы, способствующие загруженности судебных работников. Предлагаются пути преодоления проблемы катастрофической загруженности судебной системы

Ключевые слова: судебный аппарат, суд общей юрисдикции, загруженность судей, отправление правосудия, судебная система, суды общей юрисдикции.

K.V. Zatuliyakina
Lecturer at the Department of International Law,
justice and law enforcement
Law Institute Pyatigorsk State University
Pyatigorsk

THE PROBLEM OF THE WORKLOAD OF JUDGES AND THE OFFICE OF GENERAL JURISDICTION AS A REASON FOR THE LOW QUALITY OF JUSTICE

Abstract: the problem of the workload of judges is considered as one of the factors hindering the administration of justice. The author analyzes the reasons, factors contributing to the workload of judicial workers. Ways to improve the problem of the catastrophic workload of the judicial system are proposed

Key words: judicial apparatus, court of general jurisdiction, workload of judges, administration of justice, judicial system, courts of general jurisdiction.

Современная судебная система Российской Федерации имеет ряд проблем. Эти проблемы препятствуют отправлению правосудия, снижают эффективность судебной деятельности и подрывают доверие граждан к суду.

Одним из факторов, которые создают определенные препятствия в эффективности работы органов правосудия, является высокая загруженность судей некоторых звеньев судебной системы [4, с. 204].

С каждым годом законодатель принимает активные попытки по совершенствованию законодательства страны, однако многие проблемы, связанные с деятельностью судебной системы, разрешить не удалось и по сей день.

Проблема, которую необходимо указать, – это отсутствие реальной независимости судей. Принцип независимости судебной власти в настоящий момент хоть и закреплен в Конституции, однако носит лишь декларативный характер [2]. К сожалению, судьи сейчас наиболее уязвимы и подвержены всестороннему влиянию: на судью могут оказывать давление и председатель суда, и стороны процесса, и третьи лица, которые так или иначе заинтересованы в исходе дела. Причем давление оказывается самыми разнообразными способами – от подкупа до угроз и шантажа. Здесь очевидна утрата подлинного смысла правосудия: деятельность судьи должна быть объективной и беспристрастной, строго соответствовать действующему законодательству.

К снижению качества отправления правосудия приводит низкий уровень

профессиональной компетенции судей. Не случайно закон предъявляет к судье самые высокие требования: наличие высшего юридического образования, достижение 25-летнего возраста, обязательный опыт работы в юридической сфере, и не менее важный момент – кристально чистая репутация [5, с. 403]. Юридически неграмотный судья – это приговор всему обществу.

Проблема – коррумпированность судей. Коррумпированный судья априори не в состоянии объективно рассмотреть дело, принять обоснованное решение и, в конечном счете, вершить правосудие [3]. Таким образом, он не исполняет функцию, возложенную на него обществом, не защищает социум, который делегировал ему определенные полномочия.

Особую проблему для российской судебной деятельности представляет перегруженность судейского аппарата, что особенно ярко прослеживается в работе судов общей юрисдикции. Учитывая невероятно высокие объемы работы, приходящиеся на одного судью, для каждого дела просто нет физической возможности его всестороннего и полного изучения. Причиной, по которой правосудие стало формальным, является бюрократизм в данной сфере [7, с. 155]. А ведь деятельность судьи не сводится только лишь к одному рассмотрению дел по существу: судья должен своевременно отслеживать изменения в законодательстве, систематически повышать свою квалификацию, читая юридическую литературу, участвуя в научно-практических конференциях, семинарах и пр.

К проблемам судебной системы также можно отнести проблему текучести кадров, особенно актуальную в больших городах. Это в большей мере касается помощников судей, секретарей и других работников аппарата суда. Здесь стоит сказать, что данная проблема будет актуальна до той поры, пока не будет решен вопрос с непропорциональным соотношением нагрузки работников (а, как мы знаем, она у них на высоком уровне) и их заработной платы, которая не оправдывает столько затраченных сил и времени сотрудников аппарата суда.

Причиной увольнения высококвалифицированных специалистов является также высокая нагрузка и жесткие требования, предъявляемые к работникам аппарата, в том числе к уровню образования для занятия соответствующих должностей и несоответствующие этим нормам размеры оплаты труда. Это вызывает некую озабоченность судов, ведь без слаженной работы аппарата суда, обеспечивающего судебную деятельность невозможно надлежащее функционирование судебной системы [7, с. 156].

В заключении хотелось написать, что в нашей стране совершенно непропорционально распределены суды, на территории крупных городов с точки зрения их количества. В особенности следует выделить Москву с ее огромной численностью населения и большим количеством различных организаций. Судьи попросту не справляются с поступающим количеством административных и гражданских дел, что порождает сильную загруженность судебной системы и приводит к низкому качеству принимаемых судебных актов с точки зрения правильного применения норм законодательства. Также, стороны, проигравшие процессы, осужденные, часто обжалуют решения и приговоры мировых судей, районных судов в вышестоящих судебных инстанциях.

Многие из обжалованных судебных актов признаются юридически необоснованными, обнаруживаются юридические ошибки при применении норм материального и процессуального права, судьи в недостаточной степени оценивают доказательную базу [8, с. 34]. Дела, по которым судебные акты обжалованы вышестоящей инстанцией, отправляются обратно в тот же суд на новое рассмотрение, но уже к другому судье, что создает для него дополнительную нагрузку.

Говоря о загруженности судов первой и второй инстанции следует упомянуть о судебном аппарате, который не справляется с большим объемом технической работы.

Секретарям и помощникам судей, работникам канцелярий приходится практически ежедневно нарушать режим рабочего времени и работать свыше 8 рабочих часов в день, не говоря о низких заработных платах данной категории гражданских служащих. Низкая заработная плата и большой объем работы приводит к высокой сменяемости кадрового состава аппарата суда, освобождаемые должности долгое время остаются вакантными, что в свою очередь тормозит судебное делопроизводство[9, с. 33].

К сожалению, российские власти не уделяют должного внимания данной проблеме, но, тем не менее, необходимо увеличить заработные платы с целью привлечения молодых и энергичных специалистов, которые будут работать длительное время. Также следует увеличить количество судов в тех регионах, где это необходимо, перераспределить нагрузку и подсудность в более загруженных судебных участках. В случае успешной реализации предложенных преобразований судебная защита прав в России станет более доступной для населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.11.2002 №138-ФЗ (ред. от 30.12.2021, с изм. от 10.03.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – №46. – ст.4532.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 01.07.2020 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, № 31, ст. 4398.
3. Зинченко, И. А. Институт электронных носителей информации в уголовно-процессуальном праве / И. А. Зинченко, А. П. Попов // Правда и Закон. – 2020. – № 2(12). – С. 41-47. – EDN EJEYAZ.
4. Кутовая Л.А. Проблемы правильного и своевременного рассмотрения и разрешения граждан//Киберленинка. – URL: [https:// cyberleninka.ru/article/ n/problemy-pravilnogo-i-svoevremennogo-rassmotreniya](https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pravilnogo-i-svoevremennogo-rassmotreniya)
5. Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судебское право. – М.: Проспект, 2011. – 512 с.
5. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. Учебник для вузов.6-е изд. изм. и доп. – М.: НОРМА, 2015. – 325 с.
6. Федеральный закон "Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации" от 22.12.2008 N 262-ФЗ
7. Горелов С.С. Судебная система России: проблемы реформирования // Инновационная наука. - 2018. - № 12-2. - С. 154-158.
8. Поляков Н.М. Коррупция в судебной системе и методы борьбы с ней // Отечественная юриспруденция. - 2017. - № 11 (25). - С. 33-36.
9. Тхабисимова Л.А., Рябова Т.В. Конституционно-правовые основы судебной защиты прав человека и гражданина в Российской Федерации// Университетские чтения – 2018. Материалы научно-методических чтений ПГУ. – Пятигорск, 2018.- С. 32-40.

А.Н. Кубатко
кандидат исторических наук, доцент
кафедры международного права,
правосудия и правоохранительной деятельности,
Юридического института Пятигорского
государственного университета
г. Пятигорск
kubatkos@mail.ru

РАЗНООБРАЗИЕ ВИДОВ И ФОРМ СОВЕРШЕНИЯ ХИЩЕНИЯ: АСПЕКТЫ СУДЕБНОЙ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В СФЕРЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена проблемам определения момента окончания отдельных форм и видов хищения в судебной практике. Анализируется разнообразие видов и форм совершения хищения. В судебной практике недостаточно уделяется внимания такому аспекту как момент окончания любого преступления. В статье рассматриваются три вида хищения: кража, грабёж и мошенничество. Развивающиеся способы совершения преступления с помощью информационных технологий, создают серьёзную проблему в установлении вины преступника. Приводятся проблемы определения момента окончания каждой формы хищения с примерами из судебной практики.

Ключевые слова: проблемы определения, момент окончания, хищение, преступление, суд, судебная практика.

A.N. Kubatko
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor, Department of International Law,
justice and law enforcement,
Law Institute
Pyatigorsk State University (Pyatigorsk)
kubatkos@mail.ru

VARIETY OF TYPES AND FORMS OF THEFT: ASPECTS OF JUDICIAL AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE IN THE SPHERE OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES IN RUSSIA

Annotation: The article analyzes the variety of types and forms of committing theft. The article is devoted to the problems of determining the moment of termination of certain forms and types of theft in judicial practice. In judicial practice, insufficient attention is paid to such an aspect as the moment of the end of any crime. The article deals with three types of theft: theft, robbery and fraud. The developing ways of committing a crime with the help of information technology create a serious problem in establishing the guilt of the offender. The problems of determining the moment of the end of each form of theft are given with examples from judicial practice.

Key words: problems of definition, moment of termination, theft, crime, court, judicial practice.

Определение момента окончания любого преступления в уголовном праве является одной из основных задач, как теории этой науки, так и судебной практики. Но, говоря конкретно о хищении, стоит сказать, что множественность способов совершения, разнообразие предметов преступного посягательства, развитие хищения компьютерной информации, безналичных денежных средств и т.д. привели к невозможности создания единого понятия как самого хищения, так и момента его окончания.

В теории уголовного права мы сталкиваемся с нерасторопностью изучения новых технологий и их внедрения в науку[1:56]. Быстро развивающиеся способы совершения преступления с помощью информационных технологий, не подпадающие под существующие составы уголовного кодекса, создают проблему в установлении вины преступника. Также хищения могут быть направлены не только на изъятие денег, ценных

бумаг и других предметов, имеющих высокую материальную ценность, но и на предметы искусства, науки, истории. Некоторые из них могут не являться чьим-то имуществом, что создаёт дополнительные сложности в определении состава преступного посягательства. Основной проблемой в определении момента окончания хищения, по нашему мнению, является разнообразие видов и форм совершения хищения.

Начнём, пожалуй, с определения момента окончания хищения в виде кражи, то есть тайного хищения имущества, и грабежа, то есть открытого хищения имущества. Кража, как вид хищения, является самым распространенным способом совершения этого преступления. Определяется как тайное хищение [2:39]. Исходя из определения, данного пленумом Верховного Суда Российской Федерации [3], под тайным хищением подразумевается изъятие имущества либо в отсутствие собственника, либо в его присутствии, но незаметно для него. Что мы можем здесь сказать? Моментом окончания кражи будет являться, несомненно, сам момент незаконного изъятия имущества. Особых проблем при определении этого вида хищения не возникает ни у законодателя, ни у правоприменителя в виде судебных органов.

Важно отметить, что именно момент незаконного завладения будет являться преступлением. Здесь можно привести приговор Читинского районного суда Забайкальского края № 1-121/2022 от 24 февраля 2022 года по уголовному делу в отношении обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «г» ч.3 ст. 158 УК РФ, т.е. совершение кражи (тайного хищения чужого имущества) с причинением значительного ущерба гражданину, с банковского счёта [4]. Из материалов судебного разбирательства следует, что обвиняемый совершил сначала кражу мобильного телефона, а затем, вернувшись домой, перевёл с этого телефона с помощью услуги «мобильный банк» денежные средства в сумме 8000 рублей. Соответственно окончением это преступление будет с момента перевода денежных средств с банковского счёта, привязанного к украшенному телефону. Это следует из того, что кража мобильного телефона являлась лишь способом хищения денежных средств с банковского счёта. Также это подтверждается и предъявленными потерпевшим требованиями в сумме 16 600 рублей, из которых 8000 рублей – это сумма снятая со счёта, а 8600 – это стоимость украденного мобильного телефона. Момент окончания хищения в данном преступлении не поддается однозначному определению. Всё из-за того, что была совершена сначала кража телефона, что является отдельным преступлением, а затем с этого телефона были украдены денежные средства. Два предмета преступного посягательства дают нам возможность трактовать эти действия по-разному. Например, мы можем рассматривать эти действия как два отдельных преступления, а можем, как и поступил правоприменитель, рассматривать эти действия как одно преступление. Соответственно, если мы возьмём за основу рассмотрение данного дела, как одно преступное посягательство на два предмета, то в данном случае преступление будет считаться окончением в момент перевода денежных средств с помощью украденного телефона, а сумма ущерба будет включать в себя и стоимость телефона и размер украденных денежных средств.

Вторым примером будет приговор Ярцевского городского суда Смоленской области № 1-309/2021 1-80/2022 от 24 февраля 2022 г. по делу № 1-309/2021 в отношении обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч.2 ст. 158 УК РФ, в котором установлено следующее: обвиняемый 29.06.2021 года около 19:00, находясь в состоянии алкогольного опьянения, совершил кражу, т.е. тайное хищение чужого имущества, с причинением значительного ущерба гражданину [5]. Из материалов судебного разбирательства следует, что обвиняемый похитил рюкзак, находящийся на берегу озера и содержащий сотовый телефон Самсунг, стоимость которого, согласно товароведческой экспертизе составила 10143 рубля. После того как обвиняемый похитил рюкзак с телефоном, на последний поступил звонок от владельца украденного сотового телефона. Обвиняемый, взяв телефон и переговорив с владельцем, согласился встретиться

на обусловленном месте и передать изъятую собственность владельцу, но, как следует из показаний сторон судебного разбирательства, обвиняемый на условленное место не явился. В данном уголовном деле определить момент окончания хищения довольно трудно, так как даже сам суд не устанавливает его. Обвиняемый согласился передать найденную вещь в установленном месте и в установленное время, соответственно окончением этого преступления будет считаться после того как в условленное время и место лицо, совершившее кражу, не явилось.

Проблемой определения окончания хищения в виде кражи является, в первую очередь, разнообразие предметов преступного посягательства, так как с помощью одного предмета можно осуществить кражу другого. Во-вторых, проблемой также может стать отсутствие определения находки в гражданском кодексе. Ведь если человек нашел вещь, то должны быть правила и сроки, позволяющие эту вещь вернуть или передать в органы местного самоуправления, чтобы избежать ситуаций, влекущих привлечение лица к уголовной ответственности. Но, как следует из Гражданского кодекса, такие правила отсутствуют, что позволяет трактовать находку как кражу, что может повлечь для нашедшего множество негативных последствий.

Теперь разберемся с грабежом, то есть с открытым хищением. Грабёж, как способ совершения хищения, отличается от кражи тем, что совершается в присутствии собственника имущества, то есть открыто. Проблема отграничения кражи и грабежа часто возникает на практике. Здесь мы сталкиваемся с тем, что не всегда понятно, когда преступление совершено тайно, а когда открыто. Но с определением момента окончания проблем не возникает. Всё-таки главное то, что произошло незаконное изъятие имущества у собственника, способ важен уже для квалификации, а для признания лица обвиняемым достаточно и момента незаконного завладения имуществом. Для подтверждения наших суждений можно привести следующие примеры:

Приговор Чусовского городского суда Пермского края № 1-62/2022 от 18 февраля 2022 г. по делу № 1-62/2022, по которому установлено, что обвиняемый совершил преступление, предусмотренное п. «г» ч.2 ст. 161 УК РФ, при следующих обстоятельствах: 11 декабря 2021 года около 15:00, находясь в состоянии алкогольного опьянения, совершил открытое хищение или грабёж [4]. Предметом преступления стала сумка гражданки К., которой обвиняемый нанес несколько ударов по лицу, выхватил сумку, достал из неё кошелек и скрылся. Соответственно, исходя из того, что хищение в данном случае открытое, можно с лёгкостью определить момент окончания преступления, им будет момент изъятия денежных средств из кошелька гражданки К., с которыми впоследствии лицо, обвиняемое в совершении указанного преступления, скрылось.

Приговором Мурашинского районного суда Кировской области № 1-2/8/2022 от 17 февраля 2022 г. по делу № 1-2/8/2022 [6] установлено, что лицо, обвиняемое в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст. 161 УК РФ, совершило следующее: 3 января 2022 года в период времени с 12 часов 30 минут до 13 часов ФИО, находясь в состоянии алкогольного опьянения, пришел в квартиру потерпевшей, где в её присутствии изъял кошелек с денежными средствами в сумме 600 рублей. На просьбы оставить взятую вещь обвиняемый не реагировал, сам кошелек он изъял, а с места совершения преступления скрылся. В данном случае определение момента окончания хищения не представляет никаких проблем, так как таким моментом будет факт изъятия кошелька у потерпевшей. Как видно из проанализированных приговоров судов определение момента окончания грабежа не несёт за собой проблем, все из-за того, что состав этого преступления виден сразу в момент совершения, соответственно такие преступления проще расследовать и разбирать в судебном заседании. А моментом окончания грабежа будет момент изъятия имущества у собственника, независимо от способа его совершения. Мошенничество, как вид хищения, куда более сложное преступление. Оно совершается путем обмана или злоупотребления доверием, факт наличия которых правоприменителю необходимо доказать. Как и в других видах хищения, при мошенничестве моментом окончания будет

являться факт изъятия имущества или права на такое имущество. Но следствию необходимо обратить внимание именно на способ совершения преступления, так как без обмана или злоупотребления доверием изъятие имущества будет являться кражей или грабежом. Поэтому важно доказать факт совершения преступления с помощью квалифицирующих признаков, указанных в статье 159 УК РФ.

Переходя к примерам, можно привести: приговор Шатурского городского суда Московской области № 1-392/2021 1-6/2022 от 18 февраля 2022 г. по делу № 1-392/2021 в отношении обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч.2 ст. 159 УК РФ [7]. Судом установлено, что обвиняемый совершил мошенничество, то есть хищение чужого имущества путем обмана, с причинением значительного ущерба гражданину, при следующих обстоятельствах. Находясь дома, примерно в 20:00 по московскому времени, разместил на сайте «Авито» объявление о продаже новых видеокарт «Gigabyte Radeon RX 580 8 gb gddr5» (Гигабайт Радеон ЭрИкс 580 8гб гддр5) стоимостью 24 000 руб. за единицу товара, содержащее не соответствующие действительности сведения о наличии у обвиняемого указанных товаров. Путем обмана с корыстными целями договорился с потерпевшим о поставке видеокарт последнему на сумму 230000 рублей. Но возможности и желания исполнять принятые им обязательства у него не было. Потерпевший, не зная об обмане со стороны обвиняемого, перевел ему со счета свидетеля необходимую сумму, которой обвиняемый сразу после получения денежных средств и стал распоряжаться. Моментом окончания хищения в данном преступлении будет являться момент получения обвиняемым денежных средств. Это вытекает из изначального умысла обвиняемого на совершение преступления, так как объявление было размещено при отсутствии видеокарт, соответственно и их якобы продажа была обманом.

Согласно постановлению Ленинского районного суда г. Махачкалы № 1-256/2022 от 8 февраля 2022 г. по делу № 1-256/2022 в отношении обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч.2 ст. 159 УК РФ, суд установил следующее [9]. Находясь дома у потерпевшего, реализуя свой преступный умысел, направленный на хищение чужого имущества путем обмана, осознавая общественную опасность своих действий, предвидя неизбежность наступления общественно-опасных последствий в виде причинения материального ущерба потерпевшему и желая их наступления, заключил устный договор на поставку безалкогольных газированных напитков «Бавария» с Республики Северная Осетия-Алания за 80000 рублей, при этом не имея намерения выполнить взятые на себя обязательства по поставке товара. После заключения устного договора потерпевший сразу передал вышеуказанную сумму обвиняемому. Соответственно моментом окончания хищения в виде мошенничества в данном случае будет момент получения денежных средств обвиняемым. Здесь также играет роль тот факт, что обвиняемый изначально не собирался поставлять потерпевшему безалкогольные напитки, а соответственно после получения денежных средств свой преступный умысел на получение денежных средств он осуществил. Исходя из рассмотренных приговоров по ст. 159 УК РФ можно сказать, что при определении момента окончания хищения в виде мошенничества важен факт получения денежных средств, а также наличие изначального умысла на их получения путем обмана.

Проблемой здесь может стать определение этого изначального умысла на получение денежных средств путем обмана, так как лицо может лгать о своих намерениях следствию, что затрудняет выяснение истины по делу, поэтому очень важна работа органов, ведущих предварительное расследование уголовного дела, а также органов судебной системы, которые проводят судебное следствие, в ходе которого представляются доказательства, подтверждающие наличие такого умысла.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что несмотря на общий объект преступного посягательства и общую основу преступлений в виде хищения, каждый отдельный вид этого преступного деяния отличается своими уникальными чертами, особенно рассматриваемом нами моментом окончания хищения. С его

определением всегда возникали всевозможные споры и дискуссии, но мы надеемся, что наше исследование немного поможет в установлении ясности по этому поводу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Поляков М.П., Попов А.П., Попов Н.М. Уголовно-процессуальное использование результатов оперативно-розыскной деятельности: проблемы теории и практики. - Пятигорск, 1098. - 104с. EDN: UDIQED
2. Попов А.П. К вопросу о реализации уголовной политики на современном этапе//Черные дыры в Российском законодательстве. - 2012. - № 6. - С. 92-93. EDN: QCNBJ
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // [Электронный источник] режим доступа <https://sudact.ru/> (дата обращения 10.02.2023)
4. Приговор № 1-309/2021 1-80/2022 от 24 февраля 2022 г. По делу № 1-309/2021. Ярцевский городской суд (Смоленская область) // [Электронный источник] режим доступа <https://sudact.ru/> (дата обращения 10.02.2023)
5. Приговор № 1-309/2021 1-80/2022 от 24 февраля 2022 г. По делу № 1-309/2021. Ярцевский городской суд (Смоленская область) // [Электронный источник] режим доступа <https://sudact.ru/> (дата обращения 10.02.2023)
6. Приговор № 1-62/2022 от 18 февраля 2022 г. По делу № 1-62/2022. Чусовской городской суд (Пермский край) // [Электронный источник] режим доступа <https://sudact.ru/> (дата обращения 10.02.2023)
7. Приговор № 1-2/8/2022 от 17 февраля 2022 г. По делу № 1-2/8/2022. Мурашинский районный суд (Кировская область) // [Электронный источник] режим доступа <https://sudact.ru/> (дата обращения 10.02.2023)
8. Приговор № 1-392/2021 1-6/2022 от 18 февраля 2022 г. По делу № 1-392/2021. Шатурский городской суд (Московская область) // [Электронный источник] режим доступа <https://sudact.ru/> (дата обращения 10.02.2023)
9. Постановление № 1-256/2022 от 8 февраля 2022 г. По делу № 1-256/2022. Ленинский районный суд г. Махачкалы (Республика Дагестан) // [Электронный источник] режим доступа <https://sudact.ru/> (дата обращения 10.02.2023)

М.Н. Османова,

кандидат исторических наук, научный сотрудник

Института ИАЭ ДФИЦ РАН

г. Махачкала

osmanova-milena@rambler.ru

СССР И ЮНЕСКО: ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ВСЕМИРНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Аннотация. В статье рассказывается о процессе вступления СССР в ЮНЕСКО и действиях Советского государства в рамках этой международной организации на начальном этапе сотрудничества. Подчеркивается, что ратификация Верховным Советом СССР Протокола Гаагской Конвенции в 1956 г. стала важным шагом в мировой законодательной практике, призванным защитить всемирное культурное наследие в случае возникновения вооруженного конфликта. Отмечается, что, несмотря на длительное противостояние СССР и Запада, в рамках ЮНЕСКО решались важные для мирового

сообщества вопросы по сохранению и реставрации памятников истории, культуры и искусства.

Ключевые слова: культурное наследие; охрана памятников, культуры и искусства; Гагская Конвенция, ЮНЕСКО, ИКОМОС; сотрудничество государств.

M.N. Osmanova,
PhD (in History),
Senior Researcher of the Institute of History,
Archaeology and Ethnography, Dagestan Federal
Research Centre, Russian Academy of Sciences
Makhachkala

USSR AND UNESCO: COOPERATION EXPERIENCE IN THE SPHERE OF PROTECTION OF THE WORLD CULTURAL HERITAGE

Abstract: the article describes the process of the USSR's accession to UNESCO and the activity of the Soviet state within the framework of this international organization at the initial stage of cooperation. It is emphasized that the Supreme Council of the USSR's ratification of the Hague Convention Protocol in 1956 was an important step in world legislative practice directed for protection of the world cultural heritage in the event of an armed conflict. It is noted that, despite the long-term confrontation between the USSR and the West, UNESCO solved important issues for the world community on the preservation and restoration of historical, cultural and art monuments.

Key words: cultural heritage; protection of historical, cultural and art monuments; Hague Convention, UNESCO, ICOMOS; cooperation of states in the field.

Вступление СССР в ЮНЕСКО стало важным шагом в деле изучения и применения международного опыта в сфере организации охраны памятников истории, культуры и искусства в стране.

ЮНЕСКО («United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization») – одно из важнейших учреждений Организации Объединенных Наций - было создано в 1945 г. Устав ЮНЕСКО вступил в силу 4 ноября 1946 г., после подписания его представителями 20 государств. При создании организации было провозглашено, что «стержнем миссии ЮНЕСКО является этическое начало, которое призвано укоренять в сознании людей идею мира и общечеловеческих ценностей, основываясь на развитии широкого сотрудничества народов в интересах обеспечения уважения справедливости, законности и прав человека» [1, с. 225]. В компетенции практической работы ЮНЕСКО – образование, естественные и точные науки, техника, социальные и гуманитарные науки, культура, искусство, информация и коммуникация, авторское право и смежные с ним права, библиотечное, музейное, архивное и издательское дело.

Первое десятилетие послевоенного периода, когда закладывались основы ЮНЕСКО, отличалось довольно напряженными международными отношениями, началом «холодной войны» между СССР и Западом. Вследствие этого Советский Союз прямого участия при создании институциональной системы Организации не принимал, несмотря на неоднократно поступавшие на этот счет Москве предложения, под предлогом нарушения процедуры учреждения данной организации Генеральной Ассамблеей ООН [8, с.2].

13 ноября 1945 г. первый заместитель наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинский констатировал, что «полученное со столь большим опозданием обращение Лондонской конференции передано заинтересованным советским органам» [7, с. 129].

Однако реальные причины негативного отношения Кремля к созданию ЮНЕСКО коренились в идеологических установках сталинского руководства, с недоверием

относившегося к начинаниям Запада. Только 25 июня 1953 г., после смерти И.В. Сталина и некоторого ослабления тоталитарных порядков в стране, коллегия МИД СССР высказалась за вступление страны в ЮНЕСКО, вместе со странами народной демократии. 21 апреля 1954 г., после официального согласия ЦК КПСС, советский посол в Великобритании от имени правительства СССР поставил свою подпись под Уставом ЮНЕСКО. СССР стал 70-м членом Организации. В практической деятельности СССР принял участие с 8-й сессии Генеральной конференции в Монтевидео (ноябрь-декабрь 1954 г.). [1, с. 225]

Одним из решительных шагов правительств стран Западной Европы в сторону урегулирования на международном уровне, с учетом опыта Второй мировой войны, вопросов охраны памятников истории, культуры и искусства, стало заключение 14 мая 1954 г. в Гааге Конвенции и подписание Протокола «О защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта» [6].

12 декабря 1956 г. Протокол Гаагской конвенции был ратифицирован Верховным Советом СССР, став одним из важнейших актов международного права, оказывающих серьезное влияние на отношение к проблеме охраны памятников государственной власти в нашей стране.

В Протоколе дается определение термину «культурные ценности», вводится понятие «уважение к культурному наследию», в том числе и находящемуся на территориях, оккупированных во время военных конфликтов.

Так, в статье 4 «Протокола» указано, что «запрещается использовать объекты культуры в целях, которые могут стать причиной их разрушения».

Страны, подписавшие Конвенцию, «обязуются пресекать все акты вандализма, незаконное присвоение культурных ценностей». В военное время «оккупационные власти должны поддерживать усилия компетентных национальных властей оккупированной территории обеспечивать охрану и сохранение культурных ценностей».

Вступление СССР, а вместе с ним Белорусской и Украинской ССР в ЮНЕСКО на начальном этапе взаимодействия вызвало острую политизацию ее главного органа – Генеральной конференции, поскольку как СССР, так и Запад нагнетали политическое противостояние в организации.

До конца 70-х гг. XX века СССР в ЮНЕСКО в целом интересовали вопросы продвижения и реализации политических и идеологических интересов советского государства. Об этом свидетельствуют тексты постановления Секретариата ЦК КПСС «О дальнейшем повышении активности СССР в деятельности ЮНЕСКО» от 28 августа 1979 г. и связанных с его принятием материалов, анализ которых показывает, «важнейшей задачей ЦК КПСС определил «дальнейшее укрепление политических и идеологических позиций СССР, и братских социалистических стран». Несомненным достижением поставленных СССР задач стало принятие ряда социалистических стран в члены ЮНЕСКО, а также проведение на международном уровне мероприятий, посвященных 150-летию со дня рождения К. Маркса, 100-летию В.И. Ленина, 50-летию и 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. 50-летию образования СССР» [5; 7, с. 130]. В будущем планировалось использовать возможности, которые давало членство в ЮНЕСКО, для разоблачения агрессивного курса американского империализма и его союзников.

Нет необходимости перечислять все идеологические приоритеты, установленные СССР для работы в составе комиссий ЮНЕСКО. Лишь на последнем месте в иерархии приоритетов стояли задачи, связанные с собственно программой деятельности Организации – образованием, наукой и культурой. При этом им придавался не только подчиненный, но и весьма специфический характер. Так, в программах ЮНЕСКО по фундаментальным и естественным наукам надлежало уделять «особое внимание сбору научно-технической информации и документации», а программы по социальным наукам использовать «для активной борьбы с буржуазными концепциями и моделями развития»

[7, с. 130-131]. Интеллектуальное сотрудничество на тот период удавалось осуществить только лишь в далеких от идеологии областях фундаментальных и естественных наук. При поддержке ЮНЕСКО были реализованы проекты Международного года спокойного солнца, программы изучения верхней мантии, океанов, ледников, землетрясений и вулканов.

Тем не менее, в деятельности ЮНЕСКО к вопросам охраны памятников и достопримечательных мест привлекалось постоянное внимание мировой общественности. В 1960 г. в Египте в связи со строительством Асуанской плотины начались работы по спасению памятников Абу Симбел и Нубии. Большой международный резонанс вызвало окончание работ по реставрации Боробудура в Индонезии. Всеобщее внимание привлекла кампания по реставрации Акрополя, объявленная ЮНЕСКО в январе 1977 г., а кампания по спасению Венеции стала второй по значению после Акропольской.

В 1979 г. Генеральная конференция ЮНЕСКО приняла решение, уполномочивающее Генерального директора начать программу международной помощи по реставрации еще восьми памятников (г. Гуз во Вьетнаме, историческая площадь в Гаване; реставрация архитектурного комплекса св. Франциска в Лиме (Перу); дворца Сан-Суси и церкви Лаферьер на Гаити; памятники на острове Горэ в Сенегале; главные памятники в Шри-Ланка; Читутитти в Мавритании и др.) [4, с. 86-87]

В мае 1965 г. в Варшаве и в Кракове состоялась первая организационная Ассамблея Международного совета по вопросам охраны памятников и достопримечательных мест - ИКОМОС (International Conseil des Monuments et des Sites). Совет был включен в число организаций, курируемых ЮНЕСКО, а главой Исполкома ИКОМОСа был избран профессор П. Гаццола (Италия). На первой Генеральной Ассамблее присутствовали делегации 24 стран, в том числе СССР.

Ассамблея ИКОМОС сформулировала его главные задачи: объединение научных сил всего мира для разработки научных принципов, методики изучения и научной фиксации памятников; обобщение мирового опыта в этой области деятельности; создание информационного центра; широкая пропаганда памятников мирового культурного наследия с целью воспитания глубокой заинтересованности в их сохранении и, что особенно важно, использования памятников для воспитания между народами чувства уважения, взаимопонимания, дружбы и сохранения мира. [4, с. 87]

Наиболее целесообразной формой организации постоянной работы ИКОМОСа было признано создание комитетов специалистов по отдельным проблемам. Председатель комитета должен был взять на себя обеспечение его деятельности, опираясь на материальную поддержку правительства и специалистов своей страны. К 1985 г. было создано 13 комитетов (по археологии; по доисторической архитектуре и пещерным городам; по историческим городам; по историческим садам и паркам и др.).

Одни из важных проблем, обсуждаемых ИКОМОС – сохранение и приспособление для современных целей центров древних городов, малых исторических городов, сельских населенных мест.

1976 г. Генеральной Ассамблеей ЮНЕСКО были рассмотрены основные научные принципы, выдвинутые ИКОМОС и сформулированные в рекомендациях «О сохранении и современной роли исторических ансамблей», развивающих и уточняющих международный документ «О сохранении культурных ценностей, подвергающихся опасности в результате проведения общественных или частных работ» (1968 г.). Были сформулированы понятия «исторически или традиционные ансамбли», «окружение», «среда памятников», «охрана памятников».

Так, в соответствии с рекомендациями «под охраной подразумевается выявление, защита, сохранение, реставрация, восстановление, поддержание в порядке и возрождение к жизни исторических или традиционных ансамблей и окружающей среды».

Что касается охраны объектов культурного наследия, памятников истории и культуры, то Советский Союз стал стороной Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия 12 января 1989 г.

Присоединение к этому важнейшему международному договору открыло перед нашим государством новые возможности представить миру свои выдающиеся культурно-исторические памятники и уникальные природные заповедники, получить дополнительные гарантии их сохранности и доступ к мировому опыту управления ими [9, с. 70].

Первые объекты, находящиеся на территории России, были занесены в список в 1990 году на 14-й сессии Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО.

В их числе: 1. Исторический центр Санкт-Петербурга и связанные с ним комплексы памятников (XVIII-XX вв.); 2. Архитектурный ансамбль Кижского погоста в Карелии (XVIII-XIX вв.); 3. Московский Кремль и Красная площадь (XIII-XVII вв.).

В 1992 году в список были занесены еще 3 объекта: 1. Исторические памятники Новгорода и его окрестностей (XI-XVII вв.); 2. Культурный и исторический ансамбль «Соловецкие острова» (Архангельская область, XVI-XVII вв.); 3. Белокаменные памятники Владимира и Суздаля (XII-XIII вв.).

В 2003 г., на состоявшейся в Париже 27 сессии Комитета всемирного наследия при ЮНЕСКО город Дербент был номинирован для включения в список Всемирного наследия и 3 июля при поддержке всех стран-участниц сессии в вышеуказанный список под № 1070 были включены старая часть города, крепость Нарын-Кала и окружающий ландшафт. Таким образом, Дербентская цитадель стала десятым объектом в России, включенным в список ЮНЕСКО [2, с. 17-18; 3].

В списке Всемирного наследия ЮНЕСКО на 2021 год значатся 30 наименований, отмеченных в описании как находящиеся в Российской Федерации, это составляет 2,6 % от общего числа (1154 на 2021 год). В список Всемирного наследия входит также находящийся на территории Крыма древний город Херсонес Таврический и его хора, ранее отмеченный в описании как находящийся на Украине. После присоединения Крыма к России 26 марта 2014 г. Херсонес Таврический рассматривается как объект всемирного наследия на территории РФ. Кроме этого, по состоянию на 2022 год 27 объектов на территории России находятся в числе кандидатов на включение в список всемирного наследия.

В настоящее время Участниками Конвенции ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия являются 194 государства, а учрежденный ею Список всемирного культурного и природного наследия насчитывает 1154 объекта, расположенных в 167 странах. Россия в нем занимает почетное девятое место – с 11 природными и 20 культурными объектами. При этом четыре из 31 российской номинации являются трансграничными. Однако по общему признанию эти показатели отражают сравнительно небольшую часть российского потенциала, хотя и весьма значимую.

Одно из важных преимуществ, которые дает участие в Конвенции – повышение популярности и туристической привлекательности объектов наследия, формирование ответственного и взвешенного подхода к развитию связанных с ними территорий.

В настоящее при внесении в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО акцент делается на все более востребованные смешанные природно-культурные номинации, что является перспективой для наращивания присутствия в нем Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Белекова А.Т. К вопросу о сотрудничестве России и ЮНЕСКО // Известия Алтайского государственного университета. - 2007. - № 4-3 (56). С. 225-228
2. Гаджиев М.С. Дербент - памятник мировой истории и культуры // Вестник Института ИАЭ. - 2015. - № 1. - С. 5-20

3. Дербент Включен в список Всемирного наследия // Кавказский узел. - URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/42105/> (дата обращения: 05. 03.2023г.)
4. Иванов В.Н. Международная охрана памятников (к 20-летию ИКОМОСа) // Памятники Отечества. Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. -1985. - № 2(12). - С. 86-87
5. Кашлев Ю.Б. ЮНЕСКО и Советский Союз. - М.: Агентство печати «Новости» 1986. - С. 23–35.
6. «Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта» // Сайт ООН. - United Nations - Treaty Series. - URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/hague54.pdf (дата обращения 05.03.2023)
7. Пермякова Л.Г. Из истории развития взаимоотношений России и ЮНЕСКО: советский период // Вестник Томского государственного университета. - 2012. - Серия «История». - № 2 (18). - С. 129-132
8. Федотов М.А. На весах риторики и реальности. 60 лет с ЮНЕСКО // Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО. - Вестник. - № 20. - 2014. - С. 2-9.
9. Валяровский Ф.И. Актуальные проблемы юридической ответственности в современном международном праве // Университетские чтения – 2017. Материалы научно-методических чтений ПГУ. – Пятигорск, 2017. - С. 66-70. EDN: ZJUFWX

А.А. Савинов
научный сотрудник отдела
исследований в области
государственного строительства
и международного права
Национального центра законодательства
и правовых исследований
Республики Беларусь

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ЭЛЕКТРОННЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Аннотация. В статье обоснована важность закрепления критериев оценки качества электронных государственных услуг на правовом уровне в Республике Беларусь. Автором проанализированы различные труды ученых Беларуси и Российской Федерации. Рассмотрено правовое регулирование данного вопроса в Российской Федерации и Республике Беларусь. Исследователем высказано мнение о том, что актом законодательства общереспубликанского уровня можно закрепить лишь качественные показатели качества электронных государственных услуг. Автором предложено закрепить отдельной статьей Закона соответствующие критерии оценки качества электронных государственных услуг.

Ключевые слова: электронные государственные услуги, правовое регулирование, критерии, качество, качественные показатели, количественные показатели

A.A. Savinau
Researcher at the Department
of State Building
and International Law Research
of the National Center for Legislation
and Legal Studies of the Republic of Belarus

LEGAL ASPECTS OF ASSESSING THE QUALITY OF PUBLIC SERVICES IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Abstract. The article substantiates the importance of fixing the criteria of quality assessment of electronic public services at the legal level in the Republic of Belarus. The author has analyzed various works of scientists of Belarus and the Russian Federation. The legal regulation of this issue in the Russian Federation and the Republic of Belarus is considered. The researcher is of the opinion that only qualitative indicators of the quality of electronic public services can be fixed by an act of legislation at the republican level. The author proposed to fix in a separate article of the Law the corresponding criteria for assessing the quality of electronic public services.

Keywords: electronic public services, legal regulation, criteria, quality, qualitative indicators

Информационные технологии кардинально изменили жизнь людей. Все больше взаимодействий между организациями, физическими лицами, а также субъектов хозяйствования и граждан друг с другом происходят в электронном виде. Названные взаимодействия проходят также на уровне предоставления электронных государственных услуг населению. Отметим, что государственные услуги как таковые существуют давно. Однако переход к электронному документообороту, а, стало быть, изменение формы взаимодействия граждан и юридических лиц требует более детальной проработки правового регулирования в этой области. Следовательно, обозначенное исследование представляется нам весьма актуальным. Ниже мы рассмотрим возможные правовые инструменты, которые способствуют повышению качества предоставления электронных государственных услуг.

Среди белорусских исследователей вопросами правовой природы государственных услуг и цифровизации государственного управления занимались С. Г. Василевич [1-2], Л. А. Краснобаева [3-7], А. А. Парфенчик [8--9], Н. А. Антанович [10], М. С. Абламейко [11], Н. Л. Бондаренко [12]. Отметим таких российских ученых как И. Л. Бачило [13], Э. В. Талапина [14], А. Б. Зеленцов [15], Р. З. Хасянов [16] и др.

Обратимся к нормативному опыту Российской Федерации в части качества предоставления государственных услуг, в том числе электронных, и рассмотрим один из актов законодательства Российской Федерации в этой области. Одним из основных нормативных правовых актов в этой области является постановление Правительства Российской Федерации от 22.12.2012 «Об утверждении правил организации деятельности многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг».

В соответствии с пунктом 7 (1) названного постановления комиссии по вопросам повышения качества и доступности предоставления государственных и муниципальных услуг субъекта Российской Федерации в помещении многофункционального центра может быть создан сектор пользовательского сопровождения, обеспечивающий выполнение функций по консультационной и организационно-технической поддержке заявителей. Отметим, что важнейшим требованием деятельности многофункционального центра является создание комфортности и доступности для заявителей, т.е. получателей муниципальных и государственных услуг. В сущности, это те организации, которые призваны обеспечить их надлежащее качество. Стало быть, в данном акте законодательства прослеживается нормативное закрепление качества оказания государственных услуг населению.

Теперь перейдем к правовому регулированию оказания электронных государственных услуг в Республике Беларусь. Одним из основных актов

законодательства в данной области является Закон Республики Беларусь от 10.11.2008 № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации». В названном Законе употребляются термины «государственный информационный ресурс» и «государственная информационная система».

При этом отсутствует понятие государственных услуг. Одновременно с этим, ст. 33 Закона предписывают «предоставлять достоверную, полную информацию в установленный срок». Отметим, что, госорган или организация имеет право «определять условия обработки информации и пользования ею в информационных системах и информационных сетях».

Стало быть, показатели оценки эффективности работы государственных информационных систем и ресурсов госорганы и организации могут разрабатывать сами. Для этого нужно включить в условия обработку информации и пользование ею в информационных системах и сетях. При этом они должны учитывать критерии полноты, достоверности и своевременности предоставления информации. Помимо прочего, в соответствии с ч. 3 ст. 22 обозначенного Закона в госоргане в доступном для обозрения месте, на интернет-сайте может размещаться информация в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь, постановлениями Совета Министров Республики Беларусь либо по решению руководителя государственного органа. Не обойдем стороной Указ Президента Республики Беларусь от 01.02.2010 № 60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет». Подп. 1.7 п. 1 данного Указа гласит, что госорганы и организации обязаны регулярно проводить анализ посещаемости их интернет-сайтов и принимать меры по реализации предложений граждан, которые направлены на совершенствование функционирования этих сайтов.

Также принято Положение о порядке госрегистрации информационных систем, использования государственных информационных систем и ведения Государственного регистра информационных систем. Оно утверждено постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 26.05.2009 № 673. Пункт 6 названного постановления определяет критерии, которые связаны с эффективностью использования государственных информационных систем и информации, содержащейся в них. При этом отражены только некоторые из критериев, которые можно применить в отношении предоставления государственных услуг гражданам. Наряду с этим, таковых критериев нет в отношении эффективности информационных систем, как удовлетворенность пользователей, а также их простота и полезность. Приведенный перечень является открытым. То есть, возможно его дополнение.

В Республике Беларусь также принято Положение о порядке функционирования интернет-сайтов государственных органов и организаций. Оно утверждено постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29.04.2010 № 645. В нем определены требования к информации, которую размещают на интернет-сайтах госорганов и организаций.

Вопросы предоставления электронных государственных услуг опосредованно затронуты в Законе Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300-З «Об обращениях граждан и юридических лиц». Так, в ст. 1 названного Закона дано понятие электронного обращения. Определение гласит, что это обращение заявителя, поступившего на адрес электронной почты организации либо размещенное в специальной рубрике на официальном сайте организации в глобальной компьютерной сети Интернет. Наряду с этим, в соответствии со ст. 25 данного Закона, госорган или организация может рассмотреть электронное обращение и направить ответ или уведомление на адрес электронной почты заявителя. На основании приведенных положений полагаем, что электронная государственная услуга может быть также предоставлена на основании данного Закона. Подчеркнем, что в соответствии с п. 1 ст. 28 названного Закона организации, в том числе госорганы, в целях постоянного совершенствования работы с обращениями обязаны изучать, анализировать и систематизировать содержащиеся в них

вопросы, данные о количестве и характере обращений и принятых по ним решений.

Следовательно, к критериям эффективности предоставления электронных государственных услуг можно отнести также вопросы, которые содержатся в электронных обращениях, а также их количество и принятые по ним решения.

Предоставление электронных государственных услуг оговорены также в Законе Республики Беларусь от 28.10.2008 № 433-З «Об основах административных процедур». Пункт 7 ст. 1 названного Закона определяет, что единой точкой подачи (отзыва) заявлений об осуществлении административных процедур, получения административных решений (уведомлений о принятых административных решениях) и подачи (отзыва) административных жалоб в электронной форме является единый портал электронных услуг. Также в п. 8 ст. 14 этого Закона есть норма, в соответствии с которой заявление заинтересованного лица, поданное в *электронной* форме, рассматривается в порядке, установленном для рассмотрения заявлений, поданных в письменной форме. При этом в Законе не закреплены критерии и порядок оценки эффективности осуществления административных процедур в электронной форме.

Отметим, что в Республике Беларусь создан портал рейтинговой оценки качества оказания услуг и административных процедур организациями (далее - портал). Одна из задач портала - создать единую постоянно действующую систему мониторинга качества оказания услуг и осуществления административных процедур объектами оценки. Данное положение закреплено в абз. 2 п. 4 Положения о портале рейтинговой оценки. Оно утверждено постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 13.11.2019 № 765 (далее - Положение). В соответствии с п. 10 Положения к таким критериям оценки отнесены:

- простота и понятность процесса получения услуги или осуществления административной процедуры;
- доступность информации о порядке получения услуги или осуществления административной процедуры;
- соблюдение установленного срока предоставления услуги или осуществления административной процедуры;
- вежливость и доброжелательность сотрудников.

В одной из работ А. А. Парфенчик отмечал, что пока данный информационный ресурс работает в тестовом режиме и характеризовать еще преждевременно [17]. Анализ сайта портала [18] показал, что к моменту написания этих строк портал работает в полную силу.

На основании приведенных правовых норм полагаем, что критерии качества оказываемых электронных государственных услуг можно разделить на количественные и качественные. Причем на уровне правовых норм общереспубликанского характера возможна фиксация только качественных показателей. Это связано с тем, что названный вид показателей не привязан к конкретному виду электронных государственных услуг, а также программному обеспечению (далее - ПО). Не будем детализировать разницу между количественными и качественными показателями. Отметим лишь, что количественные показатели возможно зафиксировать на следующих уровнях:

- только в отношении каждого конкретного вида электронных государственных услуг;
- на уровне организации-разработчика ПО;
- организации либо сети организаций, которые оказывают конкретный вид электронных государственных услуг.

Поэтому на правовом уровне необходима разработка отдельного Закона Республики Беларусь об электронных государственных услугах. Наряду с этим, отдельной статьей такого Закона необходимо закрепить следующие качественные критерии оценки электронных государственных услуг:

1. простота и понятность процесса получения электронных государственных услуг;
2. доступность информации о порядке получения электронных государственных услуг;
3. соблюдение установленного срока предоставления электронных государственных услуг;
4. достоверность и актуальность информации по оказанию электронных государственных услуг;
5. прозрачность и открытость процесса оказания электронных государственных услуг;
6. проактивность;
7. безопасный доступ и обмен информацией между поставщиком и пользователем электронных государственных услуг;
8. целостность данных при формировании, передаче, использовании, обработке и хранении информации;
9. надежность информационных систем, оказывающих электронные государственные услуги к программным и техническим сбоям в том числе со стороны пользователя электронных государственных услуг;
10. возможность программного и технического обновления, а также всестороннего совершенствования информационных систем, которые оказывают электронные государственные услуги.

Как итог, закрепить на республиканском уровне можно только качественные критерии оценки качества электронных государственных услуг. Количественные показатели возможно зафиксировать на следующих уровнях: каждого конкретного вида электронных государственных услуг; организации-разработчика ПО; организации либо сети организаций, которые оказывают конкретный вид электронных государственных услуг. В Российской Федерации существуют многофункциональные центры по предоставлению услуг. Одновременно с этим портал рейтинговой оценки существует в Республике Беларусь. На нем можно дать оценку предоставляемых электронных государственных услуг конкретной организации.

Там же можно ознакомиться с официальной статистикой в части электронных государственных услуг на текущий период. Отметим также, что критерии оценки качества оказания электронных государственных услуг рассредоточены в Республике Беларусь по различным актам законодательства. И на данный момент отсутствует нормативный правовой акт, который регулирует правоотношения в области оказания электронных государственных услуг отдельно.

В связи с этим, системы оценки качества названных услуг не закреплены на правовом уровне централизованно. Решение вопроса нам видится в принятии соответствующего Закона. Отдельной статьей необходимо зафиксировать следующие качественные критерии оценки электронных государственных услуг: простота и понятность процесса получения электронных государственных услуг; доступность информации о порядке получения электронных государственных услуг; соблюдение установленного срока предоставления электронных государственных услуг; достоверность и актуальность информации по оказанию электронных государственных услуг; прозрачность и открытость процесса оказания электронных государственных услуг; проактивность; безопасный доступ и обмен информацией между поставщиком и пользователем электронных государственных услуг; целостность данных при формировании, передаче, использовании, обработке и хранении информации; надежность информационных систем, оказывающих электронные государственные услуги к программным и техническим сбоям в том числе со стороны пользователя государственных услуг; возможность программного и технического обновления, а также

всестороннего совершенствования информационных систем, которые оказывают государственные услуги.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Василевич, С.Г. Информационные технологии как средство повышения информационной открытости органов власти (российский опыт) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
2. Василевич, С.Г. Информационные технологии в сфере государственного управления // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
3. Краснобаева, Л.А. Теоретические и прикладные аспекты административно-правовой регламентации публичных услуг // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
4. Краснобаева, Л.А. Сущность и основные параметры форм реализации публичных услуг в теории государственного управления и юридической науке // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
5. Краснобаева, Л.А. Правовое регулирование государственных услуг как неотъемлемая часть законодательства о государственном управлении: проблемы теории и практики // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
6. Краснобаева, Л.А. Теория и практика предоставления государственных услуг в странах СНГ // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
7. Краснобаева, Л.А. Типология публичных услуг // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
8. Парфенчик, А.А. Характерные признаки электронных государственных услуг // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
9. Парфенчик, А. А. Пользователь электронной государственной услуги: правовой статус // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.
10. Антанович, Н.А. Основные направления становления и прикладного применения «цифровой политологии»/ Н.А.Антанович // Вестн. Брестского гос. ун-та. Сер.1. Философия. Политология. Социология – 2020. – № 1. – С.77–85.
11. Абламейко, М.С. Правовые вопросы функционирования электронной торговли при развитии цифровой экономики Республики Беларусь / М.С. Абламейко // Журнал «Право.by». – 2018. – № 6. – С.14–35.
12. Бондаренко, Н.Л., Конаневич, Ю.Г. О правовой и организационной природе процессов цифровизации и регуляторной функции государства в данной сфере/ Н.Л. Бондаренко, Ю.Г.Конаневич // ExJure. – 2021. – № 1. – С.56–64.
13. Бачило, И.Л. Информационное право : учебник для вузов / И. Л. Бачило. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2023. — 419 с.
14. Талапина, Э.В. Перспективы правового регулирования качества публичного управления. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.
15. Зеленцов, А.Б., Гацолати, В.Э. Публично-правовая услуга по государственной регистрации организаций гражданского общества // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.

16. Хасянов, Р.З. Социально-политическое предназначение института передачи государственных полномочий организациям: привлечение экспертных знаний и повышение качества государственных услуг // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.

17. Парфенчик, А.А. Правовое регулирование оценки эффективности цифровизации предоставления государственных услуг // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

18. Качество услуг.бел [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://качество-услуг.бел/about-portal>

19. Попов, А. П. Правовые теории в русской философии / А. П. Попов // Русская философия на исходе XX века: итоги и перспективы : тезисы VI конференции по русской философии, Пятигорск, 19–21 сентября 1996 года. – Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 1996. – С. 90-92. – EDN WMBXTR.

Н.А. Фальшина

кандидат юридических наук, доцент,
преподаватель Юридического факультета
Южного федерального университета
г. Ростов-на-Дону
nelli.falshina@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВАХ (НА ПРИМЕРЕ КИТАЯ)

Аннотация. В настоящей статье проводится анализ трансформации социальных отношений в условиях интенсивного развития цифровых технологий в таком государстве как Китай. В настоящее время в этой стране наблюдается активный рост внедрения цифровых технологий во все сферы социальных связей. Граждане Китая все активнее используют цифровые ресурсы не только в профессиональной сфере, но и в повседневной жизни. При этом нельзя сказать, что Китай находится сегодня на лидирующих позициях среди стран инновационных лидеров. Индекс цифровой адаптации Всемирного Банка ставит Китай на пятидесятое место среди сто тридцать одной страны, а индекс Мирового экономического форума определяет Китай на пятьдесят девятое место из ста тридцати девяти стран. В вопросе освоения и внедрения цифровых технологий Китай ставит, тем не менее, сегодня амбициозные цели.

Ключевые слова: цифровые технологии, социальные отношения, государство, законодательство, заимствование, адаптация, национально-правовые особенности.

N. A Falshina,

Candidate of Juridical Sciences, Associate
Professor, Faculty of Law, Southern
Federal University, teacher
Rostov-on-Don
nelli.falshina@yandex.ru.

TRANSFORMATION OF SOCIAL TIES UNDER THE INFLUENCE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN FOREIGN COUNTRIES (ON THE EXAMPLE OF CHINA)

Abstract: This article analyzes the transformation of social relations in the context of the intensive development of digital technologies in such a state as China. Currently, in this country

there is an active growth in the introduction of digital technologies in all spheres of social ties. Chinese citizens are increasingly using digital resources not only in the professional sphere, but also in everyday life. At the same time, it cannot be said that China is today in a leading position among the countries of innovative leaders. The World Bank's Digital Adaptation Index ranks China in fiftieth place among one hundred and thirty-one countries, and the World Economic Forum Index ranks China fifty-ninth out of one hundred and thirty-nine countries. In the matter of mastering and introducing digital technologies, China sets, nevertheless, ambitious goals today.

Key words: digital technologies, social relations, state, legislation, borrowing, adaptation, national and legal features

В последние годы в Китае наблюдается стремительный рост развития цифровых технологий и их активное влияние на социальные отношения. Цифровые технологии вторглись в такие сферы как электронная торговля, финансы, сфера производства. Пекин поставил своей целью укрепление технологического потенциала и достижения уровня развития развитых государств, обозначив такие ориентиры как совершенствование национального законодательства, которое сможет обеспечить реализацию всех инноваций без нарушения прав граждан, конкуренцию в сфере оказания потребительских услуг, повышение квалификации профессионалов в ключевых сферах национальной экономики, обеспечение социальных гарантий, цифровая грамотность. Так, в середине марта 2022 года власти Китая представили пятилетнюю стратегию, в соответствии с которой запланировано дальнейшее развитие государства и права с использованием информационных технологий. При этом отмечалось, что дальнейшая модернизация общественных отношений категорически не возможна без внедрения цифровых технологий.

Период трансформации социальных связей, обусловленный интенсивным развитием цифровых технологий начался в Китае еще в двадцатом веке в семидесятых годах, продолжился в восьмидесятых с появлением микроэлектроники и электронно-вычислительных машин, набирая новый оборот в девяностых годах с появлением сети Интернет, а в двухтысячных с появлением робототехники и искусственного интеллекта. В настоящее время в этом государстве продолжается активное внедрение цифровых технологий во все сферы социальных связей.

В 2016 году на Саммите «Группы двадцати», Китай в своей повестке обозначил проблемы, которые необходимо разрешить в ближайшие сроки и с использованием соответствующих цифровых ресурсов: глобальная торговля, цифровая экономика, электронная торговля, кибербезопасность, обновленное актуальное законодательство, способное регулировать современные общественные отношения. Таким образом, в начале века Китай берет курс на использование возможностей, которые предоставляют технологические инновации, научно-техническая революция, промышленная трансформация и цифровая экономика, курс на активное сотрудничество в рамках цифровой экономике и новой промышленной революции, на развитие новых технологий, новых отраслей, новых бизнес-моделей и цифровых продуктов. Сегодня эта страна пришла к тому, что активно поддерживает и поощряет инновации и усиливает роль цифровой экономики в росте реального сектора экономики государства, отслеживает риски и вызовы, связанные с применением цифровых технологий, укрепляет нормативно-правовую базу и повышает цифровую грамотность, что позволяет связывать процессы внедрения цифровых технологий и технологического развития с процессами глобальной торговли.

Провозгласив своей глобальной целью укрепление технологического потенциала и достижения уровня развитых стран, путем внедрения цифровых технологий во все сферы социальных отношений, Китай поставил соответствующие стратегические задачи [1].

Разрешение задач, связанных с внедрением цифровых технологий, находится в зоне

ответственности Государственного Совета при руководящей роли Коммунистической партии Китая, Министерства науки и технологий, Министерства промышленности и информационной технологий, Министерства образования, Центральной ведущей группы по кибербезопасности и информатизации, Комиссии по развитию и реформам, подведомственных институтов Китайской академии наук, Китайской академии информационных и коммуникационных технологий [1].

В Плате социально-экономического развития КНР до 2025 года были обозначены пять стратегий развития: инновации, координация, открытость, всеобщий доступ к плодам развития.

Нормативно-правовая база в области внедрения и разработки цифровых технологий активно обновляется с начала двухтысячных годов. Ключевыми задачами здесь были обозначены: снижение налогов предприятий, оптимизация государственного сектора, развитие цифровой экономики и ее высокотехнологичных областей, активное вовлечение в процесс освоения цифровых технологий частного капитала. Правительство Китая еще в 2006 году разработало ряд важнейших документов: Национальную программу развития науки и технологий, Государственную стратегию по развитию информатизации, Программу «Цифровая экономика - 2020; план действия для китайских предприятий», План «Цифровой Китай» с перспективой до 2020 года.

Все указанные документы были приняты в рамках разрешения таких задач как повышение производительности с использованием цифровых технологий, трансформация промышленности с использованием цифровых технологий, мобильного интернета, компьютеризация всех китайских предприятий к 2025 году, адаптация и совершенствование цифрового законодательства, формирование современной правовой системы, способной обеспечить соответствующую правовую защиту в условиях внедрения и активного использования цифровых ресурсов.

Соответственно в 2016 году принимается «Закон о кибербезопасности», так называемая, новая редакция «Белой книги по интернет-праву», а в 2017 году закон «Об электронной торговле». В указанный период разрабатываются и принимаются законы «О защите личной информации» и «О безопасности данных». Намеченный вектор правовой политики Китая, позволил стать этой стране лидером в электронной торговле.

Так, развитие актуального и отвечающего потребностям общества цифрового законодательства позволит обеспечить инновацию и конкуренцию, повысить квалификацию профессиональных работников, поднять общий уровень цифровой грамотности, соответствующий требованиям цифровой экономики, обеспечить подотчетность и необходимый контроль за институтами частного и государственного сектора, интегрированного в сферу цифровых отношений. Сегодня для этого государства принципиально важным является выработка нового национального цифрового законодательства, которое позволит разрешить поставленные задачи. Однако, следует заметить, что современный уровень внедрения и использования цифровых технологий в Китае демонстрирует серьезный рывок вперед и часто опережает принятие необходимого законодательства, регулирующего возникающие социальные отношения. Такие тенденции вызывают бурные дискуссии на тему нарушения прав граждан и вопросы о том, чем для современного человека может обернуться повсеместное внедрение цифровых технологий во все сферы его жизнедеятельности. Так, высказывается мнение о том, что сегодня сочетание искусственного интеллекта и биотехнологий, биометрические датчики, системы распознавания лиц и голоса, позволяют современной власти осуществлять наблюдение за всем чем живет и занимается его гражданин, что рано или поздно может привести к созданию тоталитарного режима.

Немаловажную роль играет научная составляющая процесса внедрения и освоения цифровых технологий. Наблюдается рост наукоемкой продукции, указанный процесс активно поддерживается академической средой, а государство, в свою очередь, активно финансирует научно-исследовательские институты, университеты, лаборатории,

мотивирует студентов высших учебных заведений, которые выпускаясь, становятся учеными, специалистами высокого уровня в области цифровых технологий.

Достаточно ярко демонстрирует трансформацию социальных связей, в условиях развития цифровых технологий, система социального кредита или система социального доверия, которая хотя и начиналась с пилотных проектов в 2014 году, распространилась в настоящее время на всю территорию Китая. Система строится на социальном рейтинге или рейтинге доверия. Социальный рейтинг представляет собой интегральную оценку поведения человека по критериям доброжелательности и открытости обществу, уважения и следования национальным традициям, национально-политическому курсу, то есть построению социализма. В зависимости от того как гражданин выстраивает социальное взаимодействие зависит его социальный рейтинг и набранные в соответствии с ним баллы. Пекин впервые в мире попытался объединить сведения о своих гражданах на федеральном уровне, из банков, с места работы, учебы, с места жительства. В соответствии с чем, каждый гражданин получил пожизненный электронный идентификатор, данные в котором формулируются только государственными органами власти. И теперь приобретение собственности, автотранспортного средства, доступ к интернету, получение или аренда жилья, поступление на работу, остальные важные социальные и бытовые блага возможно будет реализовать только при наличии электронного идентификатора, имеющего вид пластиковой карты. Также, в указанный документ заносятся такие данные как фамилия, имя, отчество, семейное положение, сведения о наличии имущества, кредитная история, соблюдение трудовой дисциплины на рабочем месте, участие в благоустройстве, уборке мусора, об отношениях с соседями, данные судебных органов, сведения полиции, иных правоохранительных баз, систем видеонаблюдения. Информация о гражданине собирается с помощью системы интернета вещей, снабженных видеокамерами. Вся эта информация аккумулируется китайскими властями.

Система видеоконтроля, также, используется для реализации целей Национальной полиции и для служб безопасности. Для системы социального рейтинга, видеокамеры фиксируют и регистрируют, а затем и передают мелкую бытовую информацию, также, касающуюся благородных и негативных поступков [2].

При снижении социального рейтинга партийные чиновники, руководители в бизнес-структурах, а также члены их семей и даже разведенные супруги попадают с 2020 года в так называемый «черный список».

Партийные чиновники и руководящие работники бизнес-структур с высоким рейтингом включают в программы переподготовки кадров с последующим повышением по службе, они имеют реальную возможность получить льготные кредиты, преференции при проведении различных тендеров на государственные закупки, поддержка со стороны государства при проведении экспортно-импортных операций.

Простые граждане, обладающие высоким рейтингом, имеют возможность приобретать билеты на самолет и скоростные поезда со скидкой двадцать пять процентов, подключаться к высокоскоростному Интернету, использовать пониженные ставки по банковским кредитам с компенсации со стороны государства, преимущество на конкурсе при поступлении на службу, бесплатное повышение квалификации [2].

Важно отметить, что в Китае доверие – есть синоним гармонии между человеком, обществом и государством, а гармония – это цель каждого китайца. Руководитель Китайской Народной Республики неоднократно заявлял, что для построения общества, где имеет место доверие, необходимо создать систему оценки надежности, необходимо совершенствовать механизмы поощрения законопослушных и добросовестных граждан и механизмы наказания и порицания тех, кто нарушает социальные и правовые нормы в китайском обществе, чтобы все граждане стремились жить открытой и честной жизнью. Сформированная система социального доверия при использовании искусственного интеллекта стала для Китая новым вектором развития и важнейшим элементом в структуре партийно-государственного управления. Система социального доверия - это

инструментарий, позволяющий приблизиться к так называемой китайской мечте, которая полностью соответствует китайским традициям и обычаям, при этом основывается на технологиях искусственного интеллекта.

Очевидно, что потенциал цифровой революции достаточно велик и использовать его возможно только обеспечив определенные условия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК [Электронный ресурс] // Агентство Синьхуа: сайт Синьхуанэт. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm // дата обращения 06.06.2022.

2. Черных Е. Китай - «электронный концлагерь» или «цифровой рай»// <https://www.kp.ru/daily/27061.3/4127970/> дата обращения 07.06.2022.

3. Акименко, М. А. О некоторых криминологических свойствах фейковой информации в современных условиях / М. А. Акименко // Актуальные проблемы правосудия и правоохранительной деятельности : Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Пятигорск, 26 апреля 2022 года. – Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2022. – С. 217-221. – EDN CHJRAE.

СЕКЦИЯ № 4
«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И ПРОЦЕССА»

М.А. Акименко
кандидат юридических наук, доцент кафедры
уголовно-правовых дисциплин и судебно-экспертной
деятельности Юридического института
Пятигорского государственного университета
maralkas@yandex.ru

**О НЕКОТОРЫХ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ПРОЯВЛЕНИЯ
КИБЕРТЕРРОРИЗМА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ**

Аннотация. В данной статье рассмотрены некоторые аспекты развития российского общества нынешних геополитических условиях, влияющие на рост различного рода деструктивных криминальных проявлений кибертерроризма.

Ключевые слова: терроризм, информация, закон, хакер, интернет, информационные войны.

М.А. Akimenko
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of
Criminal Law Disciplines and Forensic Activity of
the Law Institute of Pyatigorsk State University
maralkas@yandex.ru

**SOME CRIMINOLOGICAL ASPECTS OF THE MANIFESTATION OF
CYBERTERRORISM USING THE INTERNET**

Abstract: This article discusses some aspects of the development of Russian society in the current geopolitical conditions that affect the growth of various kinds of destructive criminal manifestations of cyberterrorism.

Keywords: terrorism, information, law, hacker, Internet, information wars.

В настоящее время, когда мы все переживаем времена глобального переустройства мирового порядка сопряженного с различного рода проявлениями, как положительного свойства, так и зачастую несущих в себе негативную (асоциальную окраску).

Данные изменения сопряжены не только с социально-правовой трансформацией международных процессов, но и напрямую связаны с изменением возможностей связанных с распространением и использованием информации.

Информация в наши дни это не только, какие либо данные или сведения, а и практически не имеющее недостатков совершенное «оружие», с практически молниеносной скоростью распространения. Что доказывают те события, которые в настоящее время происходят на постсоветском пространстве.

Причем как любое «вооружение» информация, в наши дни, обладая рядом специфических криминологически-универсальных кумулятивными свойствами и характеристиками позволяет негласно проводить реализацию информационных атак которые в свою очередь в результате систематичности и отсутствием «потерь» причащаются в различного рода информационные войны, которые могут быть запущены как обособленно, и зачастую выступать предпосылкой реального конфликта, либо быть сопряжены уже непосредственно с самим конфликтом, превращаясь в универсальное «оружие» сторон участников конфликта. Тем самым можно высказать предположение о

том, что информационные войны могут иметь дуалистическую природу своего возникновения.

В свою очередь единицей оружия информационного характера становится проявление различного рода кибертерроризма. А с всевозрастающей ролью глобальной сети и процессов цифровизации кибертерроризм приобретает новые криминально кумулятивно значимые характеристики, как и терроризм общеуголовного свойства [1]. Диверсифицируя свою природу и структурные особенности информации.

Если еще несколько лет назад кибертерроризм можно было охарактеризовать, как запланированные кибератаки на информационные системы, программы и данные, приводящая к насильственным действиям, основная цель которых направлена на достижение политических или идеологических мотивов преступников [2]. То есть отдельных аполитичных личностей или группировок (организованных преступных групп). Статистика последних лет до пандемийного периода развития общества свидетельствовала о том, что например, по данным Центра стратегических и международных исследований (CSIS), крупные атаки кибертеррористов были направлены на госучреждения, оборонные и высокотехнологичные компании, а также на совершение финансовых преступлений с ущербом более одного миллиона долларов США [3].

То за последние два года можно засвидетельствовать не просто приращение кибератак и рост киберактивности преступных групп, а целый стратегически оборудованный плацдарм отдельных государств направленный на информационную инфраструктуру нашего государства.

Что в свою очередь позволяет говорить возрастающей роли криминальной деятельности, так называемых хакеров «в черной шляпе» с одной стороны, противоправная деятельность которых практически во всем мире направлена на распространение различного рода фейковой информации о террористических атаках на различного рода социально значимые учреждения (школы, больницы, детские сады) и учреждения различного уровня отдельных ветвей власти (суды, прокуратуры, администрации муниципальных образований) в различных городах РФ.

Так, например, с начала 2023 года в городе зафиксировано 14 ложных сообщений о минировании общеобразовательных школ, а также городского суда в городе-курорте Кисловодске [4].

Аналогичны сообщения на протяжении всей осени (т.е. в начале учебного года в 2023 году) получали школы практически на всей территории Ставропольского края и соседних республик, о чем свидетельствует проведенный нами контент-анализ сообщений из средств массовой информации [5]. С другой стороны можно также отметить повсеместную активность так называемых хактивистов.

С определенной долей уверенности можно сказать, что на Украине и поддерживающих ее иных странах существует целая армия таких специалистов криминальная активность которых направлена на дестабилизацию обстановки в нашей стране с одной стороны, и покушение на обеспечение информационного суверенитета РФ в целом, и информационную открытость различных ветвей власти в нашей стране в частности.

Так как именно данные хактивисты занимаются взломом официальных веб-сайтов. Чаще всего объектом их противоправных действий становятся именно правительственные сети с веб-сайтам. В настоящее время кибератаки на российские официальные информационные ресурсы за последние года с момента объявления Специальной Военной операции на Украине нашей страной возросли в геометрической прогрессии, с постоянной тенденцией только к росту.

Данное обстоятельство, а также факторы, упомянутые выше свидетельствуют о том факте, что Российская Федерация в настоящее время находится не просто под сильнейшей атакой кибертеррористов, а находится именно в состоянии информационной войны. При этом в одних сферах массово запускается фейковая информация не имеющая под собой ни

малейшего права на существования, данная информация направлена как на дискредитацию СВО и российских войск, так и затрагивает другие сферы жизнедеятельности общества, прежде всего, социально значимых объектов и ресурсов. Причем для осуществления данных действий активно привлекаются «черные» кибертеррористы по всему миру, то есть в настоящее время можно говорить о процессах сращивания кибертерроризма с нацистскими режимами отдельных государств. Соответственно идет их повсеместная эксплуатация и взаимодействие с ними приобретающее транснациональнограницный характер, а по сути наемничество.

С другой стороны использование таких же схем для вовлечения в качестве рекрутов данного информационного противостояния хактивистов тоже в качестве наемников. Для дестабилизации открытости информационных ресурсов органов государственной власти, также посредством транснационального наемничества.

Исходя из сложившейся ситуации Российской Федерации необходимо выработать отдельную доктрину национального характера по кибербезопасности. Приоритетными направлениями которой должны стать меры противодействия различного рода информационным вбросам с одной стороны, с другой противостоять тому информационному вакууму с которым сталкиваются обычные обыватели члены российского общества, более оперативным откликом на различного рода фейковые информационные вбросы из вне. Кроме этого, на наш взгляд в сложившихся условиях в нашей стране необходимо разработать меры по дополнительному привлечению так называемых хакеров, как в белой, так и в красной шляпе, для более оперативного противостояния данному информационному конфликту, который сопряжен зачастую эскалацией конфликта на Украине.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бабошина, Е.В. Расселение народов Северного Кавказа в XVIII – начале XIX в / Е.В. Бабошина, Д.С. Кидирниязов // Актуальные вопросы истории: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Хасавюрт, 07 ноября 2015 года. – Хасавюрт: Радуга-1, 2015. – С. 35-44.
2. Кибертерроризм: виды атак, хакеров и их влияния на цели // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.securitylab.ru/analytics/534885.php?ref=123>
3. Кибертерроризм: виды атак, хакеров и их влияния на цели// [Электронный ресурс]. URL: <https://www.securitylab.ru/analytics/534885.php?ref=123>
4. Школы Кисловодска вновь проверяют из-за угрозы минирования // [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/17004037>
5. Минирования школ в СКФО оказались ложными [Электронный ресурс]. URL <https://www.kavkaz-uzel.org/articles/380897/>

К.А. Амиянц
кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры уголовного права, процесса и криминалистики
Пятигорского института (филиала),
Северо-Кавказского федерального университета
г. Пятигорск
aka19811982@yandex.ru

А.А. Мордовина
кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры уголовного права, процесса и криминалистики
Пятигорского института (филиала),
Северо-Кавказского федерального университета
г. Пятигорск
karbalmaz@yandex.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРИПТОВАЛЮТЫ КАК ПРЕДМЕТА ВЗЯТКИ

Аннотация. Статья посвящена особенностям такого коррупционного поведения как взяточничество в криптовалюте. Проводится анализ определения криптовалюты, как предмета взяточничества в теории и практике. В статье использованы нормативно-правовые акты, материалы судебно-следственной практики по делам о взяточничестве, а также сообщения средств массовой информации по состоянию на 01 марта 2023 года.

Ключевые слова: дача взятки, получение взятки, коррупция, криптовалюта, цифровые права, биткойны.

К.А. Amiyants
candidate of law, associate professor,
associate professor of the department of Criminal law,
process and criminalistics
Pyatigorsk institute (branch),
North Caucasus Federal University, Pyatigorsk
aka19811982@yandex.ru

A.A.Mordovina
candidate of law, associate professor,
associate professor of the department of Criminal law,
process and criminalistics
Pyatigorsk institute (branch),
North Caucasus Federal University, Pyatigorsk
karbalmaz@yandex.ru

USING CRYPTOCURRENCIES AS THE SUBJECT OF A BRIBE

Summary: The article is devoted to the peculiarities of such corrupt behavior as bribery in cryptocurrency. The analysis of the definition of cryptocurrency as a subject of bribery in theory and practice is carried out. The article uses normative legal acts, materials of judicial and investigative practice in cases of bribery, as well as media reports as of March 01, 2023.

Keywords: giving a bribe, receiving a bribe, corruption, cryptocurrency, digital rights, bitcoins.

Современные цифровые технологии активно входят в нашу жизнь и уже являются

неотъемлемыми элементами функционирования граждан общества и государства. Российская Федерация, более пяти лет назад обозначила стратегические планы по переходу к цифровой экономике. Распоряжением Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р была утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации». После которой был принят целый ряд нормативно-правовых актов, направленных на регулирование отдельных блоков (технологий) цифровой экономики. Часть из них была направлена на легализацию криптовалют и иных цифровых активов. В качестве примера можно привести Федеральный закон от 18.03.2019 N 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации». Здесь законодатель дополнил объекты гражданских прав (ст. 128 ГК РФ) понятием «Цифровые права». С 2021 года вступил в силу Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах и цифровой валюте».

Цифровыми финансовыми активами были названы цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг. Кроме того, изменения были внесены в ряд Федеральных законов. Суть внесенных изменений заключается в том, что для целей указанных законов цифровая валюта признается имуществом. Анализируя данные изменения можно сделать вывод, дополнениям подверглось, в том числе антикоррупционное законодательство.

Буквально несколько лет назад (2017-2018 годы), при полном отсутствии законодательного понимания правового статуса криптовалют, вопрос об использовании криптовалюты в коррупционной деятельности имел прямо противоположные мнения. Так, некоторые исследователи начали отмечать «коррупционный интерес» к криптовалютам, фактически не имеющим правовой статус и находящихся вне закона (хотя и не запрещенных им) [6, с. 19-22; 12]. Отмечалось, что взяточничество в криптовалюте вполне возможно [7, с. 376-381]. При этом многие отмечали, что криптовалюта (на тот момент), не имеет никакого правового статуса: к имуществу или имущественным правам не относится, не является объектом права и как следствие не может являться предметом взяточничества. Некоторые официальные лица делали заявления о том, что криптовалюта не может быть предметом взятки [4]. При этом в сфере гражданской юстиции были вынесены решения, в которых криптовалюта была признана имуществом [1; 2].

Развитие законодательства о правовом регулировании «цифровых прав», «цифровых финансовых активов», «криптовалют» изменило ситуацию как на страницах научной печати так и на практике. В настоящее время выводы многих ученых о возможности коррупционного использования цифровых финансовых активов, в том числе как предмета взятки [9, с. 82-96] подтверждаются не только сформированной нормативно-правовой базой, но и разъяснениями Верховного суда РФ.

В частности, Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 26.02.2019 № 1, были внесены изменения в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 года № 32 "О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем" [3].

В указанном Постановлении даны разъяснения о применении статей 174, 174.1 УК РФ, касающиеся расширения предмета данных преступлений, которым могут выступать в том числе и денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалюты), приобретенных в результате совершения преступления.

Аналогичные изменения были внесены 24.12.2019 в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 "О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях". В частности: в п. 9 указанного Постановления содержится указание на цифровые права и возможность получения дохода от их использования – материальная выгода для взяточполучателя.

Использование криптовалюты в целом в преступной деятельности является достаточно распространенным явлением. При этом криптовалюта используется скорее как средство совершения преступления.

Согласно проведенным исследованиям экспертами департамента по правовым вопросам компании «RTM Group» в последнее время все более распространенными становятся преступления, так или иначе связанные с криптовалютой. В 2021 г. на 40% увеличилось количество таких уголовных дел по сравнению с 2020 г. В 2021 году было вынесено 927 приговоров и иных судебных актов по уголовным делам; в 2020 г. – 661. Основными категориями преступлений, как отмечают эксперты, в 2021 г. (как и в 2020 г.) стали:

- 1) преступления, связанные с оборотом наркотических средств (для анонимности оплата запрещенных веществ производится преступниками криптовалютой);
- 2) преступления против собственности (составы по ст. 158 и 159 УК РФ);
- 3) преступления в сфере экономической деятельности (незаконная организация и проведение азартных игр (ст. 171.2), легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления (174.1 УК РФ) [8].

При всем при этом использование криптовалюты в коррупционных проявлениях является не столь распространенным явлением, если исходить из официальных сведений о возбужденных уголовных делах и вынесенных приговорах.

Новые законодательные решения и принятые в соответствии с ними разъяснения высшей судебной инстанции, являются на наш взгляд основой формирования новой судебно-следственной практики в противодействии коррупции. Однако, как показывает практика, количество зафиксированных в России фактов взяточничества с применением криптовалют ничтожно мало. Анализ материалов, находящихся в открытом доступе, позволил обнаружить только три зафиксированных случая использования криптовалюты в качестве предмета взятки.

Об этих случаях стало известно из средств массовой информации и интернет-изданий. Например, сообщалось, в 2021 году сообщалось о возбуждении следственным комитетом уголовного дела по факту взяточничества (дача и получение), где предметом взятки являлись биктоины. Дача взятки происходила посредством перевода биткойнов в электронный кошелек подозреваемых. Средства массовой информации сообщали, что речь шла о получении взяток за защиту диссертации, в качестве подозреваемых были привлечены сотрудники профессорско-преподавательского состава Московского педагогического государственного университета (МПГУ) [10].

В другом случае второй Западный окружной военный суд вынес приговор бывшим сотрудникам 7-го отдела (борьба с преступлениями в сфере компьютерных технологий) Следственного управления ФСБ РФ майору юстиции Сергею Белоусову и капитану юстиции Алексею Колбову. Они признаны виновными в получении взятки биткойнами в особо крупном размере (ч. 6 ст. 290 УК РФ). Биткойны были перечислены на электронный кошелек Колбова. По этому делу суд конфисковал в доход государства биткойны, которые Колбов успел получить от сына Галумова на свой электронный кошелек (0,1 и 4,7402335 биткойна, в рублевом эквиваленте по курсу на тот момент - 3 млн 25 тыс. рублей) [5].

На проблему взяточничества в криптовалюте обратил внимание в конце 2022 года Генеральный прокурор РФ И. Краснов. И. Краснов привел пример привлечения к уголовной ответственности начальника отдела управления по контролю за оборотом наркотиков в Хакасии. Он договорился с оператором одного из интернет-магазинов, занимавшимся сбытом наркотиков, за взятку задержать и привлечь к уголовной ответственности лицо, которое похитило у взяткодателя наркотические средства. «Кроме того, он сообщал сведения о проводившихся оперативно-разыскных мероприятиях участникам организованной группы, осуществлявшей незаконный сбыт наркотических

средств через интернет-магазин, инструктировал их о мерах безопасности для избежания наказания», - рассказал генпрокурор. За это, по его словам, теперь уже бывший «страж порядка», получил взятку в биткоинах, которую через Qiwi-кошелек перевел в рубли и перечислил на банковскую карту. В итоге он был осужден на пять лет лишения свободы, пояснил Краснов [11].

Также, следует отметить, что сложности установления перечисления криптовалюты на анонимные электронные кошельки преодолимы. Так, по мнению управляющего партнера Key Consulting Group Анастасии Кучереной, криптовалюты не дают той анонимности, о которой многие заявляют, и биткоин не эффективен для теневой экономики. Она обратила внимание на то, что уже есть кейсы, когда ФБР получали доступ к кошелькам криминальных группировок: они смогли отследить следы всех транзакций и вычислить всех участников [11].

Несмотря на приведенные примеры обнаружить какую либо статистику использования криптовалют либо иных цифровых активов для целей взяточничества до настоящего времени не удастся. Представляется, что данное явление носит высоколатентный характер, и требует дополнительного исследования.

Подводя итоги можно сделать ряд выводов:

1) Законодательство и цифровых активах и криптовалютах находится на стадии формирования, несмотря на принятые законодательные решения.

2) Анализ действующего регулятивного и охранительного законодательства в части криптовалют и иных цифровых активов свидетельствует о том что криптовалюта является предметом взятки.

3) Позиция Верховного суда РФ говорит нам об однозначном признании криптовалюты как предмета взятки. В настоящее время действует несколько постановлений, в которых нашла отражение действующая позиция.

4) Практика признания криптовалюты как предмета взятки не является сформировавшейся, выявленные случаи – единичны, что может говорить о высокой латентности данного явления и требует дополнительного исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Постановление 9-го ААС от 15.05.2018 по делу № А40-124668/2017, Постановление 9-го ААС от 18.04.2019 по делу № А40-12639/2016 и т. д. // Справочная правовая система Консультант-Плюс.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.02.2019 N 1 "О внесении изменений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 года N 32 "О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем". // <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/56998.html/>

3. Алексеева Т. Тульский прокурор Козлов: «Биткоин взяткой не является, а секс-услуги – да». // <https://myslo.ru/news/tula/2017-12-12-tul-skij-prokuror-kozlov-bitkoin-vzyatkoj-ne-yavlyaetsya-a-seks-uslugi-da?ysclid=1f9o66557e761877214> (Дата обращения 14.03.2023).

4. Айвазидис, А. К. Становление и развитие функции Национального Банка Республики Казахстан по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма / А. К. Айвазидис // Университетские чтения – 2022 : Материалы региональной межвузовской научно-практической конференции, Пятигорск, 13–14 января 2022 года. Том Часть XIV. – Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2022. – С. 34–38. – EDN ASFJPS.

5. Вынесен приговор следователям ФСБ, бравшим взятку криптовалютой. // [Новости](https://legal.report/vynesen-prigovor-sledovatelyam-fsb-bravshim-vzyatku-kriptovaljutoj/) 26.02.2021. Сетевое издание LEGAL.REPORT // <https://legal.report/vynesen-prigovor-sledovatelyam-fsb-bravshim-vzyatku-kriptovaljutoj/>? (Дата обращения 14.03.2023).
6. Дворянкин О.А., Клочкова Е.Н. Криптовалюта – новый инструмент наркобизнеса. // Наркоконтроль. 2018. № 4. С. 19-22.
7. Куликова А.А., Жмурко Р.Д. Криптовалюта как предмет преступления: проблемы квалификации и защиты. Вестник Алтайской академии экономики и права. - № 11, 2020. – С. 376-381.
8. Отчет департамента по правовым вопросам компании «RTM Group»: «Криптовалюта и криптобиржи. Майнинг: судебная практика и ключевые аспекты».// <https://rtmtech.ru/research/research-cryptocurrency/> (Дата обращения 14.03.2023).
9. Пинкевич Т.В. Предупреждение преступлений, совершаемых в сфере оборота цифровой валюты (криптовалюты). // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 4 (66). С. 82-96.
10. Тхабисимова, Л. А. Конституционная законность: понятие, содержание и проблемы обеспечения / Л. А. Тхабисимова, А. В. Урумов // Право и государство: проблемы методологии, теории и истории : материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 17 мая 2019 года. – Краснодар: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации", 2019. – С. 63-69. – EDN SOETAQ.
11. СК завел дело о взятках биткоинами за диссертации в МПГУ. // Общество , 25 авг 2021, Сетевое издание «РБК»// <https://www.rbc.ru/society/25/08/2021/61262ebe9a7947383e067c59>
12. Тёткин М. В России впервые выявили взятки криптовалютой.// Регулирование , 09 декабря 2022, Сетевое издание «РБК». // <https://www.rbc.ru/crypto/news/6393332a9a794718443ac7a5>
13. Юдина П. Чиновники смогут брать взятки криптовалютами. // Ведомости 24 января 2018 // <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2018/01/24/748769-chinovniki-vzyatki-kriptovalyutami?ysclid=lf9nymzls7568113526>

Р.А. Клычев

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой
уголовно-правовых дисциплин и судебно-экспертной
деятельности Юридического института Пятигорского
государственного университета
rafael-77@inbox.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация. Тема научной статьи является крайне актуальной в свете необходимости постоянного совершенствования уголовного законодательства и его практической реализации. Дифференциация уголовной ответственности, то есть применение различных видов наказания в зависимости от тяжести совершенного преступления и личности виновного, является одним из ключевых механизмов борьбы с преступностью. В настоящее время существует ряд проблем, связанных с дифференциацией уголовной ответственности, которые необходимо рассмотреть и проанализировать для разработки эффективных мер по их решению. Некоторые из этих проблем включают несоответствие наказания тяжести преступления, неравномерное применение уголовных наказаний, неадекватность уголовной ответственности и др. В

связи с этим, исследование проблем дифференциации уголовной ответственности в Российской Федерации является актуальным и необходимым для разработки эффективных мер по совершенствованию уголовного законодательства.

Ключевые слова: современные проблемы, дифференциация, уголовная ответственность, Российская Федерация, преступления, криминализация, уголовно-правовая система, законодательство.

Klychev R.A.

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines and Forensic Activity of the Law Institute of Pyatigorsk State University
rafael-77@inbox.ru

MODERN PROBLEMS OF DIFFERENTIATION OF CRIMINAL RESPONSIBILITY

Abstract. The topic of the scientific article is extremely relevant in the light of the need for continuous improvement of criminal legislation and its practical implementation. The differentiation of criminal liability, that is, the application of various types of punishment depending on the severity of the crime committed and the identity of the perpetrator, is one of the key mechanisms for combating crime. Currently, there are a number of problems related to the differentiation of criminal responsibility that need to be considered and analyzed in order to develop effective measures to address them. Some of these problems include inconsistency of punishment with the severity of the crime, uneven application of criminal penalties, inadequacy of criminal liability, etc. In this regard, the study of the problems of differentiation of criminal liability in the Russian Federation is relevant and necessary for the development of effective measures to improve criminal legislation.

Key words: modern problems, differentiation, criminal liability, Russian Federation, crimes, criminalization, criminal law system, legislation.

В настоящее время дифференциация уголовной ответственности является важным инструментом уголовного права и используется для нахождения более эффективных способов борьбы с преступностью в Российской Федерации. В данной статье мы анализируем современные проблемы дифференциации уголовной ответственности в Российской Федерации, включая правовой анализ действующего законодательства, анализ практики применения дифференциации уголовной ответственности и оценку эффективности и проблемы дифференциации уголовной ответственности.

Вопрос дифференциации уголовной ответственности является одним из важнейших в российском уголовном праве, ведь от того, как будет определена ответственность за совершенные преступления, зависит не только справедливость правосудия, но и стабильность общественной жизни.

Дифференциация уголовной ответственности – это принцип, согласно которому уголовная ответственность за совершение преступления может быть определена на основе различных факторов, таких как характер совершенного преступления, уровень вины, мотивы и цели преступника, а также его личные качества⁴³. Дифференциация уголовной ответственности – важный инструмент судебных органов, который позволяет им определять меру наказания в соответствии с конкретными обстоятельствами дела и обеспечивать более эффективную борьбу с преступностью.

Правовой анализ действующего законодательства показывает, что дифференциация уголовной ответственности в Российской Федерации основывается на положениях Уголовного кодекса РФ, который устанавливает принципы дифференциации уголовной

---

⁴³ Уголовное право. Общая часть: учебник / Сиб. Федерал. Ун-т Юрид. Ин-т; ред. А.Н. Тарбагаев. – М.: Проспект, 2022. – 445 с.

ответственности и определяет, какие обстоятельства могут быть учтены при назначении наказания. Однако, законодательство не всегда ясно определяет критерии дифференциации уголовной ответственности и может приводить к непредсказуемым решениям в судах. Вопрос о средствах дифференциации ответственности является одним из основных в уголовном праве. Средства дифференциации ответственности, в частности, институты смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств, позволяют учесть все обстоятельства дела при назначении наказания.

Однако, согласно М.Н. Каплину, не все обстоятельства, предусмотренные ст. 61 и 62 УК РФ⁴⁴, являются средствами дифференциации ответственности. По его мнению, подобное утверждение верно в определенной степени только в отношении института отягчающих обстоятельств. В то же время, дифференцирующими могут быть любые смягчающие обстоятельства⁴⁵.

В целом, стоит выразить согласие с М.Н. Каплиным в том, что не все обстоятельства, предусмотренные ст. 61 и 62 УК РФ, являются средствами дифференциации ответственности. Тем не менее, считаем, что подобное утверждение относительно института отягчающих обстоятельств не является полностью верным. В частности, как правильно указал М.Н. Каплин, четкий дифференцирующий характер влияния имеет только рецидив (ст. 68). Однако, с учетом положений ст. 62 и ч. 4 ст. 65 УК, опосредованное дифференцирующее воздействие на наказание, на мой взгляд, могут оказывать любые отягчающие обстоятельства.⁴⁶

Анализ практики применения дифференциации уголовной ответственности показывает, что в России она используется достаточно широко, но часто вызывает споры и критику. Одной из проблем является то, что суды не всегда применяют дифференциацию уголовной ответственности в соответствии с установленными критериями, что приводит к непредсказуемым и несправедливым решениям. Кроме того, иногда дифференциация уголовной ответственности может привести к созданию прецедентов, которые могут оказать негативное влияние на борьбу с преступностью в целом.

Оценка эффективности и проблемы дифференциации уголовной ответственности показывает, что этот принцип может быть эффективным инструментом в борьбе с преступностью, если его применение осуществляется с учетом установленных критериев и принципов. Однако, проблемы с применением дифференциации уголовной ответственности могут возникать в случае неправильного определения критериев дифференциации, отсутствия четкой методики оценки установленных обстоятельств, а также в случае субъективизма судейской практики.⁴⁷

Одной из наиболее важных проблем, связанных с дифференциацией уголовной ответственности, является отсутствие единого подхода к определению критериев, по которым может осуществляться дифференциация. В некоторых случаях, суды могут руководствоваться непонятными или произвольными критериями, что может привести к несправедливым решениям. Еще одной проблемой является то, что дифференциация уголовной ответственности может быть использована для политической манипуляции или преследования определенных групп. В некоторых случаях, суды могут использовать дифференциацию уголовной ответственности для наложения более строгих наказаний на тех, кто выступает против власти.

Кроме того, необходимо учитывать, что применение дифференциации уголовной ответственности может привести к тому, что некоторые преступления будут

---

⁴⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // «Собрание законодательства РФ».

⁴⁵ Каплин М.Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Ур. гос. юрид. акад. - Екатеринбург, 2003. - 21 с.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Соболев В.В. Основание и дифференциация ответственности соучастников преступления: дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2018. – 206 с.

квалифицированы как менее серьезные, чем они есть на самом деле. Это может привести к тому, что те, кто совершил менее серьезное преступление, получают более легкие наказания, чем должны были бы получить в соответствии с их преступным поведением. Одной из проблем, с которой сталкивается современное российское законодательство, является проблема дифференциации уголовной ответственности за экономические преступления. В последнее время число преступлений в сфере экономики значительно выросло, что связано с активным развитием рыночных отношений и увеличением количества различных видов финансовых операций. В то же время, существующие нормы уголовного права не всегда позволяют эффективно бороться с экономическими преступлениями, что требует разработки новых методов дифференциации уголовной ответственности за такие преступления.⁴⁸

Еще одним важным вопросом, который необходимо рассмотреть при анализе современных проблем дифференциации уголовной ответственности в Российской Федерации, является проблема дифференциации уголовной ответственности за коррупционные преступления. Коррупция является одной из главных угроз для развития общества, и в России ей уделяется большое внимание. Однако, несмотря на существующие нормы уголовного права, преследование коррупционных преступлений не всегда эффективно, что требует разработки новых методов дифференциации уголовной ответственности.⁴⁹

Одной из основных проблем является недостаточная дифференциация уголовной ответственности по степени общественной опасности преступления. Нередко бывает так, что за разные преступления, которые могут иметь различную степень опасности для общества, применяются одинаковые наказания. Например, санкции за преступления, связанные с наркотиками, могут быть такими же, как и за преступления, связанные с незаконным оборотом оружия, хотя первые могут иметь более серьезные последствия для общества.⁵⁰

Еще одной проблемой является неравномерность применения дифференцированной уголовной ответственности в различных регионах Российской Федерации. В некоторых регионах суды более склонны применять дифференцированную уголовную ответственность, в то время как в других регионах применение этого принципа может быть ограничено. Также стоит отметить проблемы, связанные с необходимостью более детального определения критериев дифференциации уголовной ответственности и разработки единой методологии для их применения.

Для решения этих проблем необходимо проведение дополнительных исследований и разработка более детальных критериев дифференциации уголовной ответственности в соответствии с общественной опасностью преступления. Также важно создание единой методологии для применения этих критериев судами во всех регионах Российской Федерации. Только при таком подходе можно достичь более справедливой и эффективной дифференциации уголовной ответственности и обеспечить более эффективное противодействие преступности в Российской Федерации.

В целом, дифференциация уголовной ответственности может быть эффективным инструментом борьбы с преступностью, если ее применение осуществляется с учетом установленных критериев и принципов. Однако, необходимо учитывать, что ее применение может быть непредсказуемым и несправедливым, если суды не будут руководствоваться четкими критериями и принципами дифференциации уголовной ответственности. Также важно предотвращать возможность манипуляции этим

---

⁴⁸ Семенова П.В. Понятие дифференциации уголовной ответственности // Дифференциация формы и содержания в уголовном судопроизводстве. Нижний Новгород, 2019. С. 10-14.

⁴⁹ Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2003. С. 68.

⁵⁰ Соловьев О.Г., Самойлов А.Г. Понятие дифференциации уголовной ответственности // Уголовное право. 2021. № 5 С. 75-79.

инструментом в целях политической преследования или наложения более строгих наказаний на определенные группы. Для этого необходимо усилить контроль за применением дифференциации уголовной ответственности и обеспечить ее более прозрачное применение.

Для решения этих проблем, необходимо провести работы по усовершенствованию законодательства, определения более четких критериев дифференциации и разработки методик оценки установленных обстоятельств. Кроме того, необходимо проводить обучение судей и других участников уголовного процесса, чтобы улучшить понимание принципов дифференциации и обеспечить более единый подход к их применению.

Также важно усилить контроль за применением дифференциации уголовной ответственности, например, путем создания независимых органов, которые будут осуществлять мониторинг судебных решений и проверять их на соответствие установленным критериям дифференциации.

Следует отметить, что дифференциация уголовной ответственности является важным инструментом в борьбе с преступностью, но требует более прозрачного и единообразного подхода к ее применению. Необходимо провести работы по усовершенствованию законодательства, определению более четких критериев дифференциации, обучению судей и контролю за применением дифференциации уголовной ответственности, чтобы обеспечить более справедливое и эффективное применение этого инструмента в борьбе с преступностью.

Необходимо разработать более четкие и подробные критерии дифференциации, которые будут учитывать все обстоятельства дела, а также пересмотреть статьи Уголовного кодекса РФ, связанные с дифференциацией уголовной ответственности, чтобы улучшить их работоспособность и эффективность.

Судьи и иные участники уголовного судопроизводства должны проходить регулярное обучение и повышение квалификации, чтобы они могли лучше понимать и применять принципы дифференциации уголовной ответственности в своей работе. Также следует проводить более детальное и единообразное руководство для судей и других участников уголовного процесса по применению дифференциации уголовной ответственности.

Необходимо разработать специальные методы и инструменты, которые помогут судьям и иным участникам уголовного судопроизводства более эффективно и справедливо применять дифференциацию уголовной ответственности. Например, можно разработать методики оценки степени общественной опасности действия, а также методики определения соответствия назначенного наказания степени тяжести совершенного преступления.

В целях улучшения дифференциации уголовной ответственности также необходимо обеспечить более эффективную работу судов и других участников уголовного судопроизводства. Судьи и прокуроры должны иметь достаточную квалификацию и опыт для принятия правильных решений в сложных делах, особенно в случаях, когда применение дифференциации уголовной ответственности может быть спорным.

В этом контексте возможны следующие рекомендации:

1. Проведение дополнительных курсов и тренингов по дифференциации уголовной ответственности для судей и прокуроров. Это позволит повысить квалификацию и экспертизу участников уголовного судопроизводства, что в свою очередь может привести к улучшению применения дифференциации уголовной ответственности.

2. Разработка методических рекомендаций для судей и прокуроров по применению дифференциации уголовной ответственности в различных ситуациях. Это поможет судьям и прокурорам принимать более обоснованные и справедливые решения в конкретных случаях.

3. Совершенствование системы обучения для будущих судей и прокуроров, включая обучение этике и профессиональным стандартам. Это позволит формировать у

судей и прокуроров глубокое понимание важности дифференциации уголовной ответственности в обеспечении справедливости и правопорядка.

Кроме того, необходимо разработать методы и инструменты для повышения эффективности дифференциации уголовной ответственности. Например, можно использовать методы анализа данных и моделирования для исследования эффективности различных методов дифференциации уголовной ответственности. Также необходимо проводить мониторинг и оценку применения дифференциации уголовной ответственности в различных регионах страны, а также регулярно обновлять и анализировать статистические данные.

Также, важно обеспечить прозрачность и открытость в процессе применения дифференциации уголовной ответственности. Судебные органы должны подробно обосновывать свои решения, объяснять, почему была применена именно та или иная мера ответственности. Это позволит избежать недопонимания и недоверия со стороны общества и участников уголовного процесса. Необходимо повышать квалификацию судей и других участников уголовного судопроизводства, чтобы они могли более грамотно и эффективно применять дифференциацию уголовной ответственности. Например, проводить специальные курсы и семинары, посвященные этой теме, а также содействовать обмену опытом между различными регионами России.

Наконец, необходимо разрабатывать новые методы и инструменты для повышения эффективности дифференциации уголовной ответственности. Например, использование компьютерных программ для анализа данных и определения рисков повторного совершения преступлений, разработка методик для определения степени общественной опасности совершенного преступления и т.д.

Таким образом, дифференциация уголовной ответственности является необходимым инструментом уголовного правосудия, который позволяет судебным органам учитывать индивидуальные обстоятельства конкретного дела и назначать меру наказания, соответствующую степени общественной опасности совершенного преступления и личности виновного. Однако, для эффективного применения дифференциации уголовной ответственности необходимо совершенствовать законодательство, повышать квалификацию участников уголовного процесса и разрабатывать новые методы и инструменты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // «Собрание законодательства РФ».
2. Каплин М.Н. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Ур. гос. юрид. акад. - Екатеринбург, 2003. - 21 с.
3. Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. — СПб., 2003. С. 68.
4. Семенова П.В. Понятие дифференциации уголовной ответственности // Дифференциация формы и содержания в уголовном судопроизводстве. Нижний Новгород, 2019. С. 10-14.
5. Касьяненко, М. А. К вопросу теоретико-криминологического осмысления некоторых аспектов оценочных категорий уголовного закона / М. А. Касьяненко, Т. К. Жидкова // Евразийский юридический журнал. – 2011. – № 9(40). – С. 114-116. – EDN OFCUGH.
6. Соболев В.В. Основание и дифференциация ответственности соучастников преступления: дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2018. – 206 с.
7. Соловьев О.Г., Самойлов А.Г. Понятие дифференциации уголовной ответственности // Уголовное право. 2021. № 5 С. 75-79.

8. Уголовное право. Общая часть: учебник / Сиб. Федерал. Ун-т Юрид. Ин-т; ред. А.Н. Тарбагаев. – М.: Проспект, 2022. – 445 с.
9. Кибальник, А. Г. О смысле освобождения от уголовной ответственности / А. Г. Кибальник, А. П. Попов // Общество и право. – 2012. – № 5(42). – С. 120-123. – EDN PYTUEN.

А.П. Попов

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры
уголовно-правовых дисциплин и судебно-экспертной
деятельности Юридического института Пятигорского
государственного университета
p.aleksey777@mail.ru

И.А. Попова

кандидат юридических наук, помощник
прокурора г. Пятигорска
p.irina777@mail.ru

КОНФИДЕНЦИАЛЬНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: КОМПАРАТИВИСТСКИЙ ВЗГЛЯД

Аннотация. Авторы статьи продолжают начатое ими в ряде предшествующих публикаций обсуждение института конфиденциальных следственных действий, получившего воплощение в уголовно-процессуальном законодательстве постсоветских государств. Анализируются проблемы, сопряженные с этим неординарным правовым феноменом. Высказываются суждения о целесообразности его комплексного изучения в отечественной науке уголовного процесса.

Ключевые слова: уголовно-процессуальный закон; досудебное уголовное производство; следственные действия; конфиденциальная деятельность следователя.

A.P. Popov

Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Departments of Criminal Law disciplines and Judicial
Expert Activities at the Legal Institute of the Pyatigorsky State University
p.aleksey777@mail.ru

I.A. Popova

PhD in Law, Assistant to the Prosecutor
of the city of Pyatigorsk
p.irina777@mail.ru

CONFIDENTIAL INVESTIGATION ACTIONS IN CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION: COMPARATIVE VIEW

Abstract: the authors of the article continue the discussion they started in a number of previous publications of the institution of confidential investigative actions, which were embodied in the criminal procedure legislation of the post-Soviet states. Analyzes the problems associated with this unusual legal phenomenon. Judgments are made about the advisability of its comprehensive study in the domestic science of the criminal process.

Keywords: criminal procedure law; pre-trial criminal proceedings; investigative actions; investigator's confidential activities.

За минувшие двадцать лет подавляющее большинство государств ближнего зарубежья пошло по пути закрепления в национальном уголовно-процессуальном законодательстве конфиденциальных следственных действий. Что же касается отечественной теории уголовного процесса, то в ней перманентно высказываются суждения о неприемлемости включения данных действий (именуемых «тайными», «специальными», «негласными») в российское уголовно-процессуальное законодательство. Так, профессор В.А. Семенов полагает, что включение тайных следственных действий в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ, Кодекс) возможно только в результате трудно предполагаемого революционного преобразования уголовно-процессуального законодательства [1, с. 55]. С.Б. Россинский обращает внимание на противоречие анализируемых нами мероприятий природе следственных действий, на их «западную» ориентацию [2, с. 111-112]. (Справедливости ради отметим, что оценки рассматриваемому правовому институту даются неоднозначные не только в Российской Федерации, но и в государствах, закрепивших его в отраслевом законодательстве).

Однако в реальной действительности, в частности, в практике законотворчества государств, расположенных на постсоветском пространстве происходят иные процессы. Все новые страны идут по пути закрепления в национальных уголовно-процессуальных кодексах конфиденциальных следственных действий. В 2017 г. они обрели место в УПК Кыргызской Республики, а в 2021 г. в УПК Республики Армения (в последнем из кодексов анализируемые действия именуются «тайными»). Таким образом, общее число стран ближнего зарубежья, которые сочли возможным включить в уголовное производство рассматриваемые действия (включая Грузию, Казахстан, Латвию, Литву, Молдову, Украину и Эстонию), достигло девяти. При этом со всей определенностью надо сказать, что в названных государствах, прошедших принципиально различные пути исторического и культурного развития, реализуются весьма неоднородные модели уголовного судопроизводства. Специалистам данная констатация хорошо известна. Упоминание же о моделях уголовного процесса в предложенном контексте нам представляется вполне уместным: если, например, в Грузии и Эстонии они значительно отличаются от российской, то в Казахстане и в Молдове обладают схожими типологическими признаками. Что же касается модели уголовного процесса Армении и Кыргызстана, то он однотипен с российским уголовным судопроизводством.

Мы и наши соавторы в своих работах уже не раз обращались к характеристике процессуально-правовой природы конфиденциальных следственных действий, к основаниям их производства, к анализу ключевых правил, их составляющих, к юридическому содержанию полученных при их производстве результатов [3, с. 159-177; 4, с. 20-25 и др.]. Прежде всего, следует указать на существенное преимущество конфиденциальных следственных действий перед оперативно-розыскными мероприятиями, выполняемыми органами дознания самостоятельно или по поручению следователя. Оно заключается в придании в нормативном порядке сведениям, предметам и документам, полученным при их проведении, равного значения с материалами, установленными при производстве других (традиционных) следственных действий [5, с. 228-230]. Таковые однозначно признаются доказательствами.

В рамках настоящей статьи в дополнение к сказанному ранее хотелось бы обратить внимание на следующие обстоятельства, разъясняющие и уточняющие нашу позицию:

1. Мы ни в коем случае не предлагаем механически переносить институты и нормы зарубежного законодательства в позитивное право – ныне действующий УПК РФ. Речь идет о законодательстве недалекого будущего. Каким ему предстоит быть? Ясного ответа на этот вопрос не существует. Мнения же на сей счет высказываются полярные. Ясно лишь, что элементы, составляющие такой многослойный нормативный акт, каким является Кодекс, находятся во взаимосвязи и взаимозависимости. Грядущие изменения должны

коснуться всех его разделов, регламентирующих процедуры уголовно-процессуального доказывания.

2. Предложения о гипотетическом включении в УПК РФ конфиденциальных следственных действий затрагивают, прежде всего, досудебное производство. Его основными задачами являются предотвращение преступлений, а также быстрое, по возможности полное их раскрытие и обеспечение стороны обвинения доброкачественным доказательственным материалом, предоставляемым ею в судебную инстанцию. Одним из направлений, нацеленных на решение этих магистральных задач, может и должна служить разумная деформализация процедурных форм, не наносящая ущерб, а, напротив, способствующая доказыванию в судебных стадиях при разбирательстве уголовного дела по существу.

3. По мере того как все новые государства ближнего зарубежья включают в свое уголовно-процессуальное законодательство институт конфиденциальных следственных действий, совершенствуются и уточняются составляющие его нормы. Например, в еще недалеком прошлом резкой критике подвергались правила УПК Украины 2012 г., предусматривающие производство негласных следственных (розыскных) действий самим следователем [6, с. 92]. С точки зрения законодательной технологии критика, согласимся, была справедливой. Из догматического толкования ряда положений гл. 21 (ст. 246-275) УПК Украины явствовало не укладывающиеся ни в какие юридические рамки полномочия следователя на проведение тайных разведывательных мероприятий по уголовному делу, находящемуся в его производстве (негласное наблюдение, тайный контроль за совершением преступления и др.). При этом следователь из представителя юстиции, по сути, превращался в несвойственного Фемиде детектива. В принятых в более поздний период времени кодексах эта позиция получила понятное участникам уголовного производства и представителям научного сообщества разрешение [7, 163-164]. Так, в п. 6 ч. 1 ст. 37 и в ряде других структурных единиц УПК Кыргызской Республики 2021 г. четко разграничиваются полномочия следственного органа (следователя) и представителей оперативных служб на проведение конфиденциальных действий. Реализация их процессуальной составляющей возлагается на следователя, а детективная – на сотрудников специальных служб.

4. Оценивая достоинства института конфиденциальных (тайных) следственных действий, имеет смысл, прежде всего, обратить внимание на ограничения, которыми законодательство зарубежных государств обставило его применение. Так, ч. 4 ст. 143.2 УПК Грузии допускает производство рассматриваемых нами действий только в случае, когда получить доказательства иными средствами невозможно либо это требует неоправданно больших усилий. В соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 132.1 УПК Республики Молдова подобные действия могут применяться лишь по уголовным делам о тяжких, особо тяжких либо «чрезвычайно тяжких» преступлениях. Согласно ч. 3 ст. 232 УПК Республики Казахстан негласные действия проводятся лишь с санкции судьи специализированного следственного суда. Подобные и многие другие ограничения и запреты в том или ином объеме содержатся во всех девяти анализируемых кодексах.

Кроме того, особого внимания исследователей заслуживают многочисленные процессуальные гарантии защиты прав и законных интересов участников уголовного процесса и иных граждан, а также гарантии достижения задач уголовного производства. На наш взгляд, принципиально важные гарантии первой группы в максимальной степени выражены в нормах УПК государств Закавказья и Средней Азии, а в минимальной степени – в нормах УПК стран Балтии.

5. В зарубежном законодательстве при принципиально общих подходах к конструированию института конфиденциальных следственных действий проявляются и определенные оригинальные новеллы, которые также должны быть приняты во внимание исследователями. Критикуя, допустим, нормы доказательственного права УПК Латвийской или Литовской республик в части излишней процессуализации негласной

работы, имеет смысл вникнуть в содержание аналогичных правил, закрепленных в кодексах иных стран (например, Армении, Молдовы), где они получили более совершенное нормативное выражение.

6. Законодательство постсоветских государств, должно быть, безгрешно. Нам, например, представляется неприемлемой по предмету правового регулирования позиция законодателя Эстонии, включившего в полном объеме нормы закона об оперативно-розыскной деятельности в национальный УПК в качестве его самостоятельного раздела (гл. 3.1 УПК Республики Эстония «Оперативно-розыскные мероприятия», ст. 126.1-126.17).

Недоумение могут вызвать и конкретные формулировки зарубежного законодательства, например, редакция ч. 2 ст. 143.2 УПК Грузии, которая гласит: «Тайное следственное действие производится только в случае, когда оно необходимо для достижения легитимной цели в демократическом обществе ...» (далее – по тексту). В данной редакции не усматривается регулятивных признаков правовой нормы.

Вместе с тем, специфику зарубежного законодательства следует тщательно анализировать, а не охаивать (тем более огульно).

И в заключение. В досудебном производстве подавляющего большинства соседних с Российской Федерацией стран накоплен более чем двадцатилетний опыт применения норм, составляющих институт конфиденциальных следственных действий. Ни в одной стране он не был упразднен или реформирован. Задача науки уголовного процесса состоит в том, чтобы подвергнуть его серьезному комплексному изучению (до сих пор подобные работы не проводились) и, главное, использованию в той части, в какой этот опыт не противоречит задачам, принципам отечественного уголовного процесса и основополагающим положениям доказательственного права.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Семенцов В.А. К вопросу о пополнении системы следственных действий негласными познавательными приемами // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 4. – С. 48-57.

2. Россинский С.Б. О пополнении системы следственных действий негласными познавательными приемами // Тенденции развития современного уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации: сб. науч. трудов. Екатеринбург, 2021. – С. 109-114.

3. Попов А.П., Попова И.А., Зинченко И.А. Проблемы современного уголовно-процессуального доказательственного права: монография. Пятигорск: РИА на КМВ, 2019. – 196 с.

4. Зинченко И.А., Попова И.А. Интеграция розыскных начал в досудебное производство // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 4 (9). – С. 19-29.

5. Попов А.П. Конфиденциальные следственные действия в досудебном производстве государств ближнего зарубежья // Теоретические и экспериментальные исследования в современной науке: материалы Международной научно-практической конференции. Пятигорск, 2019. – С. 226-234.

6. Новикова Е.А., Шумилин С.Ф. Следственная и оперативно-розыскная деятельность: интеграция или взаимодействие? // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. – С. 86 – 95.

7. Акименко, М. А. К проблеме применения криминалистического профайлинга при расследовании и раскрытии киберпреступлений / М. А. Акименко, И. А. Овчаренко // Евразийская адвокатура. – 2022. – № 1(56). – С. 82-85. – DOI 10.52068/2304-9839_2022_56_1_82. – EDN UWDYDC.

8. Попов А.П., Попова И.А. Интеграция розыскных начал в уголовное судопроизводство государств на постсоветском пространстве // Пробелы в российском

З.А. Чочуева

кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой уголовного право и процесс
Юридического института ФГБОУ ВО «СевКавГА»
zulfiyaebzeeva@mail.ru

ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, СМЯГЧАЮЩИХ УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ

Аннотация. В данной статье представляет сравнительный анализ определений обстоятельства, смягчающих уголовное наказание. Автором проводится данное исследование с целью установления правовой природы и сущности рассматриваемых обстоятельств.

Ключевые слова: обстоятельства, наказание, ответственность, преступление, закон, субъект, преступное посягательство.

Понятие «обстоятельства, смягчающие наказание» отсутствует в Уголовном кодексе Российской Федерации. Несмотря на это законодателем регламентированы в ст. 61 УК РФ данные обстоятельства, которые указывают на их важность и обязательность при назначении наказания. Несомненно, что по поводу необходимости существования в законе официального понятия обстоятельств, смягчающих наказание, в уголовно-правовой теории нет единого понимания.

Смягчающие обстоятельства являются составной частью обстоятельств, которые размещены в обеих частях УК РФ и хоть каким-либо образом смягчают уголовно-правовое воздействие, устраняют преступность деяния или степень общественной опасности, или же иным образом улучшают положение виновного лица. По энциклопедическому словарю термин «смягчить» понимается как «ослабить, умерить суровость, сделать мягче» [12, с. 762].

Обстоятельства, смягчающие наказание, впервые были регламентированы в Своде законов Российской Империи в 1832 году. Ранее, в Русской Правде были некие упоминания о возможности смягчения наказания и назначения виновному лицу более мягкого его вида. И как правильно отмечает О.С. Капинус, «размер и вид наказания зависели от данных о субъекте и объекте преступного посягательства» [5, с. 56-66]. Как красиво в свое время написал Карл Маркс: «об обстоятельствах, отягчающих вину, не может быть и речи, раз невозможны обстоятельства, смягчающие вину» [10, с. 123].

Любого рода смягчающие или отягчающие вину обстоятельства, должны рассматриваться в процессе судебного производства по делу, если они судом признаются в качестве таковых – претендовать на соответствующее наказание. Суд в результате объективной и достоверной проверки, установив, что данное обстоятельство является смягчающим, должен его на основании ст. 61 УК РФ отразить в своем приговоре. И, напротив, в случае непризнания судом обстоятельства в качестве смягчающего, такое решение мотивируется в приговоре.

Согласно теории Я.Ю. Васильевой, сущность рассматриваемых обстоятельств состоит в их непосредственном влиянии на меру наказания. Автор указывает, что они имеют двойное значение: «с одной стороны, если они относятся к составу преступления и не влияют на его квалификацию, то учитываются при назначении наказания; с другой стороны, выступают привилегирующими признаками состава преступления, в связи с чем учитываются при даче правовой оценки действиям виновного, но не могут быть приняты во внимание при назначении наказания» [1, с. 93].

Законодатель предусмотрел отягчающие и смягчающие обстоятельства с целью их уравнивания, чтобы наказание не было чрезмерно строгим, или наоборот, не было слишком мягким. А их одновременное присутствие в уголовном деле и учет судом приводит к той самой необходимой индивидуализации наказания, который требует принцип справедливости.

В рамках исследования, верным представляется рассмотреть мнение Л.Л. Кругликова, который пишет: «Среди тех обстоятельств, которые оказывают влияние на ответственность, значительное их количество не может быть названо смягчающими и отягчающими, поскольку они наделены иными свойствами, выполняют в уголовном праве иную функцию» [7, с. 38]. Со слов автора становится ясным, что речь идет о таких обстоятельствах, которые законодателем уже включены в качестве признаков состава преступления, содержащихся в статьях Особенной части Уголовного кодекса РФ.

Таким образом, обстоятельства, смягчающие наказание, условно можно разделить на две группы:

- 1) выступающие признаками конкретных составов преступных деяний в статьях УК РФ;
- 2) являющиеся привилегирующими признаками.

И именно привилегированные признаки совершенного общественно опасного деяния способны повлиять на дифференциацию уголовной ответственности и наказания. Согласимся с предложенным в уголовно-правовой науке основанием дифференциации уголовной ответственности – типовая степень общественной опасности содеянного и типовая степень опасности лица, совершившего преступление [9, с. 56]. К перечисленным признакам Л.Л. Кругликов добавляет также характер общественной опасности преступления [8, с. 67].

В уголовно-правовой науке бытовало также мнение и о том, что смягчающие наказание обстоятельства могут быть признаками как состава преступления, так и его отдельных элементов [2, 3, 4, 11].

На наш взгляд, к смягчающим наказание обстоятельствам можно отнести те обстоятельства, которые способны каким-либо образом изменить или повлиять на вид и размер наказания в сторону его уменьшения или смягчения. А что касается криминализации деяния, то здесь законодатель прямо указывает, что если смягчающее обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса РФ в качестве признака состава преступления, оно само по себе не может повторно учитываться при назначении наказания – ч. 3 ст. 61 УК РФ. Так, смягчающие признаки преступления, указанные в конкретной статье, определенным образом способны изменить вид наказания и его пределы. Исследуя роль квалифицирующих признаков преступления при назначении наказания, В.И. Ткаченко писал, что они должны существенным образом оказывать влияние на степень общественной опасности деяния [13, с. 35]. Такое же утверждение, на наш взгляд, применимо и в отношении привилегированных признаков.

Таким образом, к обязательным признакам обстоятельств, смягчающих наказание, относятся:

- обстоятельства являются привилегированными признаками состава преступления;
- обстоятельства выступают основанием при индивидуализации наказания для смягчения его (либо назначения менее строгого вида наказания из предусмотренных соответствующей статьей, либо изменения пределов, продолжительности наказания).

Чтобы отнести обстоятельства к привилегированным признакам, они должны отвечать определенным условиям. Т.А. Костарева такие условия связывает отношением с общественно-опасным деянием либо личностью преступника, распространенностью или нетипичностью, возможностью установления их в практической деятельности и др. [6, с. 91-101]

Правильным видится более широкое видение смягчающих обстоятельств, нежели они законодателем описаны в статье 61 УК РФ, то есть предпочтительнее их указывать как обстоятельства, смягчающие ответственность. Аргументом служит то, что для выяснения смысла и реализации обстоятельств, приведенных в ст. 61 УК РФ, стоит обратиться к достижению справедливости как принципа уголовной ответственности. Так, ст. 6 Кодекса гласит, что «наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного». Внутри данного принципа определенное значение придается отягчающим и смягчающим обстоятельствам, которые содержатся в Общей и Особенной частях Уголовного кодекса РФ.

Как мы ранее указывали, в законе не содержится официального понятия смягчающих обстоятельств. Соглашаясь с большинством мнений, считаем, что правильно говорить о них как об обстоятельствах, смягчающих уголовную ответственность, поскольку такое их понимание позволит их учитывать и при применении других мер уголовно-правового характера, условного осуждения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Васильева Я.Ю. Практика и некоторые проблемы назначения наказания в России. Иркутск, 2016. – 167 с.
2. Гаскин С.С. Отягчающие обстоятельства и их значение для индивидуализации уголовной ответственности и наказания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1981. – 19 с.
3. Герцензон А.А. Уголовное право. Часть Общая. М., 1948. – 496 с.
4. Иванова А.Т. Смягчающие ответственность обстоятельства в советском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1972. – 224 с.
5. Капинус О.С. Сравнительный историко-правовой анализ института смягчающих обстоятельств // Современное уголовное право в России и за рубежом: некоторые проблемы ответственности: сб. ст. М., 2008. С. 56–66.
6. Костарева Т. А. Квалифицирующие обстоятельства в уголовном праве. Ярославль, 1993. – 234 с.
7. Кибальник, А. Г. О смысле освобождения от уголовной ответственности / А. Г. Кибальник, А. П. Попов // Общество и право. – 2012. – № 5(42). – С. 120-123. – EDN PYTEUH.
8. Кругликов Л.Л. Смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства в уголовном праве. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 164 с.
9. Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2002. – 298 с.
10. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М.: Норма, 2000. 400 с.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. – 282 с.
12. Мясников О. А. Смягчающие и отягчающие обстоятельства в теории, законодательстве и судебной практике. М., 2002. – 233 с.
13. Акименко, М. А. О некоторых криминологических особенностях проявления криминальной активности транснациональной организованной преступности в период пандемии COVID-19 / М. А. Акименко // Евразийская адвокатура. – 2021. – № 3(52). – С. 109-110. – DOI 10.52068/2304-9839_2021_52_3_109. – EDN TJEFIF.
14. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992. – 907 с.
15. Ткаченко В.И. Составы преступлений с отягчающими обстоятельствами // Уголовная ответственность и ее реализации в борьбе с преступностью. М., 1988. С. 35–46.

В.Н. Шимкин
старший преподаватель Юридического института
Северо-Кавказской государственной академии
г. Черкесск
Shimkin09@bk.ru

БАЛЛИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Аннотация. Статья посвящена расследованию и рассмотрению уголовных дел о преступлениях, связанных с применением огнестрельного оружия и иных сходных с ним предметов, обеспечивается, прежде всего, тактически грамотным использованием всего комплекса объектов, специфичных для этой категории дел, получением максимальной доказательственной информации при проведении баллистической экспертизы и ее последующим использованием на различных стадиях расследования и судебного рассмотрения.

Ключевые слова: баллистическая экспертиза, огнестрельное оружие, объекты баллистической экспертизы, дистанция выстрела, следы использования огнестрельного оружия.

V.N. Shimkin
Senior Lecturer, Law Institute
North Caucasus State Academy
Cherkessk
Shimkin09@bk.ru

BALLISTIC EXAMINATION IN THE INVESTIGATION OF CRIMINAL CASES

Abstract: The article is devoted to the investigation and consideration of criminal cases of crimes related to the use of firearms and other similar items, provided, first of all, tactically competent use of the entire complex of objects specific to this category of cases, obtaining maximum evidentiary information during the ballistic examination and its subsequent use at various stages of investigation and judicial consideration.

Keywords: ballistic examination, firearms, objects of ballistic examination, the distance of the shot, traces of the use of firearms.

Специфика доказывания в процессе изучения и судебного рассмотрения уголовных дел о преступлениях, непосредственно связанных с использованием огнестрельного оружия и аналогичных предметов, таких как газовое, пневматическое оружие, стреляющие устройства специального назначения; а собственно с их незаконным оборотом, вызвана методами осуществления данных преступлений, а также их непосредственным объектом. Даже отнесение отдельных найденных предметов к разряду огнестрельного оружия или боеприпасов довольно часто создает сложности, в связи с чем должно быть подкреплено заключением эксперта. Каким бы ни было отношение законодателя к вопросу о свободе ношения оружия, всегда будут иметь место нормы, предусматривающие наказание в уголовном порядке за противоправное приобретение и использование огнестрельного оружия. При расследовании таких преступлений требуется применение специальных знаний, прежде всего, в форме назначения и проведения баллистической экспертизы.

Баллистическая экспертиза представляет собой экспертизу, проводимую для исследования огнестрельного оружия, боеприпасов к нему и следов их применения. Экспертиза ставит цель установления фактических данных, которые важны при для расследовании уголовного дела и судебного разбирательства.

В качестве объектов баллистической экспертизы известны:

- огнестрельное оружие, его устройство, а также принадлежности к нему;
- стреляющие устройства (строительно-монтажные пистолеты, сигнальные устройства), газовое и пневматическое оружие;
- боеприпасы и патроны к огнестрельному оружию, стреляющим устройствам, а также их части (гильзы, капсюли, пули и т.д.);
- материалы, инструменты и механизмы, которые применяются в процессе изготовления огнестрельного оружия, боеприпасов, отдельных их частей, а также снаряжения боеприпасов;
- выстрелянные пули и стреляные гильзы;
- следы использования огнестрельного оружия;
- данные уголовного дела (протоколы осмотра места происшествия, фототаблицы и т.д.);
- образцы, добытые при проведении экспертизы или в рамках экспертного эксперимента;
- материальная среда места происшествия [1, с. 88-94].

Необходимо отметить, что сущность криминалистической экспертной диагностики определяется деятельностью по распознаванию, различению и определению природы, состояний, свойств и отношений объектов, которые непосредственно связаны с событием расследуемого преступления и требует привлечения в ходе проведения экспертизы неограниченного объема технико-криминалистических средств и методов.

В частности, экспертиза природы оружия и патронов проводится путем анализа их конструкции, исследования маркировочных обозначений и сравнения данных, полученных в процессе экспертного диагностирования со справочными материалами. Нельзя в данной ситуации исключить факт того, что наличие и качество используемой при экспертном диагностировании справочной информации является составляющей успешной экспертизы, а иногда и обеспечивает непосредственную возможность диагностирования природы оружия и патронов.

Судебно-следственная практика показывает, что успешность расследования и рассмотрения уголовных дел о преступлениях, связанных с применением огнестрельного оружия и иных сходных с ним предметов, обеспечивается, прежде всего, тактически грамотным использованием всего комплекса объектов, специфичных для этой категории дел, получением максимальной доказательственной информации при проведении баллистической экспертизы (либо комплекса таких экспертиз) и ее последующим использованием на различных стадиях расследования и судебного рассмотрения [2, с.139-143].

Учитывая серьезное значение для раскрытия и расследования преступлений, исследований, основанных на специальных знаниях, многие ученые предлагают проводить судебно-баллистическую экспертизу до возбуждения уголовного дела.

Вопреки довольно широкому спектру применяемых методик, в современных условиях развития судебно-баллистической экспертизы, наблюдаются неразрешимые проблемы, среди которых отметим следующие:

- определение давности выстрела;
- определение дистанции дальнего выстрела;
- идентификацию оружия по сильно фрагментированным снарядам;
- идентификацию гладкоствольного оружия по следам на дроби;
- идентификацию современного оружия с высокой чистотой обработки поверхности деталей.

Помимо этого, возникновение новых типов оружия, патронов увеличивает круг объектов судебно-баллистической экспертизы, что вызывает необходимость совершенствования существующих методик и методов исследования.

Основной коллизией баллистической экспертизы наших дней является

систематизация оружия и боеприпасов. Следствием этого является немало критериев, а также множество образцов оружия. Можно сделать вывод, что систематизация оружия и боеприпасов также нуждается в дальнейшей доработке.

Указанные проблемы могут быть решены административными и организационными мерами путем налаживания четкой системы контроля и спроса за своевременную обработку и постановку на учет соответствующих объектов и материалов [3, с. 52].

Судебные экспертизы являются важными составляющими уголовного процесса, способствующими достижению истины. Как следует из анализа уголовных дел, ежегодно все больше преступлений совершается с применением огнестрельного оружия.

В рамках экспертиз разрешается широкий круг вопросов идентификационного и диагностического характера, связанных с изучением огнестрельного оружия, исследования следов выстрела, поэтому надобность доработки и внесения изменений в методические материалы в соответствии с современными реалиями и стандартами необходима, ведь это позволит суду и следствию упорядочить процесс проведения судебно-баллистических экспертиз и значительно ускорит процесс получения необходимых сведений для скорейшего завершения расследования и обеспечения деятельности правосудия.

Таким образом, судебно-баллистическая экспертиза имеет огромное значение для проведения полного и объективного расследования преступлений, связанных с применением огнестрельного оружия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гарманов В.В. Подготовка и назначение судебно-баллистических экспертиз /В.В. Гарманов// Криминалисть. - С.- Пб.: Изд-во С.- Петерб. юрид. ин-та Академии Ген. прокуратуры РФ.-2009.- № 2 (5). - С. 88-94.
2. Губин, С.Г. Сущность и значение баллистической экспертизы в расследовании уголовных дел / С.Г. Губин, Масюк О.А. // Интерэкспо Гео-Сибирь. – 2013. – № 2. – С. 139–143.
3. Акименко, М. А. К проблеме применения криминалистического профайлинга при расследовании и раскрытии киберпреступлений / М. А. Акименко, И. А. Овчаренко // Евразийская адвокатура. – 2022. – № 1(56). – С. 82-85. – DOI 10.52068/2304-9839_2022_56_1_82. – EDN UWDYDC.
4. Кокин А.В. Основные направления и пути развития судебно-баллистической идентификации /А.В.Кокин// Судебная экспертиза. - Волгоград: ВА МВД России.-2012.- № 2 (30). - С. 52.

Н.А. Бойко

кандидат юридических наук, доцент
заведующая кафедрой гражданского права и процесса
Юридического института ФГБОУ ВО «Пятигорский
государственный университет»
naboikopgu@mail.ru

УЧАСТНИКИ ОТНОШЕНИЙ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ ИНФОРМАЦИИ

Аннотация: В статье рассматривается роль участников отношений в области обеспечения конфиденциальности информации. В заключении автором сделан вывод о том, что все участники отношений в области обеспечения конфиденциальности информации являются не мало важными и значительными участниками отношений в области обеспечения конфиденциальности информации в сочетании с законодательной, правоприменительной, правоохранительной, судебной, контрольной и других форм деятельности.

Ключевые слова: правовое регулирование, информация, информационная безопасность, государственные органы, органы местного самоуправления, операторы информационной системы.

N.A. Boyko

Candidate of Legal Sciences, Associate
Professor Head of the Department of Civil Law and Procedure
naboikopgu@mail.ru

PARTICIPANTS IN RELATIONS IN THE FIELD OF INFORMATION CONFIDENTIALITY

Abstract: The article examines the role of participants in relations in the field of information confidentiality. In conclusion, the author concludes that all participants in relations in the field of information confidentiality are not a few important and significant participants in relations in the field of information confidentiality in combination with legislative, law enforcement, law enforcement, judicial, control and other forms of activity.

Keywords: legal regulation, information, information security, state bodies, local self-government bodies, information system operators.

Общественное развитие послужило поводом к тому, чтобы информация приобрела ключевое значение. Основным направлением, свойственным отечественной государственной политике, необходимо признать реализацию национальных интересов, имеющих в информационном направлении. Цифровая экономика при этом также занимает важное значение.

Совершение исследования в отношении правового регулирования, свойственного информационному направлению, указывает на то, что такие понятия, как «информация ограниченного доступа» и «конфиденциальность информации» широко применяются. Совокупность общественных отношений, возникающих в рассматриваемом сегменте, находится под регулированием различных правовых отраслей, включая административное, гражданское, гражданско-процессуальное, конституционное, налоговое, трудовое, уголовное, финансовое и уголовно-процессуальное отечественное законодательство. С

целью защиты информации принят ряд мер правового, организационного и технического характера, за счет которых обеспечивается: ее защита от действий, выраженных в неправомерном доступе, уничтожении, блокировании, распространении, предоставлении и прочих формах; ограниченный доступ к той информации, которая является конфиденциальной; реализация прав доступа к ней [2].

Только за счет того, что выполняется правоохранный, правоприменительный, законодательный, судебный и иной контроль со стороны органов государственного значения и реализующих местное самоуправление, а также граждан и организаций, информационная безопасность обеспечивается [1].

Национальные интересы в этом направлении связаны с созданием такой среды, в которой достоверная информация будет находиться в правомерном и безопасном обороте, стойком к воздействию на нее. При таких условиях будет обеспечено соблюдение совокупности прав и свобод, присущих человеку в силу конституционных положений, а также будет достигнуто стабильное социально-экономическое развитие государства и его национальная безопасность [13, с. 347].

По Указу Президента РФ от 22 мая 2015г. № 260 «О некоторых вопросах информационной безопасности РФ» в целях противодействия угрозам информационной безопасности РФ при использовании информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории РФ сегмент международной компьютерной сети «Интернет» для федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов РФ, находящийся в ведении Федеральной службы охраны РФ (ФСО России), преобразован в российский государственный сегмент информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (сеть «Интернет»), являющийся элементом российской части сети «Интернет» и обеспечивающий:

а) подключение к сети «Интернет» предназначенных для взаимодействия с ней государственных информационных систем и информационно телекоммуникационных сетей государственных органов, а также информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей организаций, созданных для выполнения задач, поставленных перед федеральными государственными органами;

б) размещение (публикацию) в сети «Интернет» информации государственных органов и названных в подп. «а» организаций [4].

Организация процесса подключения к сети «Интернет» систем и телекоммуникационных сетей информационного назначения выполнена с помощью российского государственного сегмента сети «Интернет», с использованием каналов, по которым передача данных осуществляется, для чего применяются средства шифрования и криптографии.

Осуществление государственного регулирования по вопросам, связанным с защитой информации, происходит за счет определения требований, предъявляемых к такой защите, применения в отношении нарушителей мер ответственности, оговоренной в соответствующих законодательных актах [8, с. 67].

Установление требований, связанных с защитой информации, находящейся в общем доступе, происходит только для того, чтобы оговоренные цели были достигнуты.

Со стороны обладателя информации, представляющегося оператором информационной системы, выступающего субъектом этих правоотношений, должны осуществляться действия, связанные с: предотвращением несанкционированного доступа к информации, включая ее передачу тем лицам, доступ у которых к ней не имеется; оперативным обнаружением фактов, указывающих на несанкционированный доступ к ней; предупреждением негативных последствий, возникающих по причине того, что установленный порядок доступа нарушен; исключением неправомерного воздействия, выполняемого в отношении технических средств, используемых в процессе ее обработки; осуществлением действий по оперативному восстановлению данных, что были модифицированы или уничтожены при получении доступа, не имеющего под собой

правовых оснований; выполнением контроля поддерживающим уровень ее защиты на регулярной основе [10, с. 88].

Из положений п.3 «Требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» (утв. постановлением Правительства РФ от 01.11.2012 № 1119) следует, что о безопасности персональных данных, обрабатываемых информационной системой, должен заботиться ее оператор. На него возложены функции по их обработке. Не исключена возможность привлечения к этому процессу сторонних субъектов, при условии вступления с ними в договорные отношения [11, с. 35]. Существование представленного требования указывает на наличие важности того, чтобы определение лица, являющегося ответственным за то, что персональные данные будут находиться в безопасном состоянии, было однозначным.

Определение оператора информационной системы содержится в п. 12 ст. 2 ФЗ от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – ФЗ № 149). Этот статус может закрепляться за гражданином или юридическим лицом, со стороны которого осуществляется деятельность, связанная с эксплуатацией информационной системы. К этому процессу относится обработка тех сведений, что включены в соответствующие базы. Из ч. 2 ст. 13 ФЗ № 149 следует, что при отсутствии иных законодательных оговорок, такой оператор признается собственником технических средств, применяемых в процессе обработки информации, при условии правомерного использования соответствующих баз данных. Эту роль может выполнять и иное лицо, если соответствующие договорные отношения заключены [3].

Представленное позволяет говорить об операторе информационной системы как о лице, которому принадлежат технические средства, подлежащие использованию в процессе обработки информации, размещенной в соответствующих базах. Вместе с тем, таким лицом может быть субъект, занимающийся ее обработкой на договорных началах [12, с. 140].

Положения федерального законодательства такого определения не содержат. Из содержания постановления Правительства Москвы от 07.02.2012 № 26-ПП «Об утверждении Положения об эксплуатации автоматизированных информационных систем и ресурсов города Москвы» (далее – постановление Правительства Москвы № 22-П) следует, что к числу составных элементов эксплуатации ИСиР (информационных систем и ресурсов) относятся: выполнение системного и прикладного сопровождения; осуществление аппаратного обеспечения в рамках технического сопровождения; учебный процесс, организуемый пользователями; удаленное обслуживание комплексов программно-технического характера и систем информационного типа; проведение закупки относящегося к элементам ИСиР оборудования, расходников и запчастей; организация модернизации свойственного ИСиР функционала и набора элементов, относящихся к пользовательскому интерфейсу; выполнение сервисного обслуживания, в т.ч. проведение обновлений и адаптации тех ИСиР, что используются со стороны органов исполнительной власти, действующих в г. Москва, сопровождающиеся наличием неисключительных прав, действующих в отношении программного обеспечения; оказание технической поддержки со стороны производителя аппаратного и программного обеспечения [5].

К числу участников, занятых в ходе эксплуатации ИСиР, упомянутым постановлением относятся: лица, являющиеся привлеченными исполнителями, со стороны которых технические и программные средства обслуживаются; те, кто занимается разработкой ИСиР и эксплуатацией; субъекты, потребляющие информационные услуги [6, с. 110].

Учитывая содержащееся в ФЗ № 149 понятие оператора, интерес представляют лишь те лица, со стороны которых информационная система эксплуатируется. ГОСТ 34.003-90 «Комплекс стандартов на автоматизированные системы. Автоматизированные системы. Термины и определения» включает в себя указание о том, что такое эксплуатационная документация, используемая в отношении автоматизированной

системы. Под ней понимается та рабочая документация, которая используется в ходе эксплуатации системы и содержит в себе набор правил, в соответствии с которым должен действовать персонал и пользователи системы. В эти документы вносятся указания о том, как обеспечить и проверить работоспособность системы. Это означает, что элементами рассматриваемого определения является процесс функционирования и сопровождения, за счет которого обеспечивается эксплуатация [7, с. 357].

Из совокупности представленных сведений возникает вывод о том, что статус оператора информационной системы, выступающий поводом к возложению на лицо обязанности по обеспечению безопасности персональных данных, которые им обрабатываются, может закрепляться за организацией: выступающей собственником технических средств, которые используются для того, чтобы обрабатывать информацию, включая персональные данные, а также проводить в отношении информационной системы обслуживание на сервисном и техническом уровне; которая привлекается со стороны собственника в порядке, оговоренном договором, чтобы содержащиеся в информационной системе персональные данные обрабатывались; привлеченной со стороны собственника в договорном порядке, с целью выполнения работ по обслуживанию такой системы, как в сервисном, так и техническом направлении [9, с. 123].

Выводом из всего вышеупомянутого будет являться то, что участниками отношений в области обеспечения конфиденциальности информации является сочетание законодательной, правоприменительной, правоохранительной, судебной, контрольной и других форм деятельности государственных органов во взаимодействии с органами местного самоуправления, организациями и гражданами, а также операторы информационной системы, которые являются не мало важными и значительными участниками отношений в области обеспечения конфиденциальности информации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.08.2020, № 31, ст. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51–ФЗ (ред. от 25.02.2022) // Собрание законодательства РФ. 1994, № 32. Ст. 3301.
3. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» (ред. от 30.12.2021) // СЗ РФ. 2006. № 31 (Ч. 1). Ст. 3448.
4. Указ Президента РФ от 22 мая 2015 г. № 260 «О некоторых вопросах информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 266. ст. 4423.
5. Постановление Правительства Москвы от 07.02.2012 № 26-ПП «Об утверждении Положения об эксплуатации автоматизированных информационных систем и ресурсов города Москвы» // Собрание законодательства РФ, 07.03.2012, № 31, ст. 3645.
6. Емельянова Н.З. Защита информации в персональном компьютере: Уч. пос. М.: Форум, 2017. 367 с.
7. Запечников С.В. Информационная безопасность открытых систем. В 2-х т. Т.2 Средства защиты в сетях. М.: ГЛТ, 2018. 536 с.
8. Краковский Ю.М. Защита информации: Учебное пособие. Рн/Д: Феникс, 2017. 347 с.
9. Кудашкин Я.В. Правовое обеспечение безопасности обработки персональных данных в сети Интернет. М.: МГУ, 2019. 200 с.
10. Кузьмин А.Ю. О расширении субъективного состава в Российском информационном законодательстве // Государство и право в изменяющемся мире:

правовая система в условиях информатизации общества Материалы IV научно-практической конференции с международным участием. 2019. С. 87-89.

11. Солдатова Г.В. Российские школьники: приватность и 98 безопасность в Сети: доклад // Междунар. конф. защиты персональных данных. М.: Ренесанс Москва Монарх Центр, 2018. С. 34-37.

12. Тихомиров В.П. Введение в информационный бизнес / Под ред. В.П. Тихомирова, А.В. Хорошилова. М.: Финансы и статистика. 1996. 238 с.

13. Федотов М.А. Информационное право: учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры. М. Издательство Юрайт, 2019. 868.

14. Акименко, М. А. О некоторых криминологических свойствах фейковой информации в современных условиях / М. А. Акименко // Актуальные проблемы правосудия и правоохранительной деятельности : Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Пятигорск, 26 апреля 2022 года. – Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2022. – С. 217-221. – EDN CHJRAE.

И.М. Вильгоненко

кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры гражданского права и процесса
Юридического института ФГБОУ ВО «Пятигорский
государственный университет»
Vil-irina-m@yandex.ru

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ ОГРАНИЧЕННОГО ДОСТУПА

Аннотация: В статье анализируется роль и значение информации, имеющей ограниченный доступ. Существенные трудности возникают в части защиты той информации, доступ к которой ограничен. Отечественное законодательство не позволяет в полной мере и с требуемой системностью разрешать возникающие вопросы. В данной статье предприняты попытки к проведению анализа тех проблем, возникающих в сфере информации, которые отличаются наибольшей остротой.

Ключевые слова: информационное общество, информационная безопасность, государственная тайна, конфиденциальная информация, тайна, особый правовой режим.

I.M. Vilgonenko

Candidate of Legal Sciences, Associate
Professor Associate Professor of the Department of Civil Law and Process
Vil-irina-m@yandex.ru

THE ROLE AND SIGNIFICANCE OF RESTRICTED ACCESS INFORMATION

Abstract: The article analyzes the role and significance of information with limited access. Significant difficulties arise in terms of protecting the information to which access is restricted. Domestic legislation does not allow to resolve emerging issues in full and with the required consistency. In this article, attempts are made to analyze those problems arising in the field of information that are most acute.

Keywords: information society, information security, state secret, confidential information, secret, special legal regime.

Определение целей, задач и мер, направленных на реализацию наиболее важных политических решений, содержится в Стратегии информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы. Документ содержит указание на основные

принципы, существующие в рассматриваемом направлении. К ним относится стратегическое планирование, свободный доступ к определению средств, за счет которых могут быть получены знания, законность и разумная достаточность сбора и обработки данных, касающихся граждан и организаций. Отдельная роль отводится государственной защите тех интересов, связанных с информационным направлением, что принадлежат российским гражданам. Представленное выступает основой к тому, чтобы юридическая наука и практика обеспечила выполнение задач, оговоренных в упомянутом документе, касающихся переходу информационного общества на новый уровень. Учитывая содержащиеся в Доктрине об информационной безопасности РФ положения, в качестве значимого направления, за счет существования которого информационная безопасность обеспечивается, признается защита государственной тайны и прочих данных с ограниченным доступом. Представленное направление обеспечивает усиление защиты, в которой нуждаются цифровые технологии. Современные интеграционные процессы являются динамическими. Такие же показатели свойственны цифровым технологиям. Совместно они отражаются на общественных отношениях, выделяя в них те проблемные вопросы, что связаны с информационной конфиденциальностью. Отдельное внимание заслуживают научные исследования, проводимые в отношении тех юридических недостатков, что возникают и изучаемой сфере.

На современном этапе признается широкое воздействие информации, оказываемое в отношении общественной жизни. Представление об информации позволяет определить ее в качестве основного объекта, в отношении которого или в связи с которым происходит возникновение нуждающихся в правовом регулировании общественных отношений. Информационные технологии находятся в постоянном развитии и внедряются во все направления деятельности человека, в результате чего, доступ различных субъектов к информации становится все более широким. Свойственным информационному обществу признаком выступает усиление роли тех прав, что связаны с доступом к информационным данным, а также защитой от сведений, наносящих вред. Вместе с тем, как информационное пространство развивается, граждане не только получают упрощенный доступ к нему, но и сталкиваются с «информационными войнами», являющимися негативным явлением [6, с. 54].

Понятие «информации» содержится в положениях ст. 2 ФЗ от 27.07.2006 «Об информации, информационных технологиях и защите информации». Упомянутый законодательный акт позволяет делить информацию на ту, что может свободно распространяться, предоставляться на основании достигнутых лицами соглашений и может быть распространена только между ограниченным кругом субъектов. Ограничение устанавливается для того, чтобы свойственные обладателям права и законные интересы были защищены [2].

Признаки, указывающие на то, что доступ к информации является ограниченным, связаны с: прямыми законодательными указаниями об этом; наличием цели, связанной с защитой свойственных конституционному строю основ, обеспечением государственной безопасности и обороноспособности, пр.

Чтобы охарактеризовать информацию, для которой свойственно применение особого режима доступа, допускает применение такого понятия, как «конфиденциальная информация». Из сути ст. 2 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» следует, что доступ к ней предоставляется в особом порядке, а ее разглашение сторонним субъектам не может быть выполнено, если обладатель таковой соответствующее согласие не дал [1].

Чтобы выделить свойственные конфиденциальной информации виды, осуществляется применение определения «тайна», под которой понимается то, что неизвестно лицу, неведомо для него и сокрыто. Возникает вывод о том, что представленные понятия являются равнозначными. Использование понятия «режим тайны» указывает на наличие особого правового режима у информации. В ряде

направлений общественной жизни используется информация, оборот которой ограничен. Отмечается существование определенного набора признаков, указывающих на то, что ограничение такого оборота установлено. В качестве таковых признается: отсутствие у информации статуса государственной тайны. Если сведения изъяты из оборота и они признаются государственной тайной, это необходимо для того, чтобы государственная безопасность была обеспечена, а законные права и свободы граждан и хозяйствующих субъектов, реализованы и защищены. Если информация находится в свободном доступе и она включает в себе сведения, способные нанести ущерб ее обладателю, причинение такого вреда может быть совершено. В отношении информации, нуждающейся в защите, ее собственники или законные обладатели могут предпринимать определенные охраняемые меры.

В отечественных законодательных положениях содержится указание на существование: государственной тайны; конфиденциальной информации.

Элементы последней включают в себя: коммерческую, служебную; профессиональную тайну; тайну частной жизни.

Содержание защищаемой информации позволяет выделять ее политическое, экономическое, научное, технологическое, личное и прочее направление. Сделаем акцент на то, что представленную классификацию нельзя назвать исчерпывающей, в виду чего ее дальнейшая научная и законодательная разработка должна проводиться. Факт отсутствия четких классифицирующих разграничений в отношении конфиденциальной информации, а также недостаточное оформление свойственного ей правового режима, выступает основой к возникновению противоречивых представлений, а иногда и их полного отсутствия.

Информационные правоотношения возникают по поводу информации, которая представляется их объектом. Он существует в каждом направлении жизнедеятельности людей. Как мировосприятие, так и поведение людей базируется на получаемой ими информации [7, с. 89].

Представленное указывает на то, что информационной безопасности отводится важная роль в направлении национальной безопасности и реализуемой в связи с этим политике. Устанавливаемый в отношении информации правовой режим, представляется в виде набора правил, определяющих то, насколько она является открытой, как должна быть задокументирована, храниться, распространяться и защищаться. Отдельная роль отводится категориям доступа, действующим в отношении информации. Доступ может быть организован в общем или специальном режиме [5, с. 147].

Изучив широкую совокупность правовых норм, возник вывод о том, что общедоступная информация находится в открытом доступе и ее могут использовать физические и юридические лица.

Важное значение отводится конфиденциальной информации, в отношении которой действует специальный правовой режим. Потребность в проведении его исследования обусловлена присутствием в нем исключительной значимостью. За счет реализации специального правового режима создаются основы к охране тех данных, которые не должны быть распространены, а при допущении такого нарушения могут причинить вред государству, обществу, законным правам граждан и хозяйствующих субъектов [10, с. 217].

В соответствии с Директивой 2006/24/ЕС Европейского парламента и совета от 15 марта 2006 г. о хранении данных, сгенерированных или обработанных в связи с предоставлением общедоступных услуг электронной связи или сетей связи общего пользования и вносящая изменения в Директиву 2002/58/ЕС информация как объект правоотношений, рассматривается как попытка установить взаимосвязь между информацией и правом, которая выражается в правовом режиме информации, раскрываются особенности, структура и содержание правового режима информации, дается характеристика общего и специальных правовых режимов информации: открытой и конфиденциальной [11, с. 74].

Проведение исследования сопровождалось применением обще-логического, формально-юридического и сравнительно-правового метода. Итогом проведения такой работы выступило выявление того факта, что возникающие в отношении информации, находящейся в ограниченном доступе, общественные отношения, выступают поводом к применению специального режима, жесткость применения которого может регулироваться [9, с. 28].

В качестве основного нормативного документа, включающего в себя определения различных видов информации, а также регулирующего их применение, выступает ФЗ № 149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.06.2006 г. Суть ст. 9 представленного законодательного акта предполагает то, что именно федеральные правовые нормы могут выступать основанием к ограничению рассматриваемого доступа. Такое ограничение должно осуществляться для того, чтобы интересы, свойственные гражданам, юридическим лицам и государству, имеющиеся в различных сферах, не были нарушены [2].

Разработка и контроль ограничения такого доступа осуществляется со стороны органов, реализующих исполнительную власть. Представляющие ее должностные лица осуществляют надзорную деятельность по отношению к информационным технологиям и массовым коммуникациям. Со стороны закона выполняется охрана права, связанного с нераспространением информации, касающейся личной жизни граждан. Это связано с признанием семейной тайной таких сведений [8, с. 99].

Отдельную категорию составляют сведения, имеющие статус государственной тайны. Чтобы она была сохранена, со стороны ряда служащих на этапе поступления на работу подписываются документы, касающиеся ее неразглашения. Проведение охраны в отношении таких данных происходит исходя из положений ФЗ РФ «О государственной тайне» от 21.07.1993 № 5485-1 [3]. Представленный законодательный акт содержит указание о том, что государственной тайной могут признаваться сведения, связанные с: экономикой, наукой и техникой; военной промышленностью и вооружением; внешней и внутренней политикой; разведкой и контрразведкой.

Конкретное указание о том, какая информация является конфиденциальной, содержит Указ Президента РФ от 06.03.1997 г. № 188 «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера». Из представленного документа следует, что такая информация представляется в виде: персональных данных гражданина; тайны следствия и судопроизводства; служебных данных; сведений об изобретениях (полезных моделях, экспериментальных установках, промышленных образцах); профессиональной тайны [4].

Имеется потребность в осознании того, что информация, доступ к которой ограничен, должна по-особому храниться. Такое хранение не должно позволять получение доступа к ней со стороны третьих лиц, ведь в противном случае, ущерб может быть причинен не только интересам людей, но и общества, хозяйствующих субъектов, государства. Учитывая представленное, особое внимание уделяется вопросам, связанным с такой охраной, для выполнения которой могут быть применены профильные средства ограничения доступа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Федеральный закон от 01.05.2017 № 87-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета, № 94, 03.05.2017.

2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» (ред. от 30.12.2021) // СЗ РФ. 2006. № 31 (Ч. 1). Ст. 3448.

3. Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» (ред. от 11.06.2021) // Собрание законодательства РФ, 29.01.1996, № 5, ст. 410
4. Указ Президента РФ от 6 марта 1997 г. № 188 «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера» // СЗ РФ. 2006. № 31 (Ч. 1). ст. 3448.
5. Бирюков П.Н. Право интеллектуальной собственности: учебник и практикум для академического бакалавриата. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2019. 315 с.
6. Волков Ю.В. Информационное право. Информация как правовая категория: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., стер. М.: Издательство Юрайт, 2019. 109 с.
7. Камский В. Защита личной информации в интернете, смартфоне и компьютере. СПб.: Наука и техника, 2017. 272 с.
8. Малюк А.А. Защита информации в информационном обществе: Учебное пособие для вузов. М.: ГЛТ, 2017. 230 с.
9. Соболева К.И. Объекты и субъекты информационного права // Курский государственный университет, г. Курск. 2018. №7. С. 28-31.
10. Чипига А.Ф. Информационная безопасность автоматизированных систем. М.: Гелиос АРВ. 2017. 334 с.
11. Directive 2006/43/EC of the European Parliament and of the council of 15 March 2006 on the retention of data generated or processed in connection with the provision of publicly available electronic communications services or of public communications networks and amending Directive 2002/58/EC. 2006. p. 74.
12. Акименко, М. А. О некоторых криминологических свойствах фейковой информации в современных условиях / М. А. Акименко // Актуальные проблемы правосудия и правоохранительной деятельности : Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Пятигорск, 26 апреля 2022 года. – Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2022. – С. 217-221. – EDN CHJRAE.

И.М. Вильгоненко

кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры гражданского права и процесса
Юридического института ФГБОУ ВО «Пятигорский
государственный университет»
Vil-irina-m@yandex.ru

Ю.Н. Слепенко

кандидат юридических наук, доцент
доцент кафедры кафедрой гражданского права и процесса
Юридического института ФГБОУ ВО «Пятигорский
государственный университет»
slep.80@mail.ru

ОСНОВАНИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ ИНФОРМАЦИИ

Аннотация: В статье рассмотрены некоторые основания возникновения и развития обеспечения конфиденциальности информации. Авторами сделан вывод о том, что совокупность информационных технологий отражается на сознании людей, их образе жизни и возможностях. Они также влияют на набор ценностей и приоритетов. Как результат, они отражаются на глобальном развитии общества, формируя его информационную реальность.

Ключевые слова: информационная безопасность, информационные технологии, информационная пропаганда, информационные средства

I.M. Vilgonenko

Candidate of Legal Sciences, Associate
Professor Associate Professor of the
Department of Civil Law and Process
Vil-irina-m@yandex.ru

Yu.N. Slepёnok

Candidate of Legal Sciences, Associate
Professor
Associate Professor of the Department of Civil Law and Process
slep.80@mail.ru

REASONS FOR THE EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF INFORMATION CONFIDENTIALITY

Abstract: The article discusses some of the reasons for the emergence and development of information confidentiality. The authors conclude that the totality of information technologies affects people's consciousness, their lifestyle and opportunities. They also affect a set of values and priorities. As a result, they are reflected in the global development of society, forming its information reality.

Keywords: information security, information technologies, information propaganda, information tools

Для информации, как и для экономических ресурсов, присутствующих в человеческом обществе, характерна реализация таких процессов, как накопление, хранение и последующее использование, выраженное в ее распространении. Из указаний Т. Стоуньера следует, что для капиталистического общества, существовавшего в XIX веке, именно технические образцы выступали результатом овеществленного человеческого труда. В этом определении прослеживается мысль о признании в качестве овеществленной информации тех технических изобретений, в основе которых лежал овеществленный труд [9, с. 392].

Закономерность того, что информационное общество формируется, обусловлена эволюцией современного социума, для которого характерно масштабное внедрение информационных технологий и существенное развитие в информационном пространстве.

Вместе с тем, как информационные технологии внедряются, происходит формирование нового общества. В нем должно быть сформировано правильное представление о том, какая специфика свойственна информации и каким потенциалом она обладает.

Современные исследователи выражают особое беспокойство относительно того, какие опасности и угрозы возникают в процессе информатизации.

Многие специалисты указывали на то, что проблемы, связанные с информационной безопасностью сложно освещать. Причиной тому выступает отсутствие общепринятых понятий, которыми может быть предметно описано конкретное направление. Понятие «информационной безопасности» нередко используется совместно с определением «безопасности информации». Отсутствуют сомнения в наличии взаимосвязи таких определений.

За счет показателей, свойственных информационной среде, можно определить то, насколько качественной является общественная жизнедеятельность, как она развивается и является ли безопасной. Благодаря своевременности, полноте и интенсивности

информационного взаимодействия, присущие обществу процессы жизнеобеспечения получают должное регулирование. Учитывая это, информационную структуру необходимо считать в качестве основной цели, присущей информационному оружию.

Из утверждения Е.Ю. Киреевой следует, что в качестве мишени, на которую посягает «асимметричная» война, выступают характерные для государства жизненно-важные показатели. Представленные точки имеют статус критических инфраструктур, в результате чего, уничтожение таковых, как и их действие может повлечь за собой возникновение пагубных последствий, которые будут иметь негативное воздействие на безопасность, социальное и экономическое благополучие граждан [3, с. 105].

Первым шагом к совершению информационной революции выступило появление электронно-вычислительных машин, которое пришлось на 40-е годы XX в. За микроэлектроникой, при этом, был закреплен статус материального ядра. То, насколько современные технологии являются развитыми, позволяет говорить о качестве перестройки информационной среды. Это влечет за собой признание информации в качестве основной общественной ценности.

Совокупность существующих информационных технологий имеет существенное влияние на сознание человека, отображаясь на образе его жизни. В ряде случаев отмечается смена ценностей и приоритетов. Те технологии, что свойственны современному обществу, признаются в качестве фактора, отражающегося на глобальном развитии общества, элементом которого выступает информационная реальность. Информационное направление необходимо признать в качестве базовой основы возникающих в обществе конфликтов на политической, социальной и экономической почве. Систематизация угроз и опасностей, возникающих в силу того, что современные технологии используются, выполнена исходя из направлений общественной жизнедеятельности [6, с. 122].

В социальном направлении появилась опасность того, что возникнет «информационное расслоение», в силу которого будет сформирована информационная элита. В то же время, в обществе и государстве нарастает тревога, связанная с широким распространением компьютерных преступлений.

Духовно-культурное направление характеризуется присутствием угроз, связанных с манипуляцией человеческим сознанием, в результате которого человек может быть психически и социально дезадаптирован. Осознание и вероятность реализации такой опасности послужили причиной к тому, чтобы различные заболевания начали развиваться [8, с. 215].

Отмечается наличие прямой зависимости экономических показателей государства от того, на каком уровне развития находится создание и использование информационных технологий. Учитывая это, возникает глобальность проявляющихся кризисных явлений. Определенная опасность возникает и в силу того, что информационные технологии внедряются в производственные процессы, что порождает снижение потребности в трудовых резервах и дегуманизирует труд [10, с. 501].

Первые признаки существования информационного противостояния появились еще на древних исторических этапах. Они были наиболее заметны в те моменты, когда возникали военные и политические конфликты. Так, древнекитайским полководцем Сунь-Цзы еще в VI-V вв. до нашей эры были представлены информационно-интеллектуальные приемы, применяемые в ходе военных конфликтов. И сегодня такие приемы продолжают отличаться актуальностью. Их используют дипломаты и политики в качестве методической базы. Рассматриваемая концепция заключается в том, что управлять врагом можно в результате его заманивания в ловушку за счет предлагаемой выгоды, что не только ослабляет и изматывает его, но и лишает храбрости. Для существующей истории характерно наличие широкого спектра примеров, из которых усматривается роковая роль дезинформации народа за счет проведения акций информационно-пропагандистского характера [4, с. 115].

Развитие информационного оружия и информационной экспансии отмечалось в XX в. Существенная роль в этом направлении отводится информационной пропаганде. Информационные средства активно создавались и применялись в США, в особенности в то время, когда осуществлялось ведение борьбы с терроризмом и боевых действий на территории иных стран. Можно признать обоснованным мнение о том, что информационное превосходство будет признано наиболее приоритетным вооружением в XXI в. Использование такого превосходства обеспечит участникам современных войн возможность применения поражающих методов и средств [1, с. 324]. Ряд специалистов признает, что информационная безопасность развивалась вместе с тем, как происходили информационные революции. Суть представленного подхода указывает на то, что общественная безопасность зависит от того, какой объем информации получает социум и какое качество ей свойственно [5, с. 32].

Для первого этапа характерен период, продлившийся до 1816 года. Это время характеризуется проявлением со стороны человека и общества естественного стремления к защите информации, касающейся уникальных данных. Следом наступил второй этап, для которого был свойственен переход от проведения в отношении информации физической защиты к тому, чтобы создавались технические средства. Наступление третьего этапа пришлось на 1935 год, когда были применены средства радиолокационного и гидроакустического типа. В ходе четвертого этапа, который был начат в 1946 году, отмечалось использование ЭВМ для того, чтобы связанные с информационной безопасностью задачи были разрешены. Пятой стадией, наступившей в 1965 году, выступило создание информационных сетей локального типа, которые были призваны обеспечить информационную безопасность. Уже в 1973 году был запущен шестой этап, в ходе которого применялись сверхмобильные коммуникационные механизмы, обеспечивающие достижение высокотехнологичных целей. Период существования седьмого этапа начался в 1985 году. В это время начали активно развиваться космические разработки и информационные сети. Имеются предположения о том, что для очередного этапа будет характерно широкое использование технологий информационно-коммуникационного характера за счет их применения через глобальную сеть и космические системы. В этом процессе может потребоваться обеспечение информационной безопасности на глобальном уровне [7, с. 120].

Не исключено, что для представленного подхода может быть свойственно наиболее глубокое и точное изучение проблем, связанных с информационной безопасностью и развитием этого направления. Изучение этой классификации позволяет выполнить детальное отражение тех шагов, в ходе совершения которых информационное воздействие совершенствовалось. В то время, когда мировое информационное пространство функционирует, обеспечение информационной безопасности происходит за счет применения усилий со стороны всех государств, относящихся к мировому сообществу. Учитывая это, прослеживается наличие потребности в том, чтобы информационная безопасность была сформирована на общемировых началах. При таких условиях развитие в рассматриваемом направлении может быть устойчивым [11, с. 93].

Прослеживается потребность в определении основных направлений, в которых глобальная информационная безопасность будет развиваться. К их числу относятся: создание такого состояния, в котором глобальная информационная среда была защищена от тех потенциальных угроз, которые возникают; осуществление развития в создании такого информационного пространства, которое было бы безопасным для общества и людей; достижение справедливости при распределении благ и ресурсов, характеризующих глобальную информационную среду, свойственную государствам и народам; создание условий к устойчивости развития, при котором общемировая информационная среда будет надлежаще развиваться.

На этапе реализации этой стратегии важно понимать, что мировое информационное пространство безгранично. Учитывая это, именно мировому сообществу поручены его

защита и укрепление. Имеется потребность в изучении вопросов о законодательном согласовании тех задач и стандартов, на которых базируется сотрудничество государств. Реализация таких мер может быть также направлена на подавление противостояний, возникающих в информационном пространстве. Существенные технологические преобразования были отмечены в завершении XX и начале XXI века. Вместе с ними, возникли новые угрозы и опасности. Новая информационная цивилизация базируется на значимых технологических возможностях, оказаться на вершине, которой может только то общество, которое сохранит высокие нравственные идеалы и будет ответственно относиться к совершаемым шагам.

На современном этапе рассмотрение информационных технологий осуществляется в качестве фактора, воздействующего на социум и обеспечивающего его развитием. То, как такие технологии будут применяться в будущем, находится в зависимости от того, какое общественное развитие будет иметь место и какой выбор сделает общество.

Со стороны основателей концепции о том, что собой представляет информационное общество, было сделано признание ключевого значения информации и знаний, которые являются более значимыми, нежели материальное производство, услуги и энергия. В представленном положении информационным технологиям и телекоммуникации предоставляется статус агента, способного изменить политические, социальные и экономические мировые показатели. Прослеживается утопичность в прогнозах, составленных относительно того, каким будет социальный строй в будущем. Благодаря реализации концептуального анализа было установлено, что исследователи без особой критичности относятся к вопросам о феномене информационного общества, в результате чего реальные угрозы и опасности не вызывают должного внимания [2, с. 312].

Таким образом, можно сказать, что информационное общество формируется в рамках закономерных эволюционных этапах, свойственных социуму. Прямое воздействие информационной среды оказывается на жизнедеятельность общества, предопределяя качество, свойственное его функционированию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Баранова Е.К. Информационная безопасность и защита информации: Учебное пособие. М.: Риор, 2018. 336 с.
2. Жук А.П. Защита информации: Учебное пособие. М.: Риор, 2022. 400 с.
3. Киреева Е.Ю. Реализация права на доступ к информации с учетом особенностей режима информации в РФ // Молодой ученый. 2017. №45. С. 104-107.
4. Мельников В.П. Защита информации: Учебник. М.: Академия, 2019. 336 с.
5. Наумов В.Б. Негативные закономерности формирования понятийного аппарата в сфере регулирования интернета и идентификации // Информационное право. 2018. № 1. С. 32–34.
6. Петров С.В. Информационная безопасность: Учебное пособие. М.: АРТА, 2017. 332 с.
7. Саяпина С.А. Субъекты информационного права // Журнал российского права. 2019. № 7. С. 119-122.
8. Северин В.А. Правовая защита информации в коммерческих организациях: Учебное пособие. М.: Академия, 2019. 225 с.
9. Стоуньер Т. Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики. Новая технократическая волна на Западе / под ред. П. С. Гуревича. М.: Прогресс, 1986. 450 с.
10. Сунгуров А.Ю. Дееспособность и правоспособность в информационном праве. Модернизация экономики и глобализация: в 3 кн. / отв. ред. Е. Г. Ясин. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2019. Кн. 1. 639 с.

11. Трошина С.М., Рязанова Т.П. Человеческий фактор как угроза информационной безопасности // Вестник Уральского финансово-юридического института. 2017. № 2(4). С. 93–96.

12. Акименко, М. А. О некоторых криминологических свойствах фейковой информации в современных условиях / М. А. Акименко // Актуальные проблемы правосудия и правоохранительной деятельности : Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Пятигорск, 26 апреля 2022 года. – Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2022. – С. 217-221. – EDN CHJRAE.

Е.В. Кремнева

старший научный сотрудник отдела
научного обеспечения участия прокурора
в гражданском, арбитражном и
административном процессе, производстве
по делам об административных
правонарушениях НИИ Университета
прокуратуры Российской Федерации
kremneva.ev@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИСКОВОЙ РАБОТЫ ПРОКУРОРОВ ПО ПРИЗНАНИЮ ИНФОРМАЦИИ ЗАПРЕЩЕННОЙ К РАСПРОСТРАНЕНИЮ

Аннотация. В статье проанализирована практическая деятельность прокуроров по предъявлению административных исковых заявлений о признании информации, размещенной в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», информацией, распространение которой в Российской Федерации запрещено.

Ключевые слова: прокурор, суд, арбитражное судопроизводство, информация

E. V. Kremneva

Senior Researcher of the Department
scientific support of the prosecutor's participation
in civil, arbitration and administrative proceedings,
proceedings on cases of administrative offenses of the Research
Institute University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
kremneva.ev@yandex.ru

CURRENT DIRECTIONS OF THE PROSECUTORS' CLAIM WORK ON THE RECOGNITION OF INFORMATION PROHIBITED FOR DISSEMINATION

Abstract. The article analyzes the practical activities of prosecutors in filing administrative claims for recognition of information posted in information and telecommunications networks, including on the Internet, as information, the dissemination of which is prohibited in the Russian Federation

Keywords: prosecutor, court, arbitration proceedings, information

Процессуальное законодательство вне уголовно-правовой сферы в последние годы знаменуется различными кардинальными преобразованиями, в том числе связанными с началом функционирования с 15 сентября 2015 г. административного судопроизводства как самостоятельного вида судебного процесса, предусмотренного ч. 2 ст. 118 Конституции Российской Федерации. Соответствующие законодательные новеллы были

продиктованы объективной необходимостью отдельного кодифицированного регулирования производства по делам, возникающим из публичных правоотношений.

К административным делам, рассматриваемым по правилам Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ), относятся дела, возникающие из правоотношений, не основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников, в рамках которых одна сторона этих правоотношений реализует административные и иные публично-властные полномочия по исполнению и применению законов и подзаконных актов по отношению к другому лицу (п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2016 № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации»).

В свою очередь, Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал на необходимость особого внимания правоприменителей к спорам, в которых гражданин в отношениях с органами публичной власти выступает как слабая сторона и где применение правовых норм без учета всех обстоятельств дела может привести к значительному ухудшению его правового положения вопреки целям социального государства, призванного создавать условия для достойной жизни и свободного развития граждан (например, постановления от 13.12.2016 № 28-П, от 10.03.2017 № 6-П, от 11.02.2019 № 9-П).

С учетом этого прокуроры активно участвуют в административном судопроизводстве, предъявляя соответствующие требования или вступая в судебный процесс, инициированный другими лицами, нарабатывая к настоящему времени значительный опыт.

Основные направления такой работы прокуроров отображают категории административных исковых заявлений, направляемых ими в суд: согласно имеющимся данным [1] органами прокуратуры значительное внимание в 2021 г. уделялось признанию в судебном порядке информации, размещенной в информационно-телекоммуникационных сетях, запрещенной к распространению в Российской Федерации, – направлено в суд 102 206 административных исков, что составило почти 2/3 от всех обращений прокуроров в суд в порядке административного судопроизводства (далее – о признании информации запрещенной), в 2020 г. этот показатель составил 82 281 административное заявление (удельный вес – 61,2%).

Неуклонный рост административных исковых заявлений прокуроров о признании информации запрещенной (рассматриваются с учетом особенностей, предусмотренных гл. 27¹ КАС РФ, которая введена Федеральным законом от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») связан с нарастанием количества информации, размещаемой в сети «Интернет» и, соответственно, с увеличением фактов запрещенной информации. Такие специальные процедуры отдельные исследователи классифицируют как «процедуры применения административно-устраивающих мер» [2, стр. 119–126].

В целом информационная сфера, как указано в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646), неразрывно связана с состоянием политической, экономической, оборонной, социальной и других составляющих национальной безопасности страны. Ведущая роль в нормативной регламентации соответствующих отношений принадлежит Федеральному закону от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в котором под информацией понимаются сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления, а под распространением информации – действия, направленные на получение информации неопределенным кругом лиц или передачу информации неопределенному кругу лиц (п. 1 и 9 ст. 2). В общем под запрещенной понимается информация, направленная на пропаганду войны, разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды, а также иная информация, за

распространение которой предусмотрена уголовная или административная ответственность.

Прокуроры добиваются пресечения случаев распространения в сети «Интернет» информации склоняющей к коррупции, наркомании и алкоголизму, пропагандирующей насилие и жестокость, а также способы уклонения от военной службы, содержащей сведения по приобретению подделок официальных документов (удостоверений сотрудников правоохранительных органов, водительских удостоверений, медицинских справок и др.), о незаконном игорном бизнесе под видом оказания услуг и незаконной реализации лекарственных средств, медицинских изделий, алкогольной продукции, о продаже редких и исчезающих видов животных и растений и др.

Особенности производства по таким административным делам призваны решить многочисленные вопросы, возникавшие при рассмотрении соответствующих дел, и гарантировать высокие стандарты защиты прав, свобод и законных интересов граждан, в том числе прав несовершеннолетних на охрану здоровья. При этом необеспечение незамедлительного ограничения доступа к сайтам в сети Интернет, содержащим запрещенную информацию, зачастую подвергает детей реальной угрозе причинить себе или другим вред здоровью, поэтому ч. 4 ст. 265³ КАС РФ предусмотрено право прокурора инициировать принятие мер предварительной защиты в виде ограничения доступа к спорной информации.

Особенностью административных дел о признании информации запрещенной является то, что лица, размещающие информацию в сети «Интернет», зачастую не желают раскрывать данные о себе, однако в настоящее время данное обстоятельство преодолевается возможностью рассмотреть административное дело в отсутствие административного ответчика – владельца сетевого ресурса (администратора домена или владельца доменного имени). Такое исключение обусловлено сложностью, а иногда технической невозможностью установления ответственного лица, в связи с этим предусмотрена альтернативная подсудность – по адресу административного истца либо по адресу или месту жительства административного ответчика (ч. 2 ст. 265¹ КАС РФ).

Однако на практике установление ответчика по-прежнему вызывает затруднения, что обусловлено различными подходами в решении этого вопроса: в основном в качестве административного ответчика привлекаются администраторы (владельцы) доменного имени, владельцы сайтов, иногда организации и граждане как лица, разместившие информацию или являющиеся ее авторами; но встречаются мнения о том, что в качестве административных ответчиков не стоит привлекать провайдеров хостинга, администраторов (владельцев) доменных имен, владельцев сайтов, которые лишь обеспечивают техническую возможность размещения информации в сети Интернет, вследствие чего они не могут нести ответственность за ее содержание [3, стр. 64–65].

В качестве заинтересованного лица привлекается федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи.

Так, по иску прокурора информация, распространяемая посредством сети «Интернет» по соответствующему электронному адресу, признана информацией, распространение которой в Российской Федерации запрещено (решение Колпинского районного суда г. Санкт-Петербурга от 20.01.2021 № 2а-719/2021). При этом в решении суд указал, что, оценивая избранный прокурором способ защиты права, не исключается возможность признание информации, распространение которой в Российской Федерации запрещено, при невозможности установить и привлечь к участию в деле лицо, распространившее такую информацию.

Основанием для обращения прокурора в суд явилось размещение в свободном доступе в сети «Интернет» мультсериалов, содержащих информацию, наносящий вред психическому здоровью несовершеннолетних, их нравственному и духовному развитию. В обоснование приведенных доводов прокурором приведены выводы специалистов Санкт-

Петербургской академии постдипломного педагогического образования о распространении на указанных сайтах материалов деструктивного характера в отношении несовершеннолетних, причиняющих вред их здоровью и развитию, которая должна быть защищена от просмотра детьми любого возраста.

Социальные сети и мессенджеры в сети «Интернет» используются и для массового распространения среди несовершеннолетних бестабильных смесей, электронных сигарет, вейпов, активно вовлекают несовершеннолетних в так называемые «группы смерти», которые провоцируют суицидальное поведение у подростков.

Например, по заявлению прокурора признана запрещенной информация, побуждающая к проявлению деструктивного движения несовершеннолетних, путем подробного разъяснения умышленного перекрытия доступа кислорода к мозгу с целью вызвать кратковременный обморок и состояние эйфории (решение Ясненского районного суда Оренбургской области от 23.07.2021 по делу № 2(2)а-178/2021).

Развитие информационных технологий требует от прокуроров выявления не только незаконного контента, но и соответствующих программных продуктов.

Например, прокуратурой Саратовской области выявлена информация, запрещенная к распространению, которая содержалась в программном приложении Tor Browser, позволяющем устанавливать защищенное анонимное соединение, т.е. являющимся инструментом для посещения теневого сегмента Интернета. Анонимность этого приложения делает его привлекательным для криминала (детская порнография, оружие, широкий ассортимент противозаконных товаров, краденые персональные данные и пользовательские аккаунты, фальшивые деньги, услуги хакеров, мошенничество, кибербуллинг, шок и треш-контент). В связи с этим прокуратурой было направлено в суд административное исковое заявление о признании информации, содержащейся в указанном программном приложении, запрещенной к распространению на территории Российской Федерации, Саратовским районным судом Саратовской области требования прокуратуры удовлетворены в полном объеме [4].

Вступившее в законную силу решение суда о признании информации запрещенной к распространению, подлежащее немедленному исполнению, служит основанием для включения указателей страниц сайтов в реестр доменных имен.

Вместе с тем прокуроры сталкиваются с ситуацией, когда в последующем владельцы сетевых ресурсов (сведения о которых отсутствовали на момент предъявления прокурорами административных исков и их рассмотрения судом) обращаются с жалобами в суд апелляционной инстанции на нарушение норм процессуального права, что влечет отмену состоявшихся решений по основаниям, предусмотренным п. 2, 4 ч. 1 ст. 310 КАС РФ (например, апелляционные определения Мурманского областного суда по делу № 33а-587/2022, Верховного Суда Республики Саха (Якутия) по делам № 33а-2186/2019 и № 33а-2191/2019).

Применительно к этим случаям необходимы, на наш взгляд, разъяснения Верховного Суда Российской Федерации о том, что рассмотрение таких административных дел в отсутствие административного ответчика само по себе не может служить безусловным основанием для отмены судебного акта, а требует оценки сделанных судом выводов относительно действительного характера информации, признанной запрещенной.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Выборочные статистические данные из формы 2 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции» за 2020–2021 гг., утверждены приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 11.04.2017 № 65.
2. Стахов А.И. Меры административно-правового принуждения, применяемые в

России в порядке, урегулированном административно-процессуальным законодательством // Российский юридический журнал. 2021. № 6. С. 119–126.

3. Зуева Л.Ю. Рассмотрение судами административных дел о признании информации, размещенной в сети Интернет, информацией, распространение которой в Российской Федерации запрещено // Административное право и процесс. 2022. № 2. С. 64–65.

4. В Саратовской области по требованию прокуратуры информация, содержащаяся в программном приложении Tor Browser, признана запрещенной к распространению на территории Российской Федерации / 29.07.2022 / Генеральная прокуратура Российской Федерации: [сайт] URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news/archive?item=75679024> (дата обращения: 17.03.2023).

5. Тхабисимова, Л. А. Конституционная законность: понятие, содержание и проблемы обеспечения / Л. А. Тхабисимова, А. В. Урумов // Право и государство: проблемы методологии, теории и истории : материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 17 мая 2019 года. – Краснодар: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации", 2019. – С. 63-69. – EDN SOETAQ.

6. Акименко, М. А. О некоторых криминологических свойствах фейковой информации в современных условиях / М. А. Акименко // Актуальные проблемы правосудия и правоохранительной деятельности : Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Пятигорск, 26 апреля 2022 года. – Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2022. – С. 217-221. – EDN CHJRAE.

С.А. Кубатко,

кандидат исторических наук, доцент
кафедры гражданского права и процесса

Юридического Института ФГБОУ ВО
«Пятигорский государственный университет»
г. Пятигорск

АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ, ЭКСПЛУАТИРУЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

Аннотация. Статья посвящена особенностям правовых аспектов регулирования информационных систем, которые тесно связаны с использованием интернет-ресурсов и глобальной сети в целом. Информационные системы все больше определяют возрастающую социальную, правовую, экономическую значимость этих отношений, необходимость их юридического изучения и выявления недостатков юридических механизмов контроля и надзора в информационной среде. Актуальность выбранной темы определяется необходимостью эффективности принятия решений на федеральном уровне.

Ключевые слова: информация, информационная система, пользователь, Интернет, веб-сайт, телекоммуникационные сети, мораль, право, закон

Одной из основных задач Государственной программы «Электронная Россия» являлось создание информационного общества и гражданина нового типа - пользователя информационных систем. Но новые информационные реалии создают различные угрозы, которые ранее не были известны российскому обществу. Киберпространство, которое тесно связано с сетью «Интернет» достаточно многогранная и сложная система. Многие правоведы акцентируют, что эта сфера имеет социальный и технический аспект. Определение Интернета не отражено в законодательстве: существует общая концепция

информационной и телекоммуникационной сети в целом и определенных случаев проявления сети - веб-сайт в Интернете и веб-сайт в Интернете, изложенные законодательным органом. Специфика Интернета, которая оказывает влияние на регулирование возникающих правовых отношений, не в полной мере отражены в современном законодательстве.

То, что было сказано в Интернете ранее, предполагает, что это гигантская компьютерная сеть, соединяющая бесчисленное множество небольших компьютерных сетей. Совокупность отдельных компонентов так или иначе объединяется в конкретную систему и система приобретает новые свойства. Конечно, появление новой системы с новыми социальными характеристиками в социальном применении требует тщательного юридического анализа, чтобы обеспечить формирование новых правовых норм и их закрепление в законодательстве.

Необходимо рассмотреть «Законодательство об Интернете», которое содержит свод законов и других правил для отношений в киберпространстве. Отношения "Интернет" - это отношения, которые реализуются в киберпространстве и регулируются соответствующими стандартами. В дополнение к этому определению, отношения в Интернете - это отношения, связанные с регулированием виртуального пространства, необходимым для обеспечения безопасности, а также для защиты частных и общественных интересов различных организаций. В этом случае пострадают все (юридические и физические) лица, которые каким-либо образом используют (или передают) данные в Интернете» [6: 17].

Появление «Интернета» также раскрывает новую концепцию - кибербезопасность, то есть «статус безопасности сбалансированных интересов человека, общества и государства от внутренних и внешних угроз в киберпространстве, основанный на общепризнанных принципах и нормах международного и национального киберпространства. Право основано ". При осуществлении деятельности, даже в кибер-среде, всегда возникает особая конфликтная ситуация, в данном случае «Интернет» - спор, который понимается как «неразрешенное разногласие между различными юридическими лицами в виртуальном пространстве Интернета и» Общие суды, арбитражные суды, специальные комиссии и т.д.»

В контексте множества терминов для сетей передачи данных некоторые определения Интернета рассматриваются ниже. Интернет обычно характеризуется как компьютерная сеть, но эта функция отражает не только текущие тенденции в сети обычных компьютеров, но также все устройства, которые могут быть подключены удаленно, и т. д. Сегодня понятие «Интернет вещей» «Твердо закреплено в сознании большинства людей не только в России, но и во всем мире.

До сих пор был представлен ряд определений Интернета, которые описывают его как компьютер или информацию. Можно указать следующие его признаки:

1. Глобальный международный характер, который отличает Интернет от множества других информационных и коммуникационных систем.
2. Общая доступность, несмотря на ограничения, накладываемые на использование определенных технологий сбора или сбора данных.
3. Возможность передачи цифровых сообщений для использования электронными компьютерами.

Сегодня Интернет представляет собой всеобъемлющую информационно-телекоммуникационную сеть, которая переносит людей со всего мира в виртуальное пространство без границ и с одним владельцем. Сеть развивается настолько быстро, что законодательство в момент его вступления в силу часто становится неактуальным. Поэтому саморегулирование во многих случаях является наиболее важным методом регулирования сетевых отношений. Во многих отношениях процессы саморегуляции, например, в российском сегменте Интернета, основаны на нормах морали, морали и права, общепринятых в обычной жизни. В этом контексте необходимо срочно применить

цензуру.

Рост числа случаев нарушения авторских прав, защиты интеллектуальной собственности, распространения запрещенной информации в Интернете - все это стало причиной необходимости государственного регулирования Интернета» [8].

Более того, с учетом того факта, что многие типы отношений реализуются через Интернет, представляется необходимым рассматривать концепцию правовых вопросов в Интернете на плюралистической основе. Поэтому различные объекты человеческой деятельности - произведения литературы, искусства, музыки - могут быть объектами отношений и др. [7].

Содержание информации, опубликованной на сайте, включая незаконную информацию, может привести к нарушению прав интеллектуальной собственности - это поднимает вопрос о характере сайта и о том, кто должен нести ответственность за эти действия. Размещение информации на веб-сайте обычно может охватывать несколько тематических групп.

В соответствии со статьей 15 Закона об информации [2] может быть установлена личность лица, использующего информационно-телекоммуникационную сеть для своей предпринимательской деятельности. Необходимо уточнить ответственность операторов за получение согласия абонентов на использование вспомогательных услуг, а также услуг, предоставляемых третьими лицами по договору с поставщиком услуг, и информировать клиентов об условиях предоставления этих услуг; ответственность операторов связи и хостинг-провайдеров за хранение и доставку заявки утвержденных государственных органов, используемых в оперативно-розыскных мероприятиях, уточнение информации о пользователях, предоставивших свои услуги и услуги.

В соответствии с федеральным законодательством неправомерная деятельность с информацией подразделяется на несколько видов:

- распространение информации, порочащей честь и достоинство человека;
- сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия [1];
- информация, причиняющая вред здоровью и (или) развитию детей - информация, распространение которой среди детей запрещено или ограничено в соответствии с Федеральным законом № 436 [3];
- информации о несовершеннолетнем, пострадавшем в результате противоправных действий (бездействия), распространение, которой запрещено федеральными законами [4];
- распространение информации, которая направлена на пропаганду войны, разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды.
- распространение информации с нарушением исключительных прав на фильмы, в том числе кинофильмы, телефильмы; и т.д.

Пока рано говорить о регулировании отношений облачных технологий на правовом уровне, но уже есть некоторые условия. Поскольку облачные технологии связаны с информационными технологиями, они регулируются соответствующим законодательством.

Как отметил Войниканис Э., использование облачных технологий связано с четырьмя основными проблемами: обеспечение информационной безопасности, защита персональных данных, вопросы юрисдикции, распределение ответственности [5]. Отношения с использованием облачных технологий в сочетании с саморегулированием могут регулироваться государственным законодательством. Нормативное регулирование облачных вычислений осуществляется посредством принятия политик, концепций и планов по внедрению облачных технологий, административных документов и нормативных актов облачных информационных систем уполномоченными государственными органами и т.п.

Существуют и другие проблемы, связанные с передачей личной информации поставщику облачных услуг. Во-первых, в присутствии оператора для обработки информации должно быть согласие субъекта. Кроме того, вычислительные объекты физического местоположения также должны учитываться при определении юрисдикции. Кроме того, сегодня часто упоминаются туманные расчеты.

Таким образом, также возможно при подключении к Интернету соблюдать требования защиты информации в соответствии с указанными требованиями. Сегодняшнее развитие облачных технологий предполагает, что многие правительственные информационные системы будут использовать эти технологии в ближайшем будущем.

Ситуация регулирования и государственного контроля усложняется, когда каждый участник принимает на себя роль владельца Интернета и оператора денег. Появление одноранговых сетей означало, что прямые участники от третьих сторон - операторы - были отклонены. Суть одноранговых систем заключается в равном участии всех областей отношений. Положительным моментом является отсутствие разных видов комиссий и сборов при проведении транзакций. Такие расчеты вначале стоят дорого - при покупке специального оборудования - а также с огромным энергопотреблением, что противоречит современным концепциям «умного города» - экономия электроэнергии, «зеленые вычисления» - снижение затрат и влияние на окружающую среду при работе с компьютерами и т.д.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что информационно-коммуникационную сеть «Интернет» предлагается рассматривать как информационную среду, в которой функционирует неограниченное количество информационных систем, в том числе сайты, приложения, поисковые системы, информационные системы, работающие с использованием сети «Интернет». Рассматривается субъектный состав участников «Интернет»-отношений. Предложен критерий для классификации информационных систем, который определяет возможность подключения информационной системы к сети «Интернет». Необходимым условием является установление требований по обеспечению информационной безопасности информационных систем как обязательного компонента правового режима государственных информационных систем в виде совокупности правовых, организационных, технических средств, устанавливаемых государством при регулировании всего жизненного цикла государственных информационных систем.

Таким образом, развитие информационных технологий в государственном управлении является многофакторным доминантным процессом, который поддерживается на всех уровнях государственной власти и постоянно совершенствуется. Очевидно, он должен сопровождаться активной и многосторонней работой по формированию законодательной нормативной базы, позволяющей максимально точно устанавливать возникающие правовые отношения соответствующего правового режима и определять адекватные меры ответственности за нарушения в данной сфере. Информационные системы являются неотъемлемой частью деятельности государственных и муниципальных органов. Система функций и полномочий органов государственной и муниципальной власти является основой для создания и использования информационных систем, обеспечивающих выполнение стоящих перед ними задач и функций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993. (с изм. и доп. 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. 29.12.2022 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
3. Федеральный закон от 29.12.2010 «О защите детей от информации,

причиняющей вред их здоровью и развитию» № 436-ФЗ (ред. 29.12.2022 г.) // Российская газета. 2010. 31 декабря.

4. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части ограничения распространения информации о несовершеннолетних, пострадавших в результате противоправных действий (бездействий)» от 05.04.2013 № 50-ФЗ (ред. 29.12.2022 г.) // Российская газета. 2013. 10 апреля.

5. Войниканис Е. О концепции правового регулирования облачных вычислений [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://easier.pro/news/legal/on_the_concept_of_legal_regulation_of_cloud_computing/

6. Полякова Т.А. Правовое обеспечение информационной безопасности при построении информационного общества в России: дис. ... докт. юр. наук. М., 2020. - 200 с.

7. Рассолов И.М. Право и «Интернет». Теоретические проблемы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

8. Телешина Н.Н. К вопросу о совершенствовании государственного контроля виртуального пространства [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

9. Акименко, М. А. О некоторых криминологических свойствах фейковой информации в современных условиях / М. А. Акименко // Актуальные проблемы правосудия и правоохранительной деятельности : Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Пятигорск, 26 апреля 2022 года. – Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2022. – С. 217-221. – EDN CHJRAE.

С.Р. Решетняк

старший преподаватель кафедры правового обеспечения деятельности органов власти
Северо-Кавказский институт-филиал
«Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ»
г. Пятигорск
sergey.reshetnyak.85@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕДУРЫ СОЗДАНИЯ СУБЪЕКТА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ «ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ»

Аннотация. В статье рассматривается процесс приобретения статуса участника предпринимательской деятельности и связанные с этим сложности в вопросе взаимодействия с государством, в складывающихся условиях противодействия уходу бизнеса в «теневую» сферу и усиления значения цифровых технологий в данном направлении.

Ключевые слова: регистрация бизнеса, IT-технологии, теневой бизнес, статус предпринимателя.

S.R. Reshetnyak

senior lecturer of the PODOV Department
North Caucasus Institute-branch
of the "Russian Academy of National Economy
and Public Administration under the
President of the Russian Federation"
in Pyatigorsk

TOPICAL ISSUES OF REGULATION OF THE PROCEDURE FOR CREATING A BUSINESS ENTITY IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION AND COUNTERING THE "SHADOW ECONOMY"

Abstract: The article examines the process of acquiring the status of a participant in entrepreneurial activity and the associated difficulties in the issue of interaction with the state, in the current conditions of countering the departure of business into the "shadow" sphere and the increasing importance of digital technologies in this direction.

Keywords: business registration, IT technologies, "shadow business", entrepreneur status.

Несмотря на то, что фактически субъект предпринимательства создается на основании решения учредителя, реальные полномочия по участию в предпринимательской деятельности и соответствующий статус возникает исключительно с момента государственной регистрации. Сама по себе процедура регистрации обычно рассматривается как комплексная деятельность, создающая правовые последствия, в силу участия в ней органов государственной власти, цель которой – появление нового легального участника бизнеса.

Данный процесс является формализованным и детально прописанным законодательно [1, 2]. Однако, в процессе регистрации могут возникать сложности, создающие риски закрытия бизнеса из-за допущенных нарушений. Указанные нарушения, поднимают вопрос о легальности такой деятельности, что фактически делает все заключенные в этот период сделки незаконными.

Пройдя же регистрацию без нарушений, бизнесмен или корпорация, приобретают легальное право быть участником любых предпринимательских сделок, получать государственную поддержку, участвовать в закупках, и совершать иные действия, направленные на извлечение прибыли.

Регистрация нужна для бизнеса, поскольку, не имея легального статуса предпринимателя, невозможно получить определенные правомочия, например разрешения на занятие отдельными видами деятельности или запатентовать товарный знак, поскольку по закону предоставляются лицензии и патенты на средства индивидуализации бизнеса исключительно субъектам с официальным статусом предпринимателя.

Процедура государственной регистрации бизнеса может происходить по различным сценариям. Самым простым способом является самостоятельная регистрация бизнеса, в которой будущий субъект предпринимательской деятельности собирает все необходимые для регистрации документы, самостоятельно обращается с заявлением и ждет отведенного по закону срока.

С появлением цифрового способа регистрации в режиме онлайн через сервисы государственных услуг или соответствующие ресурсы ФНС, процедура регистрации стала ещё более доступной, понятной и ускоренной. Если для регистрации выбирается такой способ, регистрационная информация сразу размещается на цифровых ресурсах ФНС России.

Второй способ – коммерческий. Так называемый «бизнес под ключ». Этот вариант часто предлагают банки, которые готовы за соответствующее вознаграждение взять в свои руки прохождение процедуры. Бонусом такого подхода нередко становится открытие всех расчётных счетов будущего бизнеса в соответствующем банке, с которых банк будет получать процент с операций по счетам. В качестве примера мы приводим соответствующие предложения Райффайзен Банка [3] и Росбанка [4]. В обоих случаях предлагается методическая помощь по разработке учредительных документов, на основании которых и будет осуществлена регистрация. Также предоставляется

информация по прохождению регистрации в режиме онлайн самостоятельно.

При этом, как на стадии подготовки документов и проведения собрания учредителей, так и на этапе прохождения официальной регистрации в налоговом органе, субъекты, стремящиеся стать участниками предпринимательской деятельности, обладают правом на защиту их прав и законных интересов, путем оспаривания в административном и судебном порядке действий и решений органов государственной власти и третьих лиц, которыми могут быть компании, занимающие доминирующее положение на рынке и препятствующие появлению конкурентов, при условии их противоправности [5. С. 58].

Предметом правовой защиты будут выступать права и интересы граждан, и прежде всего конституционные права на занятие предпринимательской деятельностью и защиту конкуренции [6. С. 44].

Тем самым формируется факт предоставления субъективного права защиты граждан и компаний, стремящихся получить статус участников предпринимательской деятельности. А предметом защиты будут выступать их подлежащие оспариванию или нарушенные права и интересы лиц.

В этом факте нет ничего странного за исключением одного нюанса. Получается, что, если следовать классическому подходу, согласно которому субъекты предпринимательской деятельности становятся таковыми лишь после государственной регистрации.

Однако, в таком случае они не могли бы на законных основаниях реализовывать своё право на правовую защиту от противоправных действий в момент прохождения регистрации, поскольку, следуя логике, ещё не правосубъектны. Но такое право у них есть, и нередко они им пользуются, обращаясь в ФНС, ФАС РФ и в судебные органы по факту неправомерного отказа в регистрации в качестве участника предпринимательской деятельности, нарушения сроков постановки на учет и тому подобное.

И если в случае с физическим лицом это можно списать на отсылку к его конституционным правам гражданина, то в случае с юридическим лицом такой приём не работает.

Всё это говорит, о фактическом возникновении правосубъектности участников предпринимательской деятельности в момент принятия решения о создании такого субъекта, а процедура регистрации лишь наделяет его возможностью быть участником предпринимательских правоотношений и участвовать в гражданском обороте и связанных с этим сделках.

Параллельно кардинально меняется ситуация, собственно, в вопросе предпринимательских сделок. Одним из последствий пандемии стало развитие онлайн-бизнеса, когда многие сделки заключались дистанционно, в том числе и с помощью такого инструмента как смарт-контракт, предусматривающего полное отсутствие физического контакта контрагентов.

В этой связи, не имея возможности дать оценку другой стороне иначе как путем проверки его документации, стали часто запрашиваться сведения о легальности бизнеса. С субъектами, не способными эти сведения предоставить, сделки чаще всего не заключались. А в некоторых случаях в принципе не заключались, поскольку сделки в цифровой среде значительно проще отследить и проверить их на предмет законности. Поэтому и опытные предприниматели и грамотные потребители, стали предпочитать вести дела лишь с законными представителями бизнес-сообщества, игнорируя нелегалов.

Таким образом, государство создает правовой режим ведения бизнеса, при котором лишь его законный сегмент становится безопасным и гарантированным со стороны самого государства в то время, как теневой сегмент приобретает рисковый характер. Поэтому предпринимателю «проще лучше государственную регистрацию субъектов предпринимательской деятельности, чем постоянно находиться в страхе преследования со стороны законодательства» [7. С. 104].

Говоря о «теневом бизнесе», важно сказать, что сегодня в России прилагаются

большие усилия по выведению бизнеса из серой зоны и создания легальных условий его ведения, что нередко становится темой для обсуждения не только в Государственной Думе РФ, в рамках принятия очередного закона, но и в научном сообществе.

В стратегических документах России, в первую очередь Указе Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» большое внимание было уделено вопросам выведения бизнеса из зоны «теневой» экономики, и перспективам легализации бизнеса.

Обострение геополитической ситуации лишь «усугубило» эту ситуацию для «серого» бизнеса, поскольку контроль за экономическими отношениями в целом со стороны государства усилился. Он стал более незаметным, но и более строгим в вопросе применяемой ответственности по отношению к нарушителям.

Так же дела обстоят и с получением кредита для бизнеса. Ни один банк не предоставит заём, если предприниматель или компания не предоставят подтверждение легальности своего статуса, а также не смогут подтвердить законность средств, которыми оперирует бизнес, либо за счёт которых производит расчёт по долговым обязательствам. Поскольку это создаёт риски отзыва лицензии уже для самого банка.

При этом в современной экономике кредит является жизненно важным инструментом ведения бизнеса, поскольку позволяет оперативно привлекать свободные средства, в то время как собственные активы находятся в обороте и их извлечение из оборота приведет к существенным убыткам для предпринимателя [8. С. 57].

Заёмные средства будут необходимы и при развитии бизнеса. Тут уже речь идёт об инвестициях. Но и их никто не предоставит, если бизнес официально не зарегистрирован [9. С. 276].

Государство предоставляет для бизнеса множество возможностей, но исключительно в том случае, если он легализован. Например, в период пандемии, многие предприниматели в основном из числа малого и среднего бизнеса получали государственную поддержку. Но лишь те его представители, которые были официально зарегистрированы. Остальным в праве на получение государственной поддержки было отказано.

Тем самым степень рисков при ведении легального бизнеса значительно меньше, чем при работе в «серой зоне». По этой причине многие предприниматели стали активнее делать свой бизнес легальным. А государство стало упрощать работу бизнеса, упрощая бюрократические процедуры и создавая инструменты поддержки предпринимательской деятельности.

Важным в процессе легализации до настоящего момента является процесс доверия бизнеса к государству, которое по сути, есть ни что иное, как вопрос гарантированности прав предпринимателей. Возрастает роль государства в вопросе защиты прав предпринимателя. А сам вопрос выстраивания отношений бизнеса и власти, дающих возможность бизнеса защитить себя за счёт обращения к государству, приобретает системообразующие черты.

Важным в этом случае становится эффективность контроля за бизнесом и за органами власти, содействующих и контролирующих бизнес, а также привлечение нарушителей установленных правил ведения бизнеса и государственного администрирования в данном вопросе к ответственности за свои противоправные действия.

При этом существенно возрастает значение информационной осведомленности бизнеса о том, какими он правами обладает и о формах ведения современного бизнеса, в том числе и посредством его ухода в цифровые форматы. Параллельно усиливается значение IT-технологий в вопросе получения соответствующей информации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) (статьи 1 - 453) (с изменениями на 25 февраля 2022 года) // Российская газета, № 238-239, 08.12.1994.
2. Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Российская газета, №153, 10.08.2001.
3. Как открыть ООО самостоятельно - инструкция 2022 (reg-raiffeisen.ru) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://reg-raiffeisen.ru/otkryt-ooo-samostoyatelno.do> (дата обращения: 18.03.2023 г.);
4. Как создать учредительный договор ООО в 2022 году (rosbank.ru) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://reg.rosbank.ru/dogovor>
5. Дойников, И.В. Актуальные проблемы предпринимательского права: монография / Дойников И.В. – Москва: Юстиция, 2020. – 128 с.
6. Гогин, А.А., Гогина, Г.Н. Анализ соотношения категорий: предпринимательская деятельность и экономическая деятельность, международная научно-практическая конференция (2018, Самара). Сборник статей. – Уфа: АЭТЕРНА, 2018. С. 41-50.
7. Предпринимательское право Российской Федерации: учебник / Е.Г. Афанасьева, А.В. Белицкая, В.А. Вайпан и др.; под. ред. Е.П. Губина, П.Г. Лахно. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: НОРМА, ИНФРА-М, 2017. 992с.
8. Черников А.Е. Правовые проблемы института предпринимательства и представительства в России // Современные научные исследования и инновации. – 2018. – № 1. С. 30-57;
9. Луночкина, Е.Н. Понятие предпринимательской деятельности, II международная научно-практическая конференция (2017, Пенза) // OPEN INNOVATION. – Пенза: МЦНС «Наука».
10. Кожаков, А. А. Государственная регистрация субъектов предпринимательства как элемент публичного регулирования экономических отношений / А. А. Кожаков, А. П. Попов // Актуальные проблемы юридической науки и практики : Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. В 2-х томах, Санкт-Петербург, 20 ноября 2019 года. Том 2. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская юридическая академия, 2019. – С. 88-92. – EDN YBTLUM.

И.С. Симонова

старший научный сотрудник отдела
научного обеспечения участия прокурора в гражданском,
арбитражном и административном процессе,
производстве по делам об административных
правонарушениях
научно-исследовательского института
университета Прокуратуры Российской Федерации
simonovais@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ ПО ПРИЗНАНИЮ ЭКСТРЕМИСТСКИМИ ИНФОРМАЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ, РАСПРОСТРАНЯЕМЫХ ПОСРЕДСТВОМ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

Аннотация: В статье рассмотрены некоторые актуальные вопросы деятельности органов прокуратуры по признанию информационных материалов, распространяемых в

сети «Интернет», экстремистскими и предложены пути оптимизации процесса признания информационных материалов таковыми.

Ключевые слова: прокурор, экстремистские материалы, порядок признания информационных материалов экстремистскими, административное судопроизводство, административное исковое заявление о признании информационных материалов экстремистскими, информационная безопасность.

I.S. Simonova

Senior Researcher of the Department
of Scientific Support of the prosecutor's participation
in civil, arbitration and administrative proceedings,
proceedings on administrative offenses
Research Institute University of the Prosecutor's
Office Russian Federation
simonovais@mail.ru

TOPICAL ISSUES OF THE ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR'S OFFICE ON THE RECOGNITION OF EXTREMIST INFORMATION MATERIALS DISTRIBUTED VIA THE INTERNET

Abstract: The article discusses some topical issues of the activities of the prosecutor's office to recognize information materials distributed on the Internet as extremist and suggests ways to optimize the process of recognizing information materials as such.

Keywords: prosecutor, extremist materials, procedure for recognizing information materials as extremist, administrative proceedings, administrative statement of claim for recognizing information materials as extremist, information security.

Развитие информационно-телекоммуникационных технологий позволяет распространять информацию, связанную с политической, экономической, социальной и другими сферами жизни общества как определенному, так и неопределенному кругу лиц. Однако несомненная польза современных технологий также сопряжена и с повышением вероятности возникновения угроз безопасности граждан, общества и государства, в частности, выражающихся в распространении экстремистских материалов, направленных на дестабилизацию общественно-политической ситуации в Российской Федерации путем навязывания убеждений либо привлечения сторонников, чьи взгляды отличаются от общественно принятых. При этом в целях разрушения традиционных российских духовных и нравственных ценностей наибольшее деструктивное воздействие направлено на мировоззрение молодых людей и вовлечение их в совершение противоправных деяний.

Одним из приоритетных направлений деятельности органов прокуратуры является противодействие экстремистской деятельности и ее профилактика. Деятельность в рассматриваемой сфере регламентирована приказом Генерального прокурора от 21.03.2018 № 156 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности», которым, в частности, прокуроры ориентированы на мониторинг средств массовой информации, сети «Интернет» в целях выявления информационных материалов экстремистского характера (п. 2.3).

Понятие экстремистских материалов закреплено в п. 3 ст. 1 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее – Закон № 114-ФЗ). К ним относятся материалы, в которых содержится один из следующих признаков: призыв к осуществлению экстремистской деятельности, одобрение или оправдание этой деятельности; труды руководителей национал-социалистической рабочей партии Германии, фашистской партии Италии; выступления, изображения руководителей

групп, организаций или движений, признанных преступными в соответствии с приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (выступления, изображения руководителей организаций, сотрудничавших с указанными группами); публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство; публикации, оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы.

В ч. 1 ст. 13 указанного закона на территории Российской Федерации запрещается распространение, производство или хранение экстремистских материалов – нарушение влечет наступление административной ответственности, предусмотренной ст. 20.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Обратим внимание, что возбуждение дела об указанном административном правонарушении отнесено к исключительной компетенции прокурора (ст. 28.4 КоАП РФ).

Признание выявленных материалов экстремистскими осуществляется федеральным судом на основании заявления прокурора или при производстве по соответствующему делу об административном правонарушении, гражданскому, административному или уголовному делу (ч. 2 ст. 13 Закона № 114-ФЗ).

Учитывая уровень опасности и особенности производства по административным делам о признании информационных материалов экстремистскими, законодатель регламентировал порядок рассмотрения данной категории дел в отдельной 27² главе Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ). Так, например, в случае если не установлено лицо, действия которого послужили поводом для подачи административного искового заявления о признании информационных материалов экстремистскими, к участию в рассмотрении административного дела для дачи заключения привлекается Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, в ее субъекте (ч. 3 ст. 265⁸ КАС РФ). Его специфический процессуальный статус направлен на обеспечение баланса между защитой прав и свобод граждан, в рассматриваемой категории дел – административного ответчика и защитой интересов неопределенного круга лиц от материалов, носящих экстремистский характер, в целях дачи мотивированного заключения об обоснованности административного искового заявления [1, с. 163].

Вместе с тем, отличительной особенностью рассматриваемой категории дел от других дел, возникающих из публичных правоотношений, является отсутствие явного судебного контроля за действиями публичных органов.

Отметим, что рассмотрение дел о признании информационных материалов экстремистскими не явилось новеллой для российского процессуального законодательства – они рассматривались в порядке как гражданского судопроизводства вплоть до октября 2019 г. [2].

Руководствуясь положениями ч. 1 ст. 39 КАС РФ и ч. 2 ст. 13 Закона № 114-ФЗ прокуроры активно реализуют полномочия по обращению в суд с заявлениями о признании информационных материалов экстремистскими. Так, с 2020 г. наблюдается увеличение общего количества принятых к производству судами дел о признании информационных материалов, распространяемых посредством сети «Интернет», экстремистскими: если в 2020 г. в суды поступило 494 административных дела, из которых 472 было принято к производству в связи с обращением прокурора, то в 2021 г. – 1213 и 1090 административных дел соответственно, в свою очередь, только в первом полугодии 2022 г. – 862 и 805 таких административных дел [3].

Административное исковое заявление о признании информационных материалов, размещенных в сети «Интернет» экстремистскими может быть подано в районный суд по месту обнаружения, распространения данных материалов или по адресу организации, осуществляющей их производство. Помимо общих требований, предъявляемых к

административному исковому заявлению, в нем должны содержаться специфические сведения, например, такие как доменные имена и (или) указатели страниц в сети «Интернет»; обоснование доводов об отнесении материалов, размещенной в сети «Интернет», к носящим экстремистский характер, с указанием соответствующих норм права; в случае, если доступ к информации, размещенной в сети «Интернет», ограничен, сведения, необходимые для получения доступа суда к такой информации; сведения о соблюдении досудебного порядка признания материалов, размещенных в сети «Интернет», экстремистскими (ст. 125, 265², ч. 1 ст. 265⁷ КАС РФ).

Учитывая закрепление в ч. 2 ст. 13 Закона № 114-ФЗ положения о признании федеральным судом информационных материалов экстремистскими, дискуссионным остается вопрос соблюдения досудебного порядка признания информационных материалов, размещенных в сети «Интернет», таковыми. На отсутствие критерием досудебного порядка как фактора противоречивости судебной практики указано в трудах Женетль С.З. [4, с. 744].

Обоснованность заявленных прокурор требований о признании материалов экстремистскими подтверждается заключением эксперта о наличии лингвистических и психологических признаков, побуждающих к совершению негативных действий против определённых лиц. Вместе с тем, отсутствуют четко определенные критерии отнесения тех или иных материалов к экстремистским, что обосновано необходимостью проведения комплексного и интеллектуального анализа поступившей информации для обеспечения баланса между правом человека свободно искать, получать, распространять информацию и правом человека на информационную безопасность.

Имеются случаи отказа суда в удовлетворении заявленных прокурором требований. Так, решением Якутского городского суда от 16 мая 2019 года в удовлетворении иска прокурора было отказано, поскольку судом установлено, что статья носит юмористический характер и описанным в ней способом невозможно осуществить захват, угон и подрыв самолета, что является очевидным из его содержания [5].

Актуальным остается вопрос об автоматическом признании информационных материалов, распространяемых в сети «Интернет», экстремистскими с последующими последствиями в виде: включения этого материала в федеральный список экстремистских материалов и единую автоматизированную информационную систему «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено», например, по результатам привлечения лица к административной ответственности по соответствующей статье КоАП РФ.

Так, заместитель прокурора Чувашской Республики обратился в суд с административным исковым заявлением в интересах неопределенного круга лиц к административному ответчику А., о признании информационных материал – аудиофайла экстремистским. Из иска следует, что прокуратурой Чувашской Республики в ходе осуществления мониторинга сети «Интернет» на странице пользователя социальной сети «Одноклассники» обнаружен аудиофайл, который согласно результатам психолого-лингвистического исследования, содержит признаки оправдания практики насильственных действий и представления о допустимости совершения насильственных действий, а также высказывания, направленные на побуждение к насильственным действиям. При этом А., являющийся пользователем социальной сети «Одноклассники» под именем «АА», уже был признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст.20.3¹ КоАП РФ, за совершение действий, направленных на возбуждение ненависти и вражды в отношении группы лиц по признаку отношения к религии с использованием сети «Интернет». Решением Ядринского районного суда Чувашской Республики-Чувашии административное исковое требование

заместителя прокурора Чувашской Республики в интересах неопределенного круга лиц удовлетворено (дело № 2А-246/2020 от 22.07.2020 г.).

В связи с изложенным и в целях оптимизации процедуры признания информационных материалов, распространяемых в сети «Интернет», экстремистскими представляется целесообразным предусмотреть специальный процессуальный механизм признания материалов таковыми при производстве по соответствующему делу об административном правонарушении. А также дополнить ч. 3 ст. 13 Закона № 114-ФЗ положением, в соответствии с которым при признании информационных материалов, распространяемых в сети «Интернет», экстремистскими принимать решение об их включении в федеральный список экстремистских материалов и в соответствующую и единую автоматизированную информационную систему.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Галяшина Е.И., Никишин В.Д. Особенности административных дел о признании информационных материалов экстремистскими и их экспертиза в аспекте безопасности интернет-коммуникации // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 7. С. 159 - 167.

2. Касьяненко, М. А. К проблеме оборота информации этнодискриминационного и этнокриминального характера в сети Интернет / М. А. Касьяненко // Правовые вопросы связи. – 2011. – № 1. – С. 28-32. – EDN NUWOPF.

3. Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

4. Выборочные статистические данные из формы 2 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции» за 2020–2021 гг. и первое полугодие 2022 г. (утв. приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 11.04.2017 № 65).

5. Акименко, М. А. Ксенофобия как фоновое явление экстремистской преступности / М. А. Акименко // Университетские чтения – 2022 : Материалы региональной межвузовской научно-практической конференции, Пятигорск, 13–14 января 2022 года. Том Часть XIV. – Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2022. – С. 90-93. – EDN TTWAVS.

6. Женетль С.З. Досудебный порядок признания информационных материалов экстремистскими как условие обращения в суд // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки 2020 Т. 24. № 3. 735–759.

7. Обобщение судебной практики рассмотрения судами Республики Саха (Якутия) административных дел, связанных с ограничением доступа к информации и информационным ресурсам в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет» (утверждено Президиумом Верховного Суда Республики Саха (Якутия)).

Трибуна молодого ученого

З.В. Акопян

аспирант кафедры исторических и социально-
философских дисциплин, востоковедения и
теологии Пятигорского государственного университета
zvakopyan@mail.ru

В.З. Акопян

доцент кафедры теории и истории государства и права
Юридического института Пятигорского
государственного университета
zaven2005@yandex.ru

ПРИЧИНЫ ПЕРЕНОСА УЕЗДНОГО ЦЕНТРА ИЗ СЕЛА ПРАСКОВЕИ В ГОРОД СВЯТОЙ КРЕСТ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

Аннотация. Статья посвящена выяснению обстоятельств превращения заштатного города Святой Крест (нынешний Буденновск), основанного карабахскими армянами в конце XVIII века, в уездный центр. Несмотря на то, что в Ставропольской губернии было только два города: Ставрополь и Святой Крест, власти губернии продолжительное время оставляли без внимания ходатайства жителей моноэтнического города и решили вопрос в пользу села Прасковья, превосходившего по численности населения соседний город Святой Крест, но являвшегося абсолютно аграрным по своему облику. Однако в связи с бурным экономическим развитием Святого Креста и превращением его по составу населения в русско-армянский город аргумент «этнический фактор» потерял свою прежнюю весомость. Автор в статье обращает основное внимание на другой решающий фактор в пользу переноса в 1911 году уездного центра в Святой Крест – железнодорожный. Городское общество проявило инициативу строительства линии Георгиевск – Святой Крест акционерным обществом Владикавказской железной дороги. Этому аргументу «сельская» Прасковья больше ничего не могла противопоставить.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Ставропольская губерния, Прикумье, железная дорога, акционерное общество, уезд

REASONS FOR THE TRANSFER OF THE COUNTY CENTER FROM THE VILLAGE OF PRASKOVEI TO THE CITY OF HOLY CROSS OF STAVROPOL PROVINCE

Z.V. Akopyan

Postgraduate student of the Department of Historical and Socio-
Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology of PSU
zvakopyan@mail.ru

V.Z. Akopyan

Associate Professor of the Department of Theory and History of
State and Law of PSU
zaven2005@yandex.ru

Annotation. The article is devoted to clarifying the circumstances of the transformation of the provincial town of Holy Cross (present-day Budennovsk), founded by Karabakh Armenians at the end of the XVIII century, into a county center. Despite the fact that there were only two cities in the Stavropol province: Stavropol and Holy Cross, the provincial authorities

for a long time ignored the petitions of the residents of the mono-ethnic city and decided the issue in favor of the village of Praskovey, which outnumbered the neighboring city of Holy Cross, but was absolutely agrarian in its appearance. However, due to the rapid economic development of the Holy Cross and its transformation into a Russian-Armenian city by the composition of its population, the "ethnic factor" argument has lost its former weight. The author in the article focuses on another decisive factor in favor of transferring the county center to the Holy Cross in 1911 – the railway. The City Society took the initiative to build the Georgievsk – Holy Cross line by the joint-stock company of the Vladikavkaz Railway. The «rural» Praskovia could not oppose anything else to this argument.

Keywords: North Caucasus, Stavropol province, Prikumye, railway, joint-stock company, county

В результате успешных войн с Турцией в последней четверти XVIII в., а затем и завершения Кавказской войны с горцами (1817–1864 гг.) территория Северного Кавказа окончательно утвердилась за Россией. После упразднения в 1860 г. Кавказской линии и в результате административных реформ утвердилось территориальное устройство Кавказского края (административный центр – г. Тифлис), которое с некоторыми изменениями сохранилось до начала Гражданской войны. Обширный Северо-Кавказский регион включал Ставропольскую и Черноморскую губернии, Кубанскую, Терскую и Дагестанскую области.

Ставропольская губерния (56,7 тыс. кв. км) находилась в самом центре Северного Кавказа. В начале XX века в состав губернии входили Александровский, Благодарненский, Медвеженский, Святокрестовский, Ставропольский уезды и Туркменское приставство. Население губернии составляло около 1 млн. человек. В подавляющем большинстве это русские и украинцы (вместе около 90%). Из этнических меньшинств здесь проживали армяне, немцы, греки, ногайцы, туркмены и калмыки. После того как в 1874 году из Ставропольской губернии в состав Терской области перешел регион Кавказских Минеральных Вод (КМВ), в губернии осталось всего два города: Ставрополь (губернский центр) и основанный армянами в XVIII веке город Святой Крест. Последний вплоть до начала XX века имел статус заштатного города и даже не являлся центром уезда. Данная статья как раз и посвящена обстоятельствам превращения в 1911 г. заштатного города в уездный центр Ставропольской губернии.

Царское правительство особенно было заинтересовано в создании нового города в малонаселенном, болотистом районе Прикумья. Для будущего города, в соответствии с указом императора Сенату от 4 августа 1798 г., были выделены пустопорожные земли по левому берегу речки Томузловки, вниз по течению р. Кумы и до впадения в нее речки Буйволы. Первое упоминание города Святой Крест содержится в указе Павла I Сенату от 15 апреля 1799 г. «Об отводе земли переселившимся из Дербента армянам и предоставлении привилегий армянам Северного Кавказа» [5, с. 331, 619–620].

В качестве особых юридических гарантий для основателей Святого Креста стала Жалованная грамота Павла I дербентским и мускурским армянам от 28 октября 1799 г. В восьми статьях грамоты, составленной на русском и армянском языках, перечислялись предоставляемые им права и льготы, в частности общественное самоуправление [3. Ф. 55. Оп. 1. Д. 109. Л. 93].

Долгое время Святой Крест сохранял свой сельский облик – вот почему только вступивший на престол император Николай I своим указом от 28 апреля 1826 г. повелел присвоить Святому Кресту статус «заштатного» города [3. Ф. 63. Оп. 6. Д. 232. Л. 1].

С 40-х годов XIX в. Святой Крест постепенно приобретает новый облик. В 1847 г. в заштатном городе проживало 2266 человек [3. Ф. 239. Оп. 1. Д. 3. Л. 13, 419]. Дома строились по составленному в губернии плану. В городе действовал особый административно-судебный орган, называвшийся Армянским судом. Изначально этот орган самоуправления руководствовался Судебником, составленным в середине XVIII

века в Астрахани на основе национальных традиций и средневекового Судебника Мхитара Гоша [1; 4]. В 1849 г. Николай I подписал указ, в котором Армянскому суду предписывалось руководствоваться законами империи.

В этот период заштатный город вначале входил в Прасковейский участок Пятигорского уезда, а с 1867 г. – в Новогригорьевский уезд [2], центром которого являлось село Прасковья, находившееся на другом берегу р. Кумы в 4 верстах от своего будущего конкурента – города Святого Креста.

Во второй половине XIX в. хозяйство города интенсивно развивалось, среди населения значительно увеличилась прослойка предпринимателей. Новые явления в социально-экономической жизни заштатного города позволили местному обществу в 1874 г. поднять вопрос о перенесении центра уезда из Прасковьи в Святой Крест [3. Ф. 68. Оп. 1. Д. 4976. Л. 11–12, 18, 28]. В числе других аргументов в обращении приводился и такой: в губернии всего два города: Ставрополь и Святой Крест, но, как во многих других регионах империи, нет ни одного со статусом уездного города. Прибывший в город для изучения данного вопроса директор департамента внутренних сношений министерства иностранных дел барон Ф.Р. Остен-Сакен без каких-либо объяснений объявил, что нет никакой необходимости присваивать ему статус уездного города [3. Ф. 68. Оп. 1. Д. 4976. Л. 1–2, 44].

Петербург и Ставропольский губернатор воздержались перенести уездный центр в моноэтнический город.

Из своей поездки в Святой Крест барон сделал выводы, которые впоследствии воплотились в решении упразднить национальное самоуправление. 7 марта 1878 г. губернское правление без каких-либо обсуждений с городской властью приняло решение об упразднении Армянского суда и введении в городе Хозяйственного управления во главе с тремя старостами [3. Ф. 68. Оп. 1. Д. 4976. Л. 84–87, 106–111].

Между тем накануне XX века этнический состав города, не без содействия губернской администрации, стремительно менялся. Если до этого времени Святой Крест представлял собой небольшой моноэтнический городок, в котором проживало немногим более 3-х тысяч жителей, то в 1890-х гг. здесь поселяются десятки русских семей. В середине 90-х гг. в Святом Кресте проживало 4257 человек, в том числе 3217 армян, 1037 русских и 4 еврея [3. Ф. 68. Оп. 2. Д. 1157. Л. 3].

Изменяющийся этнический состав города ускорил принятие решения о введении в 1896 г. Городового положения. В соответствии с ним создавалось избираемое горожанами новое управление. Одновременно из столицы и Ставрополя было сделано негласное распоряжение, в соответствии с которым возглавляющий городское управление староста, должен «избираться» из русских, а его помощник – из армян. Таким образом, городское управление возглавил «русский» барон де-Форжет, взявший курс на ликвидацию национального облика города.

Накануне предполагаемой территориальной реорганизации в губернии городское руководство вновь предложило губернским властям рассмотреть вопрос о переносе центра уезда в г. Святой Крест. Однако в конце XIX века русское население Святого Креста, называемое в документах «иногородним», все еще составляло меньшую часть городского населения. А это обстоятельство не могло не повлиять на отрицательное решение по указанному обращению. Поэтому 10 июня 1900 г. был образован самостоятельный Прасковейский уезд, с размещением уездной администрации, как и раньше, в селе Прасковья [2].

Между тем, в начале XX в. численность русских и армян в Святом Кресте уравнилась, в связи с чем в Ставрополе запоздало признали ошибочность решения 1900 г. об уездном центре. Присутствие губернского правления в начале XX века отмечало, что после введения Городового положения 1896 г. началось «заселение этого обособленного армянским населением центра русскими выходцами из внутренних губерний», и теперь уже не было «особых причин» отказать второму городу губернии в праве стать уездным

центром [З. Ф. 60. Оп. 1. Д. 452. Л. 14].

В начале века заштатный статус городу уже был не по размерам и не вписывался, как по стремительно менявшемуся его внешнему облику, образу жизни и менталитету. В конце первого десятилетия XX века город преодолел 10-тысячный рубеж, а русское население превысило армянское. Последних было 4414 человек [З. Ф. 67. Оп. 1. Д. 98. Л. 282].

Прежнее «преимущество» уездного центра, села Прасковейского, в этническом отношении и численности теперь уже не было столь очевидным. В отличие от городского облика Святого Креста, внешний вид, менталитет и привычки жителей сельской Прасковей совсем не соответствовали начавшейся эпохе «монополистического капитализма».

После продолжительного обсуждения вопроса о переносе центра в Святой Крест руководство губернии на своем заседании 6 июня 1907 г. приняло решение ходатайствовать перед МВД об осуществлении «предположений о переносе из сел. Прасковей уездных учреждений Прасковейского уезда в г. Св. Креста с переименованием уезда в Святокрестовский» [З. Ф. 60. Оп. 1. Д. 452. Л. 9, 14; Д. 328. Л. 8–11]. Там же содержалась просьба удовлетворить ходатайство о преобразовании города из заштатного в уездный. Ходатайство утвердил губернатор Бронислав Мечиславович Янушевич, возглавлявший губернию с 1906 по 1916 год.

Решение губернских властей натолкнулось на мощное сопротивление со стороны прасковейцев. Его представители, защищая статус своего села, пытались задействовать «национальную карту» и даже нашли покровителей в столице, в частности в лице «пламенного реакционера», члена правой фракции во II, III и IV Государственной думе, В.М. Пуришкевича, хорошо известного своими националистическими взглядами [7].

Однако у святокрестовского общества в запасе оказался решающий аргумент – Городское общество проявило инициативу строительства железнодорожной линии Георгиевск – Святой Крест. Этому аргументу «сельская» Прасковья больше ничего не могла противопоставить.

К началу XX века выяснилось, что осуществление масштабных планов строительства дорог уже было не по плечу одному только акционерному обществу Владикавказской железной дороги (АО ВЖД). Образовавшееся в 1907 г. общество Армавир-Туапсинской железной дороги (АО АТЖД) предложило правительству соорудить в числе других и дорогу Армавир – Ставрополь – Петровское – Благодарное с продолжением ее в дальнейшем до Прикумья. Проект АО АТЖД поддержала Ставропольская губернская администрация.

Однако в ходе обсуждения проекта дороги Армавир – Ставрополь – Петровское – Благодарное (267 верст) выяснилось, что прокладку дороги до Прасковей и Святого Креста общество АТЖД откладывало на неопределенное будущее. В этой связи Святокрестовское городское управление в 1909 году направило в Петербург своего депутата И.С. Михайлова для выяснения возможности включить в план строительства дороги от Армавира до Святого Креста. Переговоры затянулись, чем и воспользовалось более опытное Общество ВЖД, которое предложило провести линию от Георгиевска до Святого Креста.

Предварительно получив поддержку горожан Святого Креста, АО ВЖД в 1911 году добились от правительства одобрение своего проекта [6].

Администрация Прасковейского уезда ревниво наблюдала за своим более предприимчивым соседом. Теперь, когда было решено провести дорогу в Святой Крест, а оттуда в направлении Ставрополя через Благодарное, уездное руководство тщетно стало добиваться изменения проекта в пользу Прасковей. Общество ВЖД наотрез отказалось менять направление дороги, что могло привести к значительному удорожанию проекта. «Железнодорожному аргументу» в пользу повышения статуса Святого Креста Прасковья ничего не могла противопоставить.

29 декабря 1910 г. император Николай II утвердил постановление Совета Министров о перенесении уездных учреждений в г. Святой Крест с переименованием уезда в Святокрестовский. Одновременно город преобразовывался из заштатного в уездный. МВД 14 января следующего года сообщило губернатору о принятом решении [З. Ф. 60. Оп. 1. Д. 432. Л. 21, 41]. В течение 1911 г. завершилось перемещение уездных учреждений.

Начавшееся строительство железнодорожной ветки Георгиевск – Святой Крест и повышение статуса города сделали его еще более притягательным для притока капиталов и новых жителей из центральных губерний империи.

Для уездного города вскоре было составлено Городовое положение. В соответствии с ним в декабре 1914 г. состоялись выборы в городскую думу [З. Ф. 67. Оп. 1. Д. 96. Л. 5]. Накануне выборов образовались группировки (банковская, торгово-промышленная, интеллигенции и др.), которые активно агитировали в пользу своих кандидатов. В отчете губернской газеты «Северокавказский край» сообщалось, что победила «банковская группа» во главе с А.З. Калабековым [7]. Результаты выборов свидетельствовали о победе в городе рыночных отношений.

В качестве вывода следует отметить, что Святой Крест, получив за несколько лет до начала Первой мировой войны статус уездного центра, сохранил такую свою роль в последующие десятилетия, но уже под новым названием, вначале Прикумск, а затем – Буденновск и в статусе районного центра.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Акопян В.З. Армянская Апостольская Церковь на Ставрополье и Тереке. Пятигорск, 2000. 196 с.
2. Акопян В.З. Святой Крест. Между прошлым и настоящим. 1799–2009. Пятигорск: ПГЛУ, 2009. 360 с.
3. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК).
4. Петикян С.Г., Романовская В.Б. Эволюция источников армянского права с древнейших времен до середины XIX века. Юрлитинформ, 2014. 184 с.
5. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1798–1799 гг. Том XXV. СПб.: Тип. II Отд. Соб. Его Имп. Вел. Канц., 1830. 932 с.
6. Пятое дополнение к уставу общества Владикавказской железной дороги. 28 февр. 1912 г. СПб: «Эл.-Тип. Н.Я. Стойковой», 1912. 34 с.
7. Северокавказский край. 1914. 13 дек.
8. История государства и права зарубежных стран / С. Н. Медведев, Е. Е. Некрасов, И. А. Краснова [и др.] ; Под ред. д-ра юрид. наук, проф. С.Н. Медведева, канд. юрид. и ист. наук В.Е. Семенова. – Пятигорск : ООО «Рекламно-информационное агентство на КМВ», 2015. – 632 с. – ISBN 978-5-89314-738-4. – EDN USVGHR.

З.В. Акопян

аспирант кафедры исторических и социально-
философских дисциплин, востоковедения
и теологии Пятигорского государственного университета
zvakopyan@mail.ru

**АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ЦЕНТР ТРУХМЕНСКОГО ПРИСТАВСТВА
СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Аннотация. В статье, на примере ставропольских туркмен, которых в досоветский период и в первое советское десятилетие называли «трухменами», рассматривается процесс формирования системы управления кочевыми народами Северного Кавказа. Основное внимание автор уделяет резиденции Туркменского пристава – Летней Ставке. На основе архивных документов и имеющихся публикаций, автор показывает значение русского населенного пункта в постепенном переходе ставропольских туркмен к оседлой жизни.

Ключевые слова: Ставропольская губерния, Туркменское приставство, резиденция, Летняя Ставка, кочевники, оседлый образ жизни.

Z.V. Akopyan

Postgraduate student of the Department of Historical and Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology of PSU
zvakyuan@mail.ru

THE ADMINISTRATIVE CENTER OF THE TRUKHMEN BAILIFF OF STAVROPOL PROVINCE IN THE XIX – EARLY XX CENTURIES

Annotation. The article, using the example of Stavropol Turkmens, who were called "Trukhmen" in the pre-Soviet period and in the first Soviet decade, examines the process of forming a management system for the nomadic peoples of the North Caucasus. The author pays special attention to the residence of the Turkmen Bailiff – the Summer Rate. Based on archival documents and available publications, the author shows the importance of the Russian settlement in the gradual transition of Stavropol Turkmens to a settled life.

Keywords: Stavropol province, Turkmen bailiff, residence, Summer Camp, nomads, sedentary lifestyle.

Ставропольские туркмены – субэтническая группа туркменского народа. В исторической литературе их называли «трухменами» и нередко, как и сама себя эта этническая группа, воспринимали как самостоятельный этнос. Последнее обстоятельство связано с тем, что переселение предков туркмен из Центральной Азии на Юг России происходило в период, когда еще не произошла национальная консолидация в Закаспии родственных им тюркоязычных племен. В настоящее время в Ставропольском крае туркмены проживают в населенных пунктах Туркменского, Ипатовского, Арзгирского и Благодарненского и Нефтекумского районов [3; 4]. Всего в крае, по переписи 2010 г., проживает 15 тыс. туркмен (в 2002 г. – 13,9 тыс.) [16]. В Туркменском районе численность туркмен составляет 5043 чел. (17,9% от всего населения).

Ставропольские туркмены впервые появляются на территории Северного Кавказа на рубеже XVII–XVIII вв., когда одно кочевое племя из Восточного Прикаспия переселилось в астраханские степи, а затем в районы рек Кумы и Маныча. Обширные степные территории Западного Прикаспия ранее использовали преимущественно кочевавшие здесь калмыки. Туркмены находились в зависимости от калмыков и кочевали вместе с ними [3; 4]. В 1771 г. часть туркмен вместе с калмыками переселились в Китай. Однако более трех сотен туркменских семей, по разрешению российского правительства, вернулись обратно. До начала XIX в. в этот район прибывают новые группы туркмен.

У калмыков и туркмен основными пунктами перекочевки были зимняя ставка, с районами по реке Куме, и летняя – вдоль реки Маныч. Вот почему впоследствии за основными населенными пунктами на этих территориях утвердились названия Летняя Ставка и Зимняя Ставка. Так как между двумя кочевыми народами из-за пастбищ нередко возникали конфликты, правительство Николая I запретило калмыкам кочевать к югу от р. Маныч.

Русская и иностранная колонизация степных регионов Северного Кавказа, в том числе восточной части Ставрополя, потребовала упорядочить обширную территорию обитания калмыков, ногайцев и туркмен.

Этими проблемами должны были непосредственно заниматься приставы. В конце XVIII – первой половине XIX в. приставское управление становится основной формой административной связи не только между Россией и горскими народами Кавказа, но и кочевыми этническими группами [5; 7; 13].

В августе 1800 г. Павел I ввел должность главного пристава над ногайцами, калмыками, туркменами, относившуюся к коллегии иностранных дел. Указом Александра I от 17 октября 1802 г. «О подчинении приставов над кочующими на Кавказской линии народами Астраханскому военному губернатору» ряд местностей Предкавказья передавались из ведения Коллегии иностранных дел под управление военной администрации [13].

В принятом в 1827 г. новом «Уставе для управления ногайцев и других магометан, кочующих в Кавказской области» было законодательно закреплено положение приставов в системе кавказской администрации и определены правовые нормы их отношений с кочевниками. Согласно «Уставу», все кочевавшие в пределах Кавказской области «магометане разных наименований» поступали в подчинение Главного пристава «для единства надзора и доставления им лучшего управления». К ведомству Главного пристава относились ногайцы, кочевавшие в Ставропольском, Георгиевском, Моздокском и Кизлярском округах, а также тухмены и киргизы, кочевавшие в Кизлярском округе и калмыцких землях с совокупным населением в 9503 кибитки. В подчинении главного пристава находились пять частных приставов – по числу кочевавших в пределах Кавказской области народов. Все приставы утверждались Главнуправляющим на Кавказе [7; 13].

По своему служебному положению пристав относился к должностному «лицу более или менее самостоятельному, в действия и распоряжения которого никто из посторонних начальников не имел права вмешиваться» [14, с. 66]. Главной его обязанностью являлось осуществление общего надзора за вверенным ему в управление населением [12, с. 64].

В связи с преобразованиями в системе управления горскими народами в середине XIX в. институт приставства был реформирован.

Из кочевых племен самыми малочисленными были тухмены – ставропольские туркмены. В 1825 г. для упорядочивания территории их обитания власти выделили ст. туркменам территорию под названием «Приставство тухменского народа». Тухменское (далее – Туркменское) приставство действовало на основе Устава для управления кочующими инородцами от 6 февраля 1827 г. В обязанности пристава – главного административного лица на территории Туркменского приставства входило обеспечение внутреннего порядка в туркменских аулах, участие в качестве посредника в судебных процессах, надзор за исполнением повинностей. В своей деятельности он опирался на старшин аулов, состоявших из богатых и влиятельных людей. Срок его полномочий ограничивался тремя годами [11]. Пристав «тухменского народа» подчинялся Главному приставу всех кочующих народов, состоявшему при ставропольском губернаторе. Все приставы, «надзиравшие» над калмыками, ногайцами и туркменами, во второй половине XIX века входили в систему МВД.

Резиденция Тухменского приставства в первое время находилась в зимней ставке за рекой Кумой. В 1854 г. его главной резиденцией становится урочище Красные Копани (в регионе летней ставки). Впоследствии образовавшийся в этом урочище поселок получит название Летняя Ставка, как и вся территория летнего кочевья. В зимней ставке постоянно находился помощник туркменского пристава. С 1864 г. урочище Красные Копани также становится резиденцией и Главного пристава кочующих народов (с 1864

г.)⁵¹. Приват-доцент А.Н. Самойлович в своем обстоятельном отчете о командировке в регион кочевий в 1912 г. сообщал о том, как он вместе с главным приставом А.А. Польским «на казенном автомобиле», носившем название «Туркмень», перемещался между летней и зимней ставками [15, с. 60–74].

Благодаря деятельности Ставропольской губернской администрации и приставам со второй половины XIX в. создаются оседлые аулы. Для оседлых туркмен мужского пола отводилось по 30–40 десятин [8, с. 31–32]. Продолжая вести кочевой образ жизни, туркмены часть своей земли сдавали в аренду русским крестьянам и скотопромышленникам. В 1909 г. у ст. туркмен, численность которых в районе двух ставок достигала 12 тыс., имелось 783,6 тыс. дес. земли. В разных источниках данные о численности туркмен очень сильно расходятся, что объяснялось их кочевым образом жизни.

Небольшой поселок, возникший при урочище Красные Копани, не привлекал туркмен, которые до начала XX века, за некоторым исключением, продолжали кочевать. Другое дело – русские переселенцы, которые испытывали «земельный голод» и поэтому арендовали у кочевников земли. Безусловно, их заинтересовало место, где находилась резиденция приставов. Здесь также поселялись крупные русские торговцы скотом, арендовавшие земли у государства и туркмен.

И все же в конце XIX века Летняя ставка оставалась небольшим поселком, как и прежде именовавшимся «урочищем Красные Копани». Название же «Летняя ставка» (нередко два слова с маленькой буквы) тогда, как и раньше, относилось ко всей местности. Инспектор народных училищ А.И. Твалчрелидзе так описывал населенный пункт: в ставке имелись «удобные квартиры для всех служащих. Есть пожарный насос и при нем 2 бочки для воды. Для разъездов служащих содержится 10 троек лошадей, содержание которых обходится в 4250 руб.» [17, с. 740]. Общественная квартира состояла из двух меблированных комнат. Здесь же находились постоянный двор, «запасной магазин», который, по информации инспектора, вмещал 8000 четвертин хлеба. Отметим, что в 1885 г. объем четверти определялся как 3 литра. Кроме того, «для образования инородцев» имелось одноклассное училище министерства народного просвещения (МНП), помещавшееся в «удовлетворительном здании, находящемся в общем корпусе. В нем для учителя имеются 2 комнаты и кухня». Кроме того «при ставке есть аптечка и фельдшер» [17, с. 740].

Такую картину представлял центр Туркменского приставства накануне XX века. Расстояние от ставки до губернского центра Ставрополя составляло 135 км; до ближайшей станции Пелагиады – ветки Владикавказской железной дороги – 128 км. Почтово-телеграфное отделение находилось в с. Благодарном – в 37 км от ставки. В судебно-административном отношении Летняя Ставка подчинялась земскому начальнику 4-го участка, проживавшему в селе Петровском Новогригорьевского уезда; в судебно-следственном отношении – следователю 1-го участка того в с. Благодарном [17, с. 740]. Если в начале 1870-х гг. в урочище имелось 7 домов и проживало 19 человек, то в начале XX века в поселке проживало 411 человек и числилось 35 дворов [9, с. 638].

В конце первого десятилетия XX века значительно изменился внешний облик административного центра Туркменского приставства. Обстоятельное описание Летней Ставки оставил почвовед, геолог и краевед Иван Львович Щеглов (1874–1937). По его описанию, поселок представлял собой расположенные на небольшом расстоянии друг от друга ряд административных зданий, построенных из кирпича и самана. Одно помещение занимал Главный пристав кочующих народов, другой дом – туркменский пристав и члены его канцелярии. Все общественные здания с наружной стороны имели каменную ограду.

---

⁵¹ В связи с передачей калмыков под юрисдикцию Главного пристава магометанских народов на основании указа от 15 марта 1860 г. должность последнего стала называться Главным приставом кочующих народов Ставропольской губернии. Ими были П.Н. Иванов, В.П. Мевес, Я.А. Тимофеев (1864–1871), П.З. Ланко (1866–1868), А.А. Самойлов (1878–1891), М.Е. Коневский (1891–1903 г.), А.А. Польский и др. [11].

В центре поселка находилась «Ставочная площадь», главным архитектурным сооружением которой являлась церковь. От нее «вытянулись в два порядка» дома для приезжих чиновников, мастерская и кузница, инородческая школа (основанная в 1884 г.), больница, дом для врача, почтовая контора и другие. Дальше располагались жилища немногочисленных местных жителей. С южной стороны поселка находился питомник, где выращивались саженцы плодовых и декоративных деревьев. На противоположной стороне балки находились ветеринарное отделение, дома ветеринарного врача и его помощников, «конный завод» и хозяйственные помещения для рассадника племенного скота. Корм для скота выращивали на примыкавшем к поселку участке в 3,5 тыс. десятин [18].

Центром экономической жизни Ставки был базар, куда торговцы из разных уездов губернии и даже Астрахани, привозили свои товары и продукты.

В целом небольшое постоянное население Ставки состояло в основном из русских, главным образом работников административного центра, держателей почтовых лошадей, торговцев, мастеров и др. Туркмены и татары были представлены лишь учителями и детьми, жившими в интернате при «инородческой школе». При школе в 1898 г. было открыто двухклассное училище МНП с интернатом. Преподавание велось на русском и туркменском языках. Рядом находились мастерские, где учащиеся осваивали ремесла. В этой школе также обучались и русские дети из поселка.

В Ставке ежегодно 14 мая проводились скачки в присутствии ставропольского губернатора⁵², главного пристава, туркменского пристава и чиновников губернского правления. В этот день из разных мест съезжались туркмены. Состязания проходили на обширной площади в окрестностях Ставки, где размечался круг, имевший три версты (3,2 км). Победителям скачек вручали приз от 75 до 150 рублей [18].

Главной проблемой Ставки оставалась проблема питьевой воды. В поселке пользовались водой из пруда и колодцев, однако все попытки пробить скважину для получения артезианской воды завершались неудачей. Это обстоятельство сдерживало развитие административного центра, остававшегося таковым только по названию.

Острой проблемой для туркмен являлись болезни эпидемического характера: трахома, туберкулез, сифилис. Ранние браки приводили к высокой смертности среди женщин и детей. Причем стремление властей развивать медицинское обслуживание наталкивалось из-за суеверий на сопротивление. Благодаря стараниям губернской администрации в 1905 г. в Летней ставке открылась больница с отдельно расположенными инфекционным блоком, складом для медицинского инвентаря, сторожкой, прачечной и жильем для медсестер. В больнице работали врач, фельдшер и акушерка.

Это обстоятельство важно подчеркнуть в связи с тем, что в советский период высокую смертность и другие проблемы кочевого народа ряд авторов из идеологических соображений отождествляли с «колониальной» политикой царского правительства. Предпринимаемые властями меры по переводу кочевых этносов на оседлый образ жизни, развитие здравоохранения и образования создавали предпосылки (безусловно, недостаточные) для сокращения уровня смертности и развития нового типа хозяйства.

После февральской революции 1917 г. Туркменское приставство было преобразовано в уезд. В Летней ставке власть пристава сменил комиссар Временного правительства Д.И. Наумов. Несколько месяцев уезд находился под управлением Ставропольского губкома. В 1919 году власть принадлежала представителю Добровольческой армии князю Гагарину. Наконец, в начале 1920 года вновь, но теперь

---

⁵² Должность губернаторов до 6 марта 1917 г. занимали А.А. Волоцкий (1847–1859), П.А. Брянчанинов (1859–1862), К.Л. Пашенко (1862–1868), Г.К. Властов (1868–1872), М.А. Остен-Сакен (1872–1877), В.А. Ден (1877–1883), К.Л. Зиссерман (1883–1887), Н.Е. Никифораки (1887–1904), А.Н. Вельяминов (1904–1905), И.Н. Свечин (1905–1906), Е.Ф. Эльснер (1906), Б.М. Янушевич (1906–1916), князь С.Д. Оболенский (1916–1917) [1].

уже всерьез и надолго, в Летней ставке – центре Туркменского уезда, преобразованного в район, утвердилась советская власть.

Дальнейшая история Летней Ставки, ставшая центром Туркменского района, будет рассмотрена нами в следующих публикациях.

Для кочевых народов, «не основавших до сих пор ни одного селения и ни одного города» [2, с. 37] (слова Г. Ананьева, заведующего училищами в Караногайском приставстве в конце XIX в.), важную цивилизационную роль выполняли резиденции приставств. В их числе был поселок Летняя Ставка. Общение туркмен с русским населением Летней Ставки и других населенных пунктов стало лучшей школой для окончательного перехода к оседлой жизни.

Таким образом, благодаря особому территориальному управлению во главе с приставами ставропольских туркмен, были созданы предпосылки для перехода бывших кочевников к оседлой жизни – важной предпосылки исторической трансформации на пути к цивилизации. Этот процесс завершился в первые десятилетия XX века.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Административно-территориальное устройство Ставрополя с конца XVIII века по 1920 год. URL: <http://www.stavarhiv.ru/userfiles/file/2018/>
2. Ананьев Г. Караногайцы, их быт и образ жизни. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XX. Тифлис, 1894. С. 37.
3. Акопян В.З. Туркмены ставропольские // Энциклопедия культур народов Юга России. Том I. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2005. С. 208–209.
4. Акопян В.З. Этнокультурный облик ставропольских туркмен (трухмен) // Университетские чтения-2016. Часть X. Пятигорск: ПГУ, 2016. С. 126–134.
5. Блиева З.М. Система управления на Северном Кавказе в конце XVIII – первой трети XIX века. Владикавказ, 1992.
6. Василенко Н.В. Переход к оседлости туркменского кочевого народа Ставрополя в годы строительства социализма // История горских и кочевых народов Северного Кавказа в XIX – начале XX вв. Ставрополь, 1980. С. 15–27.
7. Васькина Д.С. Кочевые народы Северного Кавказа в начале XX века. Гуманитарные и юридические исследования. Исторические исследования. № 2. 2020. С.16–22.
8. Вопросы просвещения на Северном Кавказе. № 10. 1928.
9. Кемпинский Э.В. Летняя Ставка // История городов и сел Ставрополя: краткие очерки / (ред.: В.А. Шаповалов и др.). 2-е изд. Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2008. 752 с.
10. Курбанов А.В. Ставропольские туркмены. Историко-этнографические очерки. СПб: Языковый центр СПбГУ, 1995. 237 с.
11. Лиджиева И.В. Особенности системы управления инородцами в Российской империи в XIX – нач. XX вв. // Политика и Общество, 2018. № 2. С. 74–82.
12. Магомедов А.Х. Политическое устройство у горских народов в первой половине XIX в. // Социальные отношения у народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1978. С. 64.
13. Мальцев В.Н., Чирг А.Ю. Институт приставства на Кавказе: создание, деятельность, эволюция (2-я пол. XVIII в. – 1860 год) // [Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1](#), 2012. № 2. С. 89–96.
14. Потто В.А. Кавказская война: в 5 т. Т. 1. Ставрополь, 1994.
15. Самойлович А.Н. Среди Ставропольских туркмен, ногайцев и крымских татар // Известия состоящего при Высочайшем Е.И.В. покровительством Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Сер. II. № 2. СПб.: 1913. 110 с. 60–74.

16. Ставрополье по итогам переписи населения 2010 года составило рейтинг национальностей, живущих в крае. URL: <http://news.mail.ru/inregions/caucasus/26/society/13256507/>

17. Твалчрелидзе А. Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом и сельскохозяйственном отношениях. Репр. изд. 1897 г. Ставрополь: Кавказская библиотека, 1991. 750 с.

18. Щеглов И.Л. Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии: сведения о хозяйстве оседлых и кочующих инородцев, русских крестьян и хуторян овцеводов в Трухменской и Ачикулакской степи Ставропольской губернии: [Т. 1–4]. 1910–1911. Т. 1. Ставрополь: Деп. гос. зем. имуществ, 1910. 529 с.

19. История государства и права зарубежных стран / С. Н. Медведев, Е. Е. Некрасов, И. А. Краснова [и др.] ; Под ред. д-ра юрид. наук, проф. С.Н. Медведева, канд. юрид. и ист. наук В.Е. Семенова. – Пятигорск : ООО «Рекламно-информационное агентство на КМВ», 2015. – 632 с. – ISBN 978-5-89314-738-4. – EDN USVGHK.

Б.М. Исаева

соискатель кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера

Саратовская государственная юридическая академия

Научный руководитель: профессор, доктор юридических наук
Е.В. Колесников

basirat08@rambler.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРАЖДАН НА ИНФОРМАЦИЮ

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы реализации права граждан на получение информации о деятельности органов публичной власти. Раскрываются такие проблемы, как недостаточная открытость деятельности органов власти, информационная неграмотность российских граждан.

Ключевые слова: Конституция РФ, информация, информационные права, конституционные права граждан, демократическое государство.

В.М. Isayeva

Candidate of the Department of Constitutional Law named after Professor I.E. Farber

Saratov State Law Academy

supervisor Professor, Dr. Jurid. sciences

E. V. Kolesnikov

basirat08@rambler.ru

ACTUAL PROBLEMS OF REALIZATION OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT OF CITIZENS TO INFORMATION

Annatation: This article considers the issues of realization citizen rights to receive the information about the activities of public authorities. Here are revealed such problems as incomplete honesty of the authority activities, and informational illiteracy of Russian citizens.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, information, information rights,

constitutional rights of citizens, democratic state.

В Конституции Российской Федерации 1993 г. (ст. 29) закреплено, что «каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Гарантируется свобода массовой информации» [1].

В ст. 8 Федерального закона 2006 г. «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» установлены основания и правомочия на доступ к информации [2].

В законодательстве дополнительно установлены принципы достоверности информации и своевременности ее предоставления; свободы распространения информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления; семейную тайну, права организаций на защиту их деловой репутации при предоставлении информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления (ст. 4).

Развитие информационных технологий позволяет выстраивать отношения государства и общества на принципиально новом уровне. Информационные технологии дают возможность гражданам не только получать информацию, но и взаимодействовать с государственными структурами, получать государственные услуги в электронном виде.

Актуальными проблемами, которые затрудняют доступ к гражданам к информации являются недостаточная информационная открытость органов публичной власти, несовершенство законодательства в данной сфере, информационная неграмотность части граждан, в особенности маленьких городах, деревнях и селах. Граждане старше тридцати лет не всегда умеют пользоваться информационными технологиями.

Требования к периодичности размещения информации в форме открытых данных и срокам обновления наборов данных в сети Интернет определяются государственным органом или органом местного самоуправления, осуществляющим их размещение в сети Интернет.

Такие требования указываются в паспорте набора данных, утверждаемом решением руководителя (заместителя руководителя) соответствующего государственного органа или органа местного самоуправления (п. 5 Правил определения периодичности размещения в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" в форме открытых данных общедоступной информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, сроков ее обновления, обеспечивающих своевременность реализации и защиты пользователями своих прав и законных интересов, а также иных требований к размещению указанной информации в форме открытых данных, утв. Постановлением Правительства РФ от 10.07.2013 N 583) с учетом Методических рекомендаций» [3].

На сегодняшний день созданы и функционируют официальные сайты в сети Интернет большинства органов государственной власти. На таких сайтах не только размещается вся необходимая информация, но и функционируют разнообразные сервисы для контакта граждан с представителями государственного органа, в которых они могут высказать свои пожелания, подать жалобу или оставить отзыв об услуге.

Современные информационные технологии, безусловно, динамично развиваются, однако отсылка к интернет-публикациям и ущемление таким образом свободы для обладателя права на доступ к информации путем запроса представляется весьма противоречивой. Рациональное звено в облегчении работы указанных органов государственной власти по обработке огромного количества запросов по информации, которая содержится в сети «Интернет», присутствует.

Однако не стоит забывать о том, что в настоящее время еще не каждый человек имеет доступ к интернет-ресурсам с точки зрения технической оснащенности. Есть также отдельные категории граждан, которые в силу своего возраста или образовательных

навыков лишены возможности их использования.

Таким образом, получается ситуация, когда запрет дублирования запросов в отношении информации, размещенной в сети Интернет ограничивает возможность реализации право на доступ к такой информации отдельных категорий граждан. Помимо этого, рассчитывая лишь на интернет-ресурсы, сохраняется угроза получения информации из ненадежных источников.

Среди ученых и практиков не сложилось единого мнения об эффективности функционирования интернет-сайтов органов власти и их роли в вопросах взаимодействия граждан и государственных органов. Да, действительно, Интернет в настоящее время нельзя считать общедоступным для всех слоев населения, поскольку согласно проводимым опросам, для получения информации о деятельности органов государственной власти сеть Интернет используют лишь менее половины пользователей.

Однако, политика государства такова, что в ближайшем будущем информация, размещенная на официальных сайтах органов власти, будет доступной формой информационного обеспечения граждан, что, несомненно, окажет существенное влияние на повышение активной роли общества во взаимоотношениях с государственными структурами.

Таким образом, указанная ситуация, при которой ставится под сомнение свобода поиска и получения информации, провозглашенная Конституция Российской Федерации, сохраняется и в настоящее время при реализации права на доступ информации как к деятельности государственных органов, так и к деятельности судов.

Проанализированные проблемы правовой регламентации отдельных аспектов реализации права на доступ к информации напрямую связаны с наличием в федеральном законодательстве неоднозначных формулировок целого ряда норм. Это наводит на мысль о необходимости реформирования законодательства, посвященного вопросам доступа к информации органов власти.

Внедрение в деятельность органов власти информационных технологий, создание и ведение ими своих официальных сайтов позволило найти решение важной проблемы, с которой сталкивается общество при взаимодействии с органами публичной власти, в случае обеспечения общедоступности информации об деятельности государственных органов. Наличие у указанных субъектов полноценных официальных сайтов повышает ответственность властных структур за надлежащее исполнение своих функций и обязанностей.

В настоящее время органы власти недостаточно эффективно используют такой способ распространения информации о своей деятельности, как ее размещение в общедоступных местах. В большинстве случаев этот способ сводится к организации информационных стендов, которые располагаются непосредственно в помещениях органов власти. Вместе с тем, потенциал данного способа не исчерпывается лишь информационными стендами и досками объявлений.

К общественно доступным местам, посредством которых можно эффективно распространять информацию о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, относятся:

1. отделения почтовой связи ФГУП «Почта России»;
2. отделения Сбербанка РФ;
3. отделения (отделы) внутренних дел, а также их подразделения;
4. библиотеки;
5. государственные учебные заведения (гимназии, школы, колледжи, институты, университеты);
6. суды, канцелярии судебных участков мировых судей;
7. государственные юридические бюро по оказанию бесплатной юридической помощи;
8. государственные учреждения здравоохранения (поликлиники и больницы).

Открытость и глобальность Интернета, представляющего собой всемирную телекоммуникационную сеть, создают огромные потенциальные возможности. Всемирная сеть впитала в себя многие новые информационные технологии, стала их проводником, зарекомендовала как удобнейший способ быстрой связи и глобального поиска нужной информации.

Чем доступнее информация о деятельности государственных органов, тем более высок уровень социальной защищенности граждан, и соответственно, более открыта сама деятельность государственного органа, что в свою очередь, способствует повышению уровня доверия граждан к властным структурам.

Безусловно, недостаточная информированность общества создает препятствия на пути взаимодействия граждан и органов публичной власти, способные привести к необратимым последствиям, как для общества, так и для государства в целом. Необходимо развивать систему доступности для граждан публичной и общественно значимой информации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. с учетом Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 21.03.2014 г. № 6-ФКЗ с изм., внесенными Федеральными конституционными законами № 5-ФКЗ, № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, № 8-ФКЗ // СЗ РФ. 2014, 31, ст. 4398; 2022. № 41, ст. 6930; ст. 6931; ст. 6932; ст. 6933.

2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (с посл. изм.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I), ст. 3488.

3. Постановление Правительства от 10.07.2013 № 583 «Об обеспечении доступа к общедоступной информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления в информационно-телекоммуникационной сети Интернет в форме открытых данных». Доступ из инф.-справ. системы «КонсультантПлюс».

4. Национальный доклад о доступе к информации о деятельности органов власти в Российской Федерации. Институт развития свободы информации. URL: <http://www.svobodainfo.org> (дата обращения: 16.03.2023).

5. Тхабисимова, Л. А. Общественный контроль в институциональной системе антикоррупционной политики: от новой методологии к новым технологиям / Л. А. Тхабисимова, М. И. Цапко // Современная наука и инновации. – 2017. – № 3(19). – С. 270-272. – EDN YOYVZZ.

В.А. Немов

аспирант кафедры конституционного и
муниципального права
ФГБОУ ВО «СГУ им. Н.Г. Чернышевского»
v.a.nemow.98@mail.ru

Научный руководитель: Е.А. Абаева

кандидат юридических наук, доцент

НОВЫЕ ФОРМЫ РАБОТЫ С ОБРАЩЕНИЯМИ ГРАЖДАН В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ)

Аннотация. В статье проводится формально-юридический и системно-юридический анализ правоприменительной практики Государственной Думы Российской

Федерации по рассмотрению новых форм обращений граждан. Результатом исследования является вывод о необходимости внесения изменений Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», поскольку он не учитывает новые формы обращений.

Ключевые слова: обращения граждан, парламент, парламентский контроль, представительный орган, законодательный орган, социальные сети

V.A. Nemov

Postgraduate student, Department of Constitutional and
Municipal Law of Saratov State University
Scientific director, Ph.D. in Jurisprudence, Associate Professor of
Constitutional and Municipal Law,

Scientific supervisor: E.A. Abayeva
Candidate of Law, Associate Professor

NEW FORMS OF WORK WITH CITIZENS' APPEALS IN THE ERA OF DIGITALIZATION (ON THE EXAMPLE OF THE ACTIVITIES OF THE STATE DUMA OF THE FEDERAL ASSEMBLY)

Abstract: The article provides a formal legal and systemic legal analysis of the law enforcement practice of the State Duma of the Russian Federation to consider new forms of citizens' appeals. The result of the study is the conclusion that it is necessary to amend Federal Law No. 59-FZ of May 2, 2006 "On the procedure for considering appeals from citizens of the Russian Federation", since it does not take into account new forms of appeals.

Keywords: citizens' appeals, parliament, parliamentary control, representative body, legislative body, social networks

Регистрация и рассмотрение обращений граждан и организаций в Государственной Думе осуществляется в соответствии с Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», Федеральным законом от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления», Федеральным законом от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», Регламентом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, Положением об Аппарате Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, Порядком рассмотрения обращений граждан в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации.

В соответствии со статьями 94 и 103.1 Конституции Российской Федерации Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации является представительным и законодательным органом, а также одним из органов парламентского контроля Российской Федерации.

Согласно открытым данным Государственная Дума наряду с такими традиционными формами обращений как письменные и поступившие в ходе личных приемов, также использует и новые формы обращений: поступившие в форме электронного документа, в том числе через специально платформы, социальные сети и мессенджеры.

К специальным платформам можно отнести портал «Приемная Государственная Дума ГАС «Законотворчество» priemnaya.duma.gov.ru, который находится в beta-версии. Направление обращения через такую платформу осуществляется путем создания личного

кабинета и заполнения необходимой формы. В личном кабинете реализована функция отслеживания процесса рассмотрения обращения. Согласно информационно-аналитическому отчету Управления по работе с обращениями граждан Аппарата Государственной Думы за IV квартал 2022 года через данную платформу поступило 175 419 обращений, в связи с чем видится целесообразным в ближайшей перспективе внедрения на данной платформе технологий искусственного интеллекта по примеру цифрового помощника «Робот Макс» Единого портала государственных и муниципальных услуг, который автоматически обучается в ходе взаимодействия с заявителями, предоставляет консультации по ряду вопросов, а также помогает определить пользователям портала в какую структуру направить свое обращение.

Примером использования Государственной Думой в целях рассмотрения обращений граждан социальных сетей и мессенджеров можно назвать верифицированную (подтвержденную администрацией социальной сети) страницу Председателя Государственной Думы В.В. Володина в мессенджере «Telegram». В публикации от 15 марта 2022 года автор канала утверждает, что «каждое сообщение воспринимается как личное обращение», а в публикации от 16 октября 2022 года «сообщения изучаются, Приемная Государственной Думы будет в приоритетном порядке рассматривать обращения и реагировать на них».

Государственная Дума, как законодательный орган власти, рассматривает лишь те вопросы, которые отнесены к ее компетенции положениями статей 103, 105 и других статей Конституции Российской Федерации. Законодательный характер Государственной Думы предполагает осуществление деятельности, направленной на разработку, внесение, рассмотрение и принятие проекта закона.

Согласно отчету по вопросам законодательного характера поступило:

по тематическому блоку «Оборона, безопасность, законность» 92,2 тыс. обращений (90,3% от поступивших по данному разделу) направлены против принятия законопроекта №211535-8 «О государственной информационной системе «Единая информационная система персональных данных, обеспечивающая обработку, включая сбор и хранение биометрических персональных данных, их проверку и передачу информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным физического лица». Актуальными были просьбы принять законопроекты об освобождении от мобилизации: отцов троих детей; граждан, осуществляющих уход за ребенком-инвалидом, родителей (усыновителей), опекунов (попечителей) ребенка-инвалида или инвалида с детства; единственных сыновей одиноких родителей (№№201632-8, 203675-8, 205732-8, 206845-8).

По тематическому блоку «Государство, общество, политика» 26,7 тыс. (51,0% от обращений, поступивших по разделу) с откликом на законопроекты о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений (№№217471-8, 217472-8, 165975-8).

По тематическому блоку «Социальная сфера». По вопросам семейного законодательства продолжали поступать обращения с просьбами: принять законопроект №157281-8, направленный на ограничение перечня причин, по которым ребенок может быть изъят из семьи; закрепить верхний предел размера алиментов; внести изменения в Семейный Кодекс РФ, уравнивающие права отцов на воспитание детей в случае развода и защищающие права детей на воспитание обоими родителями; в целях повышения рождаемости выступить с законодательной инициативой о выводе абортотворения из системы обязательного медицинского страхования.

По тематическому блоку «Экономика», где наибольшее количество – 2,9 тыс. обращений (26,1% от поступивших по данному разделу) с просьбой принять законопроект №40333-8, устанавливающий запрет на вылов морских млекопитающих в культурно – просветительских целях, и отклонить законопроект №173016-8 о распределении инвестиционных квот добычи водных биологических ресурсов.

По тематическому блоку «Жилищно-коммунальная сфера» 3,2 тыс. обращений (1,8% от общего количества). Поступило более 300 коллективных обращений (всего 38 подписей) с просьбами отклонить инициативы Правительства РФ о повышении цен на жилищно-коммунальные услуги с 01.12.2022, принять законодательный акт о поэтапном снижении цен на ЖКУ и доведении их до 15% от минимальной заработной платы по стране.

Кроме того, в мессенджере «Telegram» на странице В.В. Володина 2 апреля 2022 года, 13 июня 2022 года, 27 июня 2022 года были размещены публикации с просьбой направить свои предложения через социальную сеть по вопросам рассмотрения законов о выходе из «Болонской системы» и возвращения в образовательные программы общественно-полезной работы в виде участия школьников в «дежурствах» в столовых и уборки школьных кабинетов.

Государственная Дума, как представительный орган власти, рассматривает вопросы, которые не отнесены к ее компетенции положениями статей 103, 105 и других статей Конституции Российской Федерации. Представительная функция Государственной Думы имеет амбивалентный характер и предполагает не только деятельность, направленную на формирование политической воли народа и самостоятельное принятие наиболее ответственных решений по вопросам жизнедеятельности государства народным представительством, но и представление народу сформированной политической воли государственной власти и ответственность за принятые государственной властью решения, зачастую принятые иными органами государственной власти.

Согласно отчету по вопросам представительного характера поступило:

По тематическому блоку «Оборона, безопасность, законность» 5,6 тыс. обращений (5,4% обращений раздела) направлено заявителями по вопросу проведения специальной военной операции. Обращения содержали жалобы на работу военкоматов при проведении частичной мобилизации, предложения о законодательных инициативах, регулирующих предоставление социальных гарантий участникам СВО и их семьям. Иные предложения о совершенствовании законодательства в области судопроизводства.

По тематическому блоку «Экономика». По вопросам ответственного обращения с животными заявители обращались с требованиями провести проверку в приютах («ЭкоПриют» г. Астрахань, Кожуховский приют для безнадзорных животных г. Москва) и пунктах передержки безнадзорных животных (г. Якутск).

По тематическому блоку «Жилищно-коммунальная сфера» Сохраняли актуальность вопросы жилищного строительства (Краснодарский край, Ставропольский край, Московская область), вопросы проведения капитального ремонта многоквартирных домов, жалобы на управляющие компании, просьбы о признании домов аварийными.

Для исполнения представительных функций в мессенджере «Telegram» на странице В.В. Володина 16 октября 2023 года была размещена публикация с просьбой о направлении через социальную сеть жалоб по вопросам реализации Указа Президента РФ от 21.09.2022 № 647 «Об объявлении частичной мобилизации».

Разрешение обращений в Государственную Думу как к представительному органу осуществлялось в соответствии с частью 1 статьи 8 Федерального закона от 2 мая 2006 г. №59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» гражданин направляет обращение непосредственно в тот государственный орган, орган местного самоуправления или тому должностному лицу, в компетенцию которых входит решение поставленных в обращении вопросов. Обращения по вопросам, не относящимся к компетенции Государственной Думы и ее должностных лиц, направляются соответственно в федеральные и региональные органы исполнительной власти, к непосредственному ведению которых относится решение обозначенных заявителем вопросов, с уведомлением об этом авторов обращений.

Государственная Дума, как орган парламентского контроля, рассматривает те вопросы, которые отнесены к ее компетенции положениями статьи 103.1 Конституции

Российской Федерации. Парламентский контроль осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 07.05.2013 N 77-ФЗ «О парламентском контроле» и имеет четко определенные формы: рассмотрение вопроса о доверии Правительству РФ, заслушивание и рассмотрение отчетов, информации и докладов, направление парламентских запросов, парламентские слушания и расследования и т.д.

Согласно отчету по вопросам парламентского контроля поступили:

По тематическому блоку «Оборона, безопасность, законность» обращения с жалобами на работу органов прокуратуры и судов различных уровней и жалобы на неисполнение судебных решений.

По тематическому блоку «Социальная сфера». 4,3 тыс. обращений (25,8% обращений данного блока) из них с жалобами на Министерство просвещения Российской Федерации (нарушение Правил осуществления просветительской деятельности, внесение изменений в приказы о формировании перечня организаций, осуществляющих научно-методическое обеспечение образовательной деятельности, перевод учеников на обучение по новым ФГОС, модернизация школьных систем образования в регионах, внедрение цифровой образовательной среды).

Для вовлечения населения в реализацию функция парламентского контроля в мессенджере «Telegram» на странице В.В. Володина 22 марта 2022 года и 19 апреля 2022 года были размещены публикации с просьбой о направлении через социальную сеть предложений для вопросов в ходе ежегодного отчета Центрального Банка РФ и Правительства РФ соответственно.

Таким образом, популярность обращений в Государственную Думу обусловлена наличием широкого спектра полномочий, которые предоставлены ей Конституцией РФ посредством закрепления законодательной и представительной функций, а также функций парламентского контроля. Вместе с тем использование новых форм работы с обращениями граждан посредством специальных платформ, социальных сетей и мессенджеров осуществляется без законодательного регулирования, что свидетельствует о моральном устаревании Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», поскольку не учитывает новые формы обращений граждан.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014 № 31 Ст. 4398.
2. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2060. СЗ РФ. 2018. № 53 (ч.1). Ст. 8454.
3. О парламентском контроле: Федеральный закон от 07.05.2013 № 77-ФЗ (ред. от 14.03.2022) // СЗ РФ. 2013. № 19. Ст. 2304. СЗ РФ. 2022. № 12. ст. 1785
4. Шахрай С.М. Конституционное право Российской Федерации: учебник для академического бакалавриата и магистратуры. 4-е изд., изм. и доп. М.: Статут, 2017. 624 с.
5. Работа с обращениями граждан // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации // URL: <http://duma.gov.ru/representative/letters/work/> (дата обращения 11 марта 2023 года)
6. Телеграм-канал Председателя Государственной Думы Вячеслава Володина // URL: https://t.me/vv_volodin (дата обращения: 11 марта 2023 года)
7. Акименко, М. А. О некоторых криминологических свойствах фейковой информации в современных условиях / М. А. Акименко // Актуальные проблемы правосудия и правоохранительной деятельности : Материалы III Всероссийской научно-

практической конференции, Пятигорск, 26 апреля 2022 года. – Пятигорск: Пятигорский государственный университет, 2022. – С. 217-221. – EDN СНJRAE.

8. Тхабисимова, Л. А. Общественный контроль в институциональной системе антикоррупционной политики: от новой методологии к новым технологиям / Л. А. Тхабисимова, М. И. Цапко // Современная наука и инновации. – 2017. – № 3(19). – С. 270-272. – EDN YOVVZZ.

Е.Е. Носков

аспирант первого года обучения
кафедры гражданского права и процесса
Пятигорского государственного
университета, г. Пятигорск
noskovvegorka1999@gmail.com

Научный руководитель: **Мазуренко А.П.**

доктор юридических наук, профессор
кафедры гражданского права и процесса
Пятигорского государственного университета

ПРОБЕЛЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: рассматриваются проблемы, связанные с пробельностью правового регулирования в сфере информационных систем и технологий в условиях цифровизации. Анализируются положительные и отрицательные стороны процесса цифровой трансформации в современной России, детализируются риски, связанные с утечками персональных данных. Делается вывод о необходимости мониторинга действующего гражданского законодательства в названной сфере с целью устранения пробелов в правовом регулировании.

Ключевые слова: гражданско-правовое регулирование, пробелы, информационные системы, цифровизация.

Noskov E.E.

first year postgraduate student
Department of Civil Law and Process
Pyatigorsk State
University, Pyatigorsk
noskovvegorka1999@gmail.com

supervisor: **Mazurenko A.P.**

Doctor of Law, Professor
Department of Civil Law and Process
Pyatigorsk State University

GAPS IN CIVIL LAW REGULATION OF INFORMATION SYSTEMS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract: the problems associated with the gaps in legal regulation in the field of information systems and technologies in the context of digitalization are considered. The positive

and negative aspects of the digital transformation process in modern Russia are analyzed, the risks associated with personal data leaks are detailed. It is concluded that it is necessary to monitor the current civil legislation in this area in order to eliminate gaps in legal regulation.

Keywords: civil law regulation, gaps, information systems, digitalization.

Жизнь современного человека все больше базируется на основах информационно-цифровой среды. Многие данные, относящиеся к различным сферам жизнедеятельности личности и окружающего ее мира могут быть созданы, загружены или найдены в сетевом Интернет-пространстве. В своей совокупности они представляют различные сервисы хранения, обработки и передачи различной информации, относящиеся как к государственным органам власти, так и частным российским и международным компаниям. В данных условиях задачей государства является выполнение ряда действий, направленных как на правовое регулирование множества вопросов, связанных с применением закона и отстаиванием прав граждан в сетевом пространстве, так и на контроль эффективности подобного регулирования. Это могут быть механизмы, дающие законный доступ к свободной информации, или устанавливающие запрет определенной информации, нарушающей законодательство, контроль за сохранностью интеллектуальной собственности и т.п. инструменты правового регулирования.[1]

Как известно, в последнее десятилетие Российской Федерацией взят курс на цифровизацию всех отраслей экономики, бизнеса и потребления, что влечет за собой перенос ряда действий, связанных с взаимоотношениями государственных, муниципальных структур и граждан по передаче личной информации (персональных данных) и ее хранения в цифровом виде посредством взаимодействия через Интернет-пространство. С одной стороны, цифровизация – необходимый шаг нового этапа развития общества и новый уровень взаимодействия между людьми, связанный с сокращением ресурсов времени и нагрузки на различные органы и ведомства, обеспечением дополнительных удобств при создании и поиске информации и т.д. Но, с другой стороны, именно эти положительные качества создают проблематику, связанную с оборотом, хранением, передачей информации и понятием авторского права в сети, что в свою очередь создает прецеденты, связанные с нарушением прав граждан и организаций, а также безопасности государства.[3]

Так в этот период в Российской Федерации прочно вошло в повседневный обиход понятие «персональные данные», подразумевающее любую информацию, прямо или косвенно относящуюся к определенному лицу, необходимую для совершения соответствующих операций на цифровых ресурсах, требующих идентификации личности лица для подтверждения того или иного действия в виртуальном пространстве. Это, как правило, паспортные данные (серия номер, в том-числе оцифрованная копия материального документа), сведения о месте проживания, работы и другая личная информация. Согласно действующего законодательства, организации, осуществляющие работу по использованию и обороту информации, связанной с персональными данными граждан, обязаны хранить и не передавать личную информацию третьим лицам, а также совершать какие-либо действия, нарушающие права граждан. Но на практике достаточно часто происходит нарушение правовых норм, а именно утечки персональной информации в общий доступ, торговля базами данных, использование в финансовых махинациях в банковской и иной сфере. [5]

При этом законодательство Российской Федерации достаточно четко прописывает все этапы, связанные с использованием, хранением и передачей при обороте персональных данных граждан в цифровой среде, а также применения определенных санкций к организациям при утечках баз данных, в том числе и в государственных ведомствах или крупных коммерческих ресурсах при хакерских атаках, ошибках в защите или операций, связанных с оборотом данных либо сознательных правонарушений со стороны сотрудников.[2]

Однако раскрытие всех подобных прецедентов и нарушений права в виртуальной среде не всегда возможно в силу пробельности гражданского законодательства, не охватывающего пока множества способов совершать подобные правонарушения (путем сокрытия или подмены своего уникального Интернет-адреса, использованием вредоносного программного обеспечения и иных приемов, позволяющих избежать ответственности за такие действия).

Стоит отметить, что помимо злоумышленников, часть ответственности лежит на организациях, не обеспечивших высокую степень защиты при хранении или передаче информации, допустивших утечку данных, а также на самих пользователях, незаметно или в результате ведения в заблуждение, раскрывшие свои персональные данные. Если в первом случае претензии могут быть адресованы к конкретной организации, допустившей утечку, то в случае личного раскрытия данных в цифровом пространстве конкретным лицом, достаточно сложно установить правонарушителя, так как гражданин сам предоставил свою личную информацию. Данная проблема относится к числу не урегулированных с гражданско-правовой точки зрения и является наглядным примером пробела в законодательном обеспечении взаимодействия граждан с информационными системами в условиях цифровизации.

К числу подобных проблем во взаимоотношениях между участниками отношений в сфере использования информационных технологий можно отнести проявления «цифровой травли» личности (преследования, распространение заведомо ложной информации, порочащую отдельных лиц и целые кампании и т.п.) путем совершения определенных негативных действий, использования клеветы, распространение соответствующей информации, в том числе медиа-данных или использования чужих данных в своих целях. [4]

Понятно, что на первом этапе развития информационных систем и цифровизации в России было достаточно сложно сразу и полностью урегулировать взаимоотношения участников данного процесса и отслеживать нарушения прав граждан в социальных сетях, но постепенно государство пытается сформулировать комплекс определенных законодательных шагов, направленных на ликвидацию пробелов в данной сфере.

К числу сохраняющихся на сегодняшний день пробелов относится, в частности, недостаточная урегулированность нормами гражданского права вопросов обмена данными между различными отраслями информационной системы РФ и использования в этих целях специализированного программного обеспечения (ПО). В задачи такого ПО должно входить контролирование операций, связанных с защитой персональных данных, медиа-данных конкретного лица или совокупности лиц, а также обеспечения участников этих отношений специализированными программными ресурсами, способными осуществлять необходимый мониторинг за сохранностью и достоверностью данных в отечественном цифровом пространстве.

Таким образом, можно сделать вывод, что сегодня в Российской Федерации создано много цифровых продуктов, которые уже вошли или только начинают входить в нашу повседневную жизнь. Однако, несмотря на достаточно высокий уровень нормативного регулирования вопросов использования информационных систем в нашей стране, их уникальность и продолжающееся интенсивное развитие в условиях цифровизации создают множество новых прецедентов. Подобное положение служит основой появления новых пробелов в гражданско-правовом обеспечении данной сферы, когда многие вопросы, связанные с цифровой средой не удается решить до конца путем дополнительного правотворчества. Но это не означает, что нужно останавливать процесс развития цифровой среды и отказавшись от прогресса, возвращаться к материальной системе сбора, хранения и обработки данных. Это означает, что необходимо задействовать новые инструменты отечественной системы права, в том числе те, которые направлены на обеспечение безопасности как частных, так и государственных информационных баз данных и регулирование потоков информации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Библиотеки в системе правового просвещения населения: информ.-коммуникац. технологии: материалы Всерос. Форума, Магнитогорск Челяб. обл., 17-19 нояб. 2015 г. / сост. И.Н. Фадеева. – Челябинск: [б. и.], 2015. – 152 с.; То же [Электронный ресурс]. – URL: http://chelreglib.ru/media/files/prof/forum_biblioteki_pravovoe_prosveschenie/Libraries_in_the_system_of_legal_education2015.pdf (18.03.2023).
2. Леонтьева П.В. Деятельность центров правовой информации в библиотеках Алтайского края: итоги исслед. / П.В. Леонтьева, Ю.Н. Солдатова // Алтай библиотечный. – Барнаул, 2008. – С. 64-72; То же [Электронный ресурс]. – URL: <http://akunb.altlib.ru/2011-08-10-11-09-32/> (18.03.2023).
3. Филиппова М.В. Пользователь Центра правовой информации. Прошлое, настоящее и будущее / Филиппова М.В., Шишмолина Е.Н. // Современный читатель и библиотека: выбор коммуникатив. практик. – СПб., 2013. – С. 180-186; то же [Электронный ресурс]. – URL: <http://nlr.ru/tus/20121115/Filippova.pdf> (18.03.2023).
4. Рыбакова О.С. Реализация права индивида на доступ к правовой информации в условиях цифрового общества // Вестник Филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в городе Душанбе. – 2021. – № 2 (18). – С. 80-88. – Электронная копия доступна на сайте журнала. URL: [https://msu.tj/file/vestnik/vestnik_2021_\(2\)v2.pdf](https://msu.tj/file/vestnik/vestnik_2021_(2)v2.pdf) (дата обращения: 18.03.2023).
5. Самойлов И.С. Центры правовой информации в системе информационных ресурсов библиотек // Молодежный вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2021. – № 1 (15). – С. 186-188. – Электронная копия номера доступна на сайте СПбГИК. URL: https://www.spbgik.ru/upload/iblock/a6f/d91zlijm2a8epdgbiq3hfof0wrplvsx4/Molodezhnyy-vestnik-SPbGIK_-1_15_-2021.pdf (дата обращения: 18.03.2023)
5. Тхабисимова, Л. А. Общественный контроль в институциональной системе антикоррупционной политики: от новой методологии к новым технологиям / Л. А. Тхабисимова, М. И. Цапко // Современная наука и инновации. – 2017. – № 3(19). – С. 270-272. – EDN YOYVZZ.

Д.С. Терентьев
аспирант 3 курса, ФГБОУ ВО Новгородский
государственный университет имени Ярослава Мудрого,
dmiter17@mail.ru

Научный руководитель: кандидат технических наук, доцент,
ФГБОУ ВО Новгородский государственный
университет имени Ярослава Мудрого,
М. В. Осипова

ЗАЩИТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ В АРБИТРАЖНОМ СУДЕ

Аннотация. На современном этапе развития общества и экономики, всё большую актуальность набирают нематериальные активы, а именно объекты интеллектуальной собственности (ИС), которые способствуют внедрению инноваций во все сферы жизнедеятельности человека, тем самым развивая экономику и уровень жизни людей. Арбитражный суд гарантирует гражданам Российской Федерации возможность защитить свои интеллектуальные права, защитить материальные права в сфере интеллектуальной

собственности. Объективно существуют трудности в законодательной сфере: несовершенство законов влечет споры по защите прав авторов, правообладателей на результаты интеллектуальной деятельности (РИД) и пр.

Ключевые слова: интеллектуальные права, арбитражный суд, суд по интеллектуальным правам, гражданское право, Гражданский Кодекс, результаты интеллектуальной деятельности, интеллектуальная собственность.

D.S. Terentyev

3rd year postgraduate student, Yaroslav the
Wise Novgorod State University
dmiter17@mail.ru

Scientific supervisor: Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor, Yaroslav the Wise
Novgorod State University,
M.V. Osipov

THE ROLE OF CIVIL LAW IN ENSURING THE INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract: At the present stage of development of society and the economy, intangible assets, namely intellectual property objects (IP), which contribute to the introduction of innovations in all spheres of human activity, thereby developing the economy and the standard of living of people, are gaining increasing relevance. The Arbitration Court guarantees the citizens of the Russian Federation the opportunity to protect their intellectual rights, to protect material rights in the field of intellectual property. To date, there are difficulties in the legislative sphere: the imperfection of laws entails disputes over the protection of the rights of authors, copyright holders to the results of intellectual activity, etc.

Keywords: intellectual rights, arbitration court, intellectual property court, civil law, civil code, results of intellectual activity, intellectual property.

В настоящее время исключительные и авторские права на объекты интеллектуальной собственности и РИД слабо защищены. Исключительные и авторские права регламентируются VII разделом 4 ч. ГК РФ. Статьи по авторскому праву содержатся в 70 главе 4 ч. ГК РФ. Исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности рассматриваются в нескольких статьях ГК РФ: 1229-1231, 1256, 1270 и др.

Авторское право – это право, принадлежащее авторам и их правопреемникам в отношении интеллектуальной деятельности. Отличительными особенностями законодательства о защите авторских прав от законодательства о защите исключительных прав заключается в том, что оно является наиболее полным и обобщенным, при этом исключительное право применяется в конкретных, частных случаях. Защите авторским правом подлежат произведения искусства, науки, литературы, компьютерные программы.

Для защиты интеллектуальных прав существует необходимость в государственном органе судебной власти, занимающимся рассмотрением дел, связанных с защитой интеллектуальных прав. В связи с этим был сформирован первый в России специализированный «Суд по интеллектуальным правам», работа в котором требовала наличия большого опыта работы в сфере защиты интеллектуальных прав и профессиональных знаний. Дела по защите интеллектуальных прав специфичны, и требуют большого количества компетенций помимо юридических, в первую очередь это видно в сравнении с иными категориями гражданских дел.

Роспатент, ФИПС, ФАПРИД занимаются вопросами охраны и уполномочены

также защищать интеллектуальные права авторов.

Также вопросами защиты интеллектуальных прав занимаются арбитражные суды, суды общей юрисдикции. Отдельно можно выделить специализированный Арбитражный суд по интеллектуальным правам. Данный суд по необходимости из-за сложности рассматриваемых дел выделен из системы арбитражных судов. Т.к. рассмотрение данных дел требует специальных компетенции, связанных не только со знаниями в области права, но и знаниями обширной технической специфики.

Более десяти лет назад был учрежден Суд по интеллектуальным правам, свою работу он начал спустя три года. Иначе этот суд называют - Суд по интеллектуальной собственности. Однако данное название является не совсем корректным, т.к. в Гражданском кодексе фигурирует термин «интеллектуальные права». Термин «интеллектуальная собственность» используется для обозначения объектов, требующих защиты интеллектуальных прав.

Суд по интеллектуальным правам правомочен вести дела по защите прав на РИД и средства индивидуализации, защищать законные интересы правообладателей.

Система арбитражных судов включает в себя Суд по интеллектуальным правам. Рассмотрение дел при обращении в Арбитражный суд происходит в следующем порядке: суд первой инстанции, далее апелляционная инстанция находится в Арбитражном апелляционном суде, кассационной инстанцией выступает Коллегиальный состав судей Суда по интеллектуальным правам. Следующими инстанциями, связанными с рассмотрением дел, являются кассационная инстанция судебной коллегии Верховного Суда и надзорная инстанция Президиума Верховного суда.

Кассационной инстанцией при обращении в Арбитражный суд или в Суд по интеллектуальным правам является Суд по интеллектуальным правам. При этом следует отметить тот факт, что это является положительным моментом, т.к. способствует единообразию наработанной судебной практики [3, с. 42].

За последние годы количество обращений с разбирательствами по вопросам интеллектуальной собственности только растет, растет и статистика по вопросам защиты авторских прав. Суд по интеллектуальным правам за десятилетие работы сформировал определенный объем рассмотренных практических дел. Рассмотрение таких дел требует определенной специфики знаний в области охраны и защиты интеллектуальных прав, важен практический опыт юристов-профессионалов, занимающихся делами по защите интеллектуальной собственности.

Компетенции суда по интеллектуальным правам определены в Федеральном конституционном законе № 1-ФКЗ от 28.04.1995г. «Об Арбитражных судах в Российской Федерации». Часть дел рассматриваются в Арбитражном суде по интеллектуальным правам в качестве суда первой инстанции и кассационной инстанции.

Суд по интеллектуальным правам в качестве первой инстанции рассматривает дела о нарушениях прав правообладателей, об установлении правообладателей, о прекращении правовой охраны товарных знаков, РИД и пр.

Суд по интеллектуальным правам отличается от других категорий судов отсутствием апелляционной инстанции по рассмотрению дел, которые были ранее представлены к рассмотрению в этот суд в качестве суда первой инстанции. Второй особенностью является то, что в качестве суда кассационной инстанции рассматривает также дела, рассмотренные другими Арбитражными судами.

Суд по интеллектуальным правам территориально находится в г. Москва. Важной гарантией прав граждан является возможность обращения в Арбитражный суд по вопросам защиты прав в сфере интеллектуальной собственности. Последние десятилетия в Российской Федерации развивается такое направление деятельности как инновационная деятельность. В соответствии со Стратегией инновационного развития Российской Федерации вся российская экономика переводится на инновационный путь развития.

Для возможности наиболее качественно реализовать намеченные пути развития российской промышленности и науки необходимо обеспечить правовую защиту инновационной деятельности.

Активно разрабатываются и применяются новые нормативно-правовые акты, регулирующие данную сферу. Особое же внимание уделяется разрешению вопросов касательно охраны и регулирования прав на результаты интеллектуальной деятельности, которые производятся по договору с государством или лицом, выступающим от его имени.

С помощью решения этих вопросов можно избежать стагнации инновационных процессов и экономики России в целом, поскольку инновации и интеллектуальная собственность уже укоренились практически во всех сферах деятельности страны.

Экономика и развитие тесно взаимосвязаны. Повышение сферы научно-технических разработок, позволяет взаимодействовать и популяризировать сотрудничество со многими странами, в которые на сегодняшний день поставляется продукция и оборудование собственного производства, в том числе высокотехнологическое или с использованием искусственного интеллекта [5, с. 210].

В самом законодательстве нет четкого понятия результатов интеллектуальной деятельности (РИД). На РИД, созданных по гос. контрактам, существует ряд критериев, которые позволяют отделить эту группу от общей массы. Одним из таких критериев можно отнести финансирование за счет денег из бюджета страны и условия, на основании которых возникают отношения для создания РИД [2, с. 68]. Исходя из этих критериев, можно составить свое определение такого вида РИД - это результаты интеллектуальной деятельности, которые создаются с привлечением средств из федерального бюджета в полном объеме или частично.

Для того чтобы применять меры по охране прав на эти РИД, Российская Федерация должна быть его правообладателем. Некоторые виды РИД по правовой системе должны проходить обязательную официальную регистрацию в органах государственной власти или, иным словом, патентоваться. Список таких видов РИД состоит из 3 объектов - изобретений, полезных моделей и промышленных образцов. Право на получение патента по этим видам выступает первой ступенью к приобретению исключительного права.

В определенный временной период наиболее часто рассматриваемыми делами в арбитражных судах были дела о товарных знаках.

На современном этапе развития общества одну из важнейших составляющих положительной динамики развития организации, занимающейся производством, является маркетинг. Товарный знак играет большую роль при достижении поставленных маркетинговых целях, способствуя установлению отличительных черт товара, что выделяет его в глазах потребителя. Так как этот элемент средств индивидуализации оказывает огромное влияние на деятельность организации, то деятельность с ним регулируется и регламентируется нормативно-правовыми актами, в частности ГК РФ (ст. 1477). Это сделано с целью оградить добросовестных предпринимателей от влияния извне, оказываемого недобросовестной торговлей, также предоставляется инструмент охраны – регистрация в Роспатенте. Все действия направлены на самостоятельное развитие организации, построение своей системы по производству, реализации продукции, её продвижению на рынке и налаживанию отношений с потребителями [6, с. 708-710].

Мировой рынок товаров и услуг не перестает расти, в нем появляются новые юридические лица, предприятия, организации, которые ввиду большой конкуренции должны сделать все возможное, чтобы выделить себя от остальных участников рынка в глазах потребителей [4, с. 118]. За последние несколько десятилетий отношения между организациями перестали сосредотачиваться только внутри национальной территории. Появилось огромное количество организаций, которые помимо работы по направлению торговли с другими странами, сотрудничают по различным видам выгодных взаимоотношений с организациями из этих стран, в том числе и вопросам

интеллектуальной собственности. Это происходит из-за того, что внутренний рынок может быть переполнен и появляется необходимость разрабатывать другие рынки, где производимая товарная единица является востребованной. После научно-технического прорыва и начала «интернет эпохи», когда все смогли беспрепятственно распространять информацию, общаться с клиентами, реализовывать продукцию дистанционно, то уход на рынки других стран стал намного менее эффективным инструментом конкурентоспособности, в первую очередь из-за всеобщей доступности интернет-ресурсов. Так на первый план вышли средства индивидуализации: товарные знаки и знаки обслуживания, фирменное наименование, коммерческое обозначение, наименование мест происхождения товаров. Символ продукции, ассоциации потребителей с товарным знаком – «лицом организации», стали во многом определять успех производимой деятельности [1, с. 226-233].

В последние годы в арбитражные суды все больше стали обращаться граждане и организации о защите авторских прав и исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, недобросовестно использующиеся конкурентами производителями товаров или поставщиками услуг.

Специфика объектов интеллектуальной собственности и несовершенство законодательной базы затрудняет и усложняет споры о защите интеллектуальных прав. В связи с этим необходимо продолжать работу по совершенствованию законодательства в области защиты интеллектуальных прав.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Блинец, И.А. Авторское право и смежные права. Блинец И.А., Леонтьев К.Б. М.: Проспект, 2019. — 416 с.
2. Васильева Е.Н. Правовая охрана результатов интеллектуальной деятельности, созданных за счет средств федерального бюджета // «Имущественные отношения в Российской Федерации» - 2019 г. - № 5 - с. 66-81
3. Денисов, А. А. Арбитражный суд в судебной системе России / А. А. Денисов // . – 2021. – № 69-4. – С. 42-45. – DOI 10.18411/lj-01-2021-136. – EDN WCVVLO.
4. Осипова М.В., Кривенко Е.А. Правовая охрана товарного знака в Российской Федерации/ Научные школы. Молодежь в науке и культуре XXI века: материалы Междунар. науч.-творч. форума(науч. конф.), 24–25 нояб. 2022 г. / сост., науч. ред. Ю. В. Гушул; Челяб. гос. ин-т культуры. – Челябинск: ЧГИК, 2023. – 247 с.
5. Петрова Н. О. От идеи до прототипа: взаимосвязь научного потенциала с укреплением позиций технологического прогресса / Н. О. Петрова, М. В. Осипова // Стратегии адаптации ESG модели к меняющейся экономической реальности: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Омск, 05–06 октября 2022 года / Редколлегия: М.Г. Родионов, Е.В. Тесля, Н.В. Стаурская, Е.Ю. Воробьева, А.А. Кузьмин. – Омск: Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования "Сибирский институт бизнеса и информационных технологий", 2022. – С. 210-215. – EDN SNRBZU.
6. Тирских, В.В. К вопросу о правах на товарный знак / В.В. Тирских // Аллея науки. 2017. Т. 1. № 10. С. 708-710.
7. Кожиков, А. А. Государственная регистрация субъектов предпринимательства как элемент публичного регулирования экономических отношений / А. А. Кожиков, А. П. Попов // Актуальные проблемы юридической науки и практики : Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. В 2-х томах, Санкт-Петербург, 20 ноября 2019 года. Том 2. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская юридическая академия, 2019. – С. 88-92. – EDN YBTLUM.

А.В. Тимофеев
аспирант 3 курса, ФГБОУ ВО Новгородский
государственный университет имени Ярослава Мудрого,
s248901@std.novsu.ru

Научный руководитель: кандидат технических наук, доцент,
ФГБОУ ВО Новгородский государственный
университет имени Ярослава Мудрого
М.В. Осипова

К ВОПРОСУ ОПРАВОВОЙ ОХРАНЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО УКАЗАНИЯ И НМПТ В РОССИИ

Аннотация: Все чаще за последние годы в обиход жизни нашей страны входят вопросы, связанные с правовой охраной объектов интеллектуальной собственности, деятельность в разных сферах деловой жизни людей. Основная часть законодательства в сфере правовой охраны интеллектуальной собственности находится в 4 части ГК РФ. В данной статье проанализирован относительно новый объект интеллектуальной собственности «Географическое указание» проведен сравнительный анализ его со схожим по значению объектом «Наименование мест происхождения товара» выявлены основные отличия данных средств индивидуализации. Оценено значение развития российского законодательства в сфере интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: правовая охрана, географическое указание, конкуренция, товары, продукция, наименование места происхождения, интеллектуальная собственность, географический объект.

A.V. Timofeev
3rd year postgraduate student, Yaroslav the
Wise Novgorod State University
dmiter17@mail.ru

Scientific supervisor: Candidate of Technical
Sciences, Associate Professor, Yaroslav the Wise
Novgorod State University,
M.V. Osipov

LEGAL PROTECTION OF GEOGRAPHICAL INDICATION AND NMPT IN RUSSIA

Abstract: Increasingly, in recent years, issues related to the suspicion of the protection of intellectual property objects, activities in various areas of people's business life have come into use in our country. The main part of the legislation in the field of intellectual property protection is in part 4 of the Civil Code of the Russian Federation. This article analyzes a relatively new intellectual property object "Geographical Indication", a comparative analysis of its discovery by detecting "Denomination of Origin of Goods" is carried out, the main differences between these means of individualization are revealed. The state legislation of the Russian Federation in the field of free property is assessed.

Keywords: legal protection, geographical indication, competition, goods, products, appellation of origin, intellectual property, geographical object.

Географическое указание (ГУ) - это обозначение указания определенного региона, который имеет репутацию производителя редкого, уникального товара или продукта, характерного только для этого географического места положения.

Исключительное право на ГУ дает возможность обладателям обеспечивать охрану ГУ перед третьими лицами. К слову охраняемое ГУ не дает правообладателю препятствовать иным производителям аналогичный товар по условиям, указанной в стандартах данного ГУ.

Охранять ГУ возможно с помощью: системы специальных режимов охраны; коллективных знаков или знаков сертификации; методами коммерческой практики; применяя законодательство о недобросовестной конкуренции. В разных странах ГУ охраняется разными способами и методами в зависимости от внутреннего законодательства.

В Российской Федерации правовую охрану ГУ регламентирует ГК РФ. В нем предусматривается правовая охрана двух объектов интеллектуальной собственности, призванных индивидуализировать товар, значение которых связано между собой и на первый взгляд дублируют друг друга, но при более детальном рассмотрении данные объекты дополняют варианты защиты средств индивидуализации товаров.

Понятия «географическое указание» и «наименование места происхождения товара» иначе можно определить под другим известным понятием - «региональные бренды» [2, с. 686].

Одним из главных отличий географического указания (ГУ) от НМПТ является, то что НМПТ - это словесное обозначение, являющее собой наименование географического объекта, включающее такое наименование или производное от такого наименования. ГУ – это обозначение, позволяющее идентифицировать товар, который произвели на определенной территории.

Вторым отличием является то, что НМПТ регистрируется в отношении товара, обладающего особыми свойствами, которые исключительно определяются характерными для данного географического объекта природными условиями и (или) людскими факторами. Сопровождаемый НМПТ товар является своего рода единственным, неповторимым, не имеющим себе подобного. Географическое указание регистрируется в отношении товара, обладающего определенным качеством, репутацией или другими характеристиками, которые в значительной степени связаны с его географическим происхождением [3].

В случае регистрации географического указания на территории географического объекта должна осуществляться хотя бы одна из стадий производства товара, оказывающая существенное влияние на формирование характеристик товара. В случае НМПТ на территории географического объекта должны осуществляться все стадии производства товара, оказывающие существенное влияние на формирование особых свойств товара [3].

- НМПТ регистрирует уполномоченный орган о том, что в границах определенного географического региона заявитель производит товар, в соответствии с п.1 ст. 1516 ГК РФ.

Наиболее эффективным механизмом охраны прав региональных брендов является их государственная регистрация географического указания и наименования места происхождения товара. Статьи 1519 и 1229 регламентируют права использования правообладателем ГУ и НМПТ законными способами [4, с. 54].

Регистрация ГУ и НМПТ региональных брендов, местных товаров является самым эффективным способом охраны идентичности этих товаров. Для возможности регистрации ГУ и НМПТ товары должны обладать рядом особенностей: определенными свойствами, характеристиками, репутацией, историческими особенностями производства, связанными в первую очередь с географическим положением производства и потреблением этих товаров.

Региональные власти должны проявить заинтересованность в использовании ГУ и НМПТ, а также провести работу внутри своих регионов по информированию производителей товаров о таком средстве индивидуализации, разъяснить методологию применения и охраны данных объектов индивидуальной собственности. Работа в этом

направлении будет способствовать появлению новых товаров в регионах, повышению узнаваемости товаров и активности территорий. В результате чего, неизбежно такая работа привлечет внимание инвесторов.

Все это позволит привлечь инвестиции в регионы, которые необходимы для развития новых отраслей промышленности, увеличения занятости населения, просто предпринимательской активности, сохранения населения в сельской местности, препятствия оттока населения из отдаленных областей и регионов. Также это будет способствовать увеличению туристических потоков в отдаленные регионы, росту отечественного туризма. Одним из немаловажных аспектов является также и то, что развитие туризма влечет за собой сохранение и развитие традиционных народных художественных промыслов.

Исключительное право на географическое указание и наименование места происхождения товара предоставляется на основании свидетельства о регистрации данного права.

Первым этапом процесс государственной регистрации заявки на географическое указание или наименование места происхождения товара является подача первой заявки. подача заявки на регистрацию ГУ или НМПТ в Роспатент максимально удобная. Ее можно осуществить при личном посещении, по почте, по факсу, через госуслуги, с помощью электронного сервис на сайте ФИПС. Она рассматривается и при положительном заключении объекту предоставляются исключительные права.

Далее заявителю необходимо оплатить государственные пошлины, после чего, Роспатент заносит данные о предоставлении исключительных прав в Росреестр и передают заявителю свидетельство государственного образца об исключительном праве.

ГУ и НМПТ относятся к средствам индивидуализации, их особенностью является запрет передачи, отчуждения и распоряжения другими лицами их исключительными правами. Нельзя передать исключительные права без предварительного согласования и подписания договора.

Лицо, которое обладает исключительными правами, имеет защиту права на использование ГУ и запрещает выпуск контрафактной продукции. В случае выявления нарушений законодательство предусматривает изъятие из торговли и ликвидацию контрафактной продукции. В случае судебного разбирательства правообладатель может обратиться в суд и предъявить конкурентам производителям такой продукции возмещение материальных убытков и моральной компенсации [1, 103].

Правообладатель ГУ или НМПТ не может зарегистрировать товарные знаки, включающие такое ГУ, но в виде исключения, в товарный знак можно внести ГУ в порядке сходного до степени смешения с ним обозначения. Как неохраняемый элемент.

Срок охраны исключительного права на географическое указание и наименование места происхождения товара или продукции составляет десять лет со дня подачи заявки в Роспатент. Период действия правовой охраны составляет весь период, пока производится продукция или этот товар, специфические особенности которого обусловлены его географическим происхождением.

Исключительные права на географическое указание и наименование места происхождения товара могут продлеваться неоднократно. Это происходит после подачи заявки и предоставление подтверждающей документации о сохранении качественных характеристик товара или продукции, указанной в документации Госреестра. Также необходимо заплатить государственные пошлины перед получением пролонгированных документов.

В заключении хочется отметить тот факт, что введение в гражданский оборот нового средства индивидуализации «географическое указание» позволит выделить на рынке региональную продукцию, ярче осветить бренды регионов, привлечь туристические потоки, бизнес-инвестиции, поднять на новый уровень производство, улучшить уровень жизни населения за счет ввода новых рабочих мест, уменьшить или сократить отток

населения из сел в крупные города, обеспечить занятость населения сельских территорий, освоение новых сельских территорий. При этом глобальную важность такого развития для нашей страны даже трудно переоценить. Это должно являться важной государственной задачей и переходить на новый, более высокий уровень.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ворожевич А.С. Право интеллектуальной собственности: учебник. Т. 3: Средства индивидуализации / А.С. Ворожевич, О.С. Гринь, В.А. Корнеев и др., под общ. ред. Л.А. Новоселовой. - Москва: Статут, 2018. 432 с.

2. Рузакова О.А. Вопросы развития правового регулирования отношений, объектом которых выступают географические указания / О.А. Рузакова, Е.С. Гринь // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 4. С. 685-699.

3. Руководство по регистрации и предоставлению исключительного права на географическое указание и наименование места происхождения товара. <https://rospatent.gov.ru/ru/documents/ruc-gu-nmpt/download>.

4. Фабричный С.Ю. Новеллы о географических указаниях как объектах интеллектуальных прав / С.Ю. Фабричный, О.А. Рузакова // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 12. С. 53-61.

5. Попов, А. П. Публично-правовые и частноправовые аспекты правового режима земельных участков, расположенных в особо охраняемых природных территориях / А. П. Попов, В. С. Калашник // Теоретические и экспериментальные исследования в современной науке : Материалы международной научно-практической конференции. Сборник научных статей, Пятигорск, 19 апреля 2019 года. – Пятигорск: Рекламно-информационное агентство на Кавминводах, 2019. – С. 254-263. – EDN EYZVIB.